

литература • культура • молодёжь • время/ноябрь 2018

ИДЕАЛЬ

16+

**100 ЛЕТ ВЛКСМ
ОЧЕВИДЦЫ**

**ГЕРОЙ НОМЕРА
НАФИСА
ХАЙРУЛЛИНА**

**АЛЕКСАНДР
РОДЧЕНКО.
АРТ-РЕВО-
ЛЮЦИОНЕР
ИЗ КАЗАНИ**

НАС БРОСАЛА МОЛОДОСТЬ

ИДЕЛЬ

Редсовет:

Ильдар БАЯЗИТОВ
Разиль ВАЛЕЕВ
Римзиль ВАЛЕЕВ
Ркаил ЗАЙДУЛЛА
Айгуль ГОРНЫШЕВА
Фарид МИФТАХОВ
Газинур МУРАТ
Гульчачак НАЗИПОВА
Данил САЛИХОВ
Ляйсан САФИНА
Джавдат СУЛЕЙМАНОВ
Сюмбель ТАИШЕВА
Лаззат ХАЙДАРОВ
Данис ШАКИРОВ

Руководитель филиала

Радик Рашидович САБИРОВ

Главный редактор

Айсылу Айдаровна ХАФИЗОВА

Заместитель главного редактора

Ирина ЕРМАКОВА

Редакторы:

Елена ШТАНЬКО
Галина БУЛАТОВА
Зулейха КАМАЛОВА

Корректор:

Ильсия ШИГАПОВА

Макет, верстка

Равиль ШАРАФУТДИНОВ

Главный бухгалтер

Лилия БИКБАЕВА
Тел. +7(843) 222-09-84, доб. 1270

Офис-менеджер

Гульнара ЧЕРЕПНЕВА

Учредитель: АО «ТАТМЕДИА»

420097, Республика, Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Издатель: АО «ТАТМЕДИА»

420097, Республика, Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Создано при поддержке Республиканского
Агентства по печати и массовым
коммуникациям «ТАТМЕДИА»

Адрес для писем:

420066, г. Казань, а/я-52. «Идель».

Адрес редакции:

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2, 7 этаж.

e-mail: idel-kazan@mail.ru

Адрес сайта: www.idel-rus.ru

Тел +7(843) 222-05-45

За достоверность рекламных объявлений
ответственность несет рекламодатель

Подписной индекс – П2361

Свободная цена

При перепечатке ссылка на
«Идел - Идель» обязательна. Рукописи
не возвращаются и не рецензируются.
Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов.
Редакция не располагает возможностью
выступать ходатаем в
официальных организациях.

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
под номером
ПИ №ФС 77-54276 от 24 мая 2013 г.

Тираж – 1306

Тираж сертифицирован

Отпечатано в типографии

АО «Татмедиа» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2
Подписано в печать 02.11.2018
Заказ Е-2944
Формат 84x108, 1/16. Усл.-печ. л. 6,72
Уч.-издл. 8,5

16+

Фото 1 обложки – Александра Торгушникова

СОДЕРЖАНИЕ

35

- 3** 100 ЛЕТ ВЛКСМ
Ирина ЕРМАКОВА
*«Пусть на вашем знамени
всегда будут слова:
Мир, Свобода и Равенство!»*
- 5** 100 ЛЕТ ВЛКСМ
Ирина ЕРМАКОВА
*Ирина Донская: «Комсомол
был школой жизни и
социальным лифтом»*
- 11** 100 ЛЕТ ВЛКСМ
Ирина ЕРМАКОВА
*Борис Леушин: «Я верю,
будет построена новая
система координат!»*
- 16** ЮБИЛЕЙ
Нияз ИГЛАМОВ
*Айдар Хафизов:
«Театр – это элитарное
искусство»*
- 25** ГЕРОЙ НОМЕРА
Айсылу ХАФИЗОВА
*Нафиса Хайруллина:
«Не хочу слезить!»*
- 31** НОВАЯ КНИГА
Лябиб ЛЕРОН
«И ты люби меня»
- 33** ЛИТПРОЦЕСС
Галина БУЛАТОВА
*Владимир Лесовой:
«Я чувствую историческую
вину за смерть Цветаевой»*
- 35** КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ
**Ольга ГОЛЫЖБИНА,
Айсылу ХАФИЗОВА**
*Казанский ракурс Родченко.
Европейское турне*
- 38** КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ
Аделина БИККИНИНА
*Алексей Maestro:
«Портреты с фотографии
на заказ не пишу
категорически!»*
- 42** ДЕБЮТ
**Мадина КАСУМОВА,
Ксения КИРЬЯКОВА,
Анна ПОДГОРНОВА**
*Литературная радуга
детской студии*
- 47** ПРОЗА
Анастасия ВАСИЛЬЕВА
Картонный домик
- 48** ПРОЗА
Евгений ТАТАРСКИЙ
Рыболовы
- 54** ПРОЗА
Сергей КАРПЕЕВ
*Капелька Прыг-Кап,
Сказка о дружбе*
- 56** ПРОЗА
Игорь АЛЬМЕЧИТОВ
*Андреев. Глава из повести
«Апологетика пустоты»*
- 58** ПРОЗА
Антон БОРОВИКОВ
Школьное, или Let love in
- 60** ПРОЗА
Семён БИГОВСКИЙ
Под одеялом
- 61** ПРОЗА
Сергей ТЕЛЕВНОЙ
*Зачем поливать сухие
деревья и сорную траву*
- 65** КОНКУРС
**Александр КРУПНИН,
Алексей УПШИНСКИЙ,
Ника БАТХЕН**
«Хижицы-2018»
- 71** ЛАУРЕАТЫ
**Марк ШЕХТМАН,
Юлия РЕЗИНА,
Сергей ПАГЫН,
Наталья ПРИЛЕПО**
«Птица-2018»
- 77** ПОЭЗИЯ
Дина МУХАМЕДЗЯНОВА
Новый Гамлет
- 78** ПОЭЗИЯ
Елена БУРУНДУКОВСКАЯ
*Итальянское,
Негерой нашего времени*
- 79** МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА
Тимур КАРИМОВ
*Евгений Маргулис:
Песню «Бас, кызым, Эпинэ!» я
знаю наизусть!*

38

Молодость – это очень трудная и ответственная пора. За довольно короткий период человеку необходимо сделать не один судьбоносный выбор и посеять правильные плоды, чтобы в старости было, что пожинать.

В момент окончания школы ты выбираешь дальнейший свой путь и мучительно определяешься с вузом. Потом ты получаешь профессию, создаешь семью, достигаешь карьерных и социальных высот: набиваешь шишки, наращиваешь мышцы, набираешь скорость, учишься вставать после падений, планировать, а также любить и прощать.

У молодых в прошлом веке было хорошее подспорье – ВЛКСМ. Крупнейшая в истории молодежная организация была для них и досугом, и социальным лифтом, и школой жизни. Мы нашли казанских комсомольцев и попросили рассказать о том, как это было.

Искусство русского авангардиста, получившего становление в Казани, Александра Родченко ассоциируется с юношеским революционным задором. Все

видели его работы, но мало кто знает, что они – его. Арт-проект, созданный казанским модельером Екатериной Борисовой к 100-летию русской революции и 100-летию ТАССР, получил широкий резонанс в Берлине, Варшаве и переместился в Париж.

В череде ноябрьских юбилеев есть еще один – 75-летие народного артиста РТ и заслуженного артиста РФ Айдара Хафизова будут отмечать в театре Камала.

Истории успеха нового поколения молодых артистов – в интервью с самым востребованным казанским художником Алексеем Maestro и самой красивой татарской актрисой Нафисой Хайруллиной.

В литературном блоке ноября мы предлагаем подборку победителей поэтических конкурсов «ХИЖИ-ЦЫ» и «ПТИЦА», а также первые прозаические опыты школьников, молодых и опытных авторов.

Приятного знакомства!

Айсылу Хафизова

► Ирина Ермакова

«ПУСТЬ НА ВАШЕМ ЗНАМЕНИ ВСЕГДА БУДУТ СЛОВА: **МИР, СВОБОДА И РАВЕНСТВО!**»

Писать о комсомоле сегодня очень сложно. Без пафоса не получается. Потому, что не верится, что каких-то 40 – 50 лет назад жизнь в стране была другой – искренней, целеустремленной, настоящей. А, главное, она имела смысл – то, что сегодня модно искать (зачастую безрезультатно), независимо от возраста и социального статуса.

29 ОКТЯБРЯ по всей стране отмечали 100 лет со дня образования самой массовой общественной организации мира – юбилей ВЛКСМ.

За годы существования комсомола – а это почти 70 лет – в его рядах побывало более 200 миллионов юношей и девушек. О своем самороспуске комсомол заявил в тяжелый для страны 1991 год: комсомольские вожаки посчитали, что политическая роль ВЛКСМ исчерпана, в отечественной истории начиналась новая глава, в которой не было места «пережиткам прошлого».

Сегодня, спустя 27 лет с момента ликвидации организации, в России отмечается юбилей ВЛКСМ. В Татарстане 100 лет со дня рождения комсомола отмечалось на правительственном уровне. В Театре оперы и балета им. М. Джалиля состоялся торжественный концерт, который почтили своим присутствием первые лица Татарстана.

В Национальном музее открылась масштабная выставка «История комсомола – история страны». Экспозиция

рассказывает о создании в республике комсомольской организации, о том, с какими трудностями столкнулись первые комсомольцы, почему многие комсомольские билеты, представленные в музейных витринах, помечены кровью.

Здесь можно увидеть документы и личные вещи тех комсомольцев, чьи имена вошли в историю страны. Это, например, организатор комсомола в Казани Хайм Гарбер, закончивший казанский «Институт красной профессуры», работавший в Академии наук и отправившийся в Баку для создания Академии наук Азербайджана. Был обвинен в измене родине, сослан на Соловки и расстрелян. Это первый из татар профессор-химик Гильм Камай, это поэт-герой Муса Джалиль, татарский поэт Хади Такташ, это и уроженец Казани, дважды Герой Советского Союза, военный летчик татарин Николай Столяров и многие другие.

Ну, да, с Лениным, как говорится, не в кассу. Сегодня у нас нет ни равенства, ни братства, ни, по большому счету, мира. А от пожеланий жить в коммунистическом обществе даже неудобно становится – мечта о нем растворилась навсегда. И все это случилось за какие-то полвека.

Но комсомол «живеет всех живых». Председатель Госсовета РТ Фарид Мухаметшин, который посетил экспозицию, отметил: «Передовой отряд молодежи ВЛКСМ предметно занимался патриотическим воспитанием, подготовкой к жизни молодежи. Я могу назвать десятки выдающихся людей нашей республики, которые, пройдя школу комсомола, вошли в историю большой страны. Мы воспитывались на их примере. Сегодня же, когда у нас в стране многопартийность, функция воспитывать молодежь, к сожалению, утрачена».

Так и хочется извиниться перед комсомольцами за их неоправданные надежды на нас, потомков. Получается, все в их жизни было зря? ❖

«Берегите все то, что было создано нашими руками, нашим умом. Приумножайте наши усилия на благо Родины, все достижения науки, техники, культуры и искусства. Мы, комсомольцы Приволжского района, твердо верим, что наши будущие потомки, которым суждено будет в 2018 году отмечать столетие комсомола, станут достойными той эпохи, за которую боролся и отдал свою жизнь великий Ленин! Пусть на вашем знамени всегда будут слова: Мир, Свобода и Равенство! Уважаемые товарищи потомки! Когда через 50 лет вы откроете и прочтете наше обращение, поверьте, что мы писали его с самой горячей и пылкой любовью к вам, с самой заветной мечтой: жить и трудиться вам в коммунистическом обществе, пользоваться всеми благами материальной и духовной жизни. Да здравствует столетний юбилей Ленинского комсомола!»

► Ирина Ермакова

ИРИНА ДОНСКАЯ: «Комсомол был школой жизни и социальным лифтом»

СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ ДЛЯ КАЖДОГО

Они, комсомольцы, в большинстве своем без «мохнатой лапы», блата, связей и прочей «мажорской» составляющей реально строили свою жизнь. И жизнь страны. Плодами их труда мы пользуемся до сих пор, даже порой не осознавая.

В эпоху комсомола – выдающегося явления в социальном устройстве мира – тоже, оказывается, были свои «горячие точки». Это грандиозные комсомольские стройки: Днепрогэс, Магнитка, БАМ,

КАМАЗ... Освоение степной целины до сих пор не имеет аналогов по своим результатам. И вся эта производственная мощь огромной страны возводилась руками комсомольцев. «Ударная комсомольская стройка» – словосочетание, бывшее в ту эпоху нарицательным. И ударной-то она называлась потому, что строили быстро, а, главное, в прямом смысле слова на века.

ВЛКСМ был самой массовой молодежной организацией за всю историю человечества. Более двухсот миллионов юношей и девушек разных национальностей прошли

через комсомольскую школу. И этот рекорд до сих пор не побит, хотя сегодня и в России, и в мире насчитывается большое количество различных молодежных объединений.

Основная суть комсомола, по признанию первого секретаря Казанского горкома комсомола в 60-х годах Ирины Сергеевны Донской, – социальное лифтовое устройство. Его возможности – социальный лифт. О нем сегодня любят говорить, но наверх он довезет далеко не каждого. Комсомол уравнивал в возможностях всех – сына токаря, дочь портнихи, детей парработника.

ЗОЛОТОЕ ВРЕМЯ КОМСОМОЛА

Таких примеров о комсомольцах Татарстана Ирина Донская может привести не одну сотню. По ее убеждению, главная причина живучести комсомола – его бесспорная польза: отдельному человеку, обществу, государству. «Комсомольцы – это ядерный реактор, движущая сила развития нашей великой страны», – уверена Ирина Сергеевна.

Донская возглавляла Казанский горком ВЛКСМ в самое интересное время советской истории – в хрущевскую «оттепель»: «Мы были не просто окрыленные какими-то идеями – в 60-е пришло чувство свободы. И стало столько простора для деятельной жизни».

Это было золотое время комсомола: вся страна рвалась в тайгу, чтобы проложить железную дорогу для будущих поколений. Ценой своей молодости, здоровья, иногда жизни. Или всей комсомольской ордой ехали на целину – вспахивать степь и сеять хлеб, чтобы завтра было чем кормить советский народ. Или собирались на огромном пустыре и строили город. А в нем – автомобильный гигант, до сих пор активно пополняющий бюджет страны. КАМАЗ строили всем миром. Поднимали Ташкент из руин после землетрясения. Возводили ДнепрогЭС.

По словам Ирины Донской, главное преимущество комсомола перед другими молодежными организациями, и сегодняшними в том числе, заключается в том, что он показывал и доказывал любому человеку его востребованность. Каждый комсомолец ощущал себя нужным стране. Представить, что тогдашний юноша или девушка будут ныть про отсутствие смысла в жизни, просто невозможно – все были заняты, все работали и шли к одной цели. Пусть

Аухади Мильмухаметов родился в 1913 году в семье рабочих. После школы окончил ФЗУ при паровозном депо. И так бы ремонтировал себе вагоны и паровозы, если бы не комсомол. По комсомольской и партийной линии Аухади Ахмодеевич дорос до первого секретаря Казанского горкома ВЛКСМ и, побыв на различных партийных должностях, стал заместителем председателя Совета Министров ТАССР, а позже – председателем Татоблсовпрофа (Татарский областной совет профсоюзов).

Ильгиз Рахманкулов. В самом начале жизненного пути – наладчик радиоаппаратуры Казанского завода «Матмаш». Потом учеба в КАИ, работа на известном в советское время заводе ЭВМ. А потом – первый секретарь Казанского горкома ВЛКСМ и, как следствие, – глава Татарского обкома комсомола. Затем в его трудовой книжке появляются такие записи, как замдиректора по научно-технической работе – начальник специального КБ Казанского завода ЭВМ. Еще позже – президент Татарского отделения Академии технологических наук РФ.

Или Михаил Доронин. Родился в 1914 году и до войны работал на разных рабочих специальностях на Казанском авиационном заводе. После заводской работы Михаил Иванович ушел на комсомольскую работу – стал первым секретарем Ленинского райкома комсомола Казани. В первые военные годы работал первым секретарем Татарского обкома ВЛКСМ. А потом по комсомольскому призыву ушел добровольцем на фронт. Его военная карьера сложилась успешно – стал боевым генералом.

сегодня нам эта цель кажется смешной и нереальной – ведь строительство коммунизма, как известно, отложено на неопределенный срок.

Но в сам момент строительства люди искренне верили, что светлое

будущее не за горами, и они сами своими руками приближают его. Жизнь проживали не зря. «В 60-70-е годы среди комсомольцев было престижно поехать на крупную стройку, валить деревья в тайге, прокладывая

Митинг-рейд, посвященный памяти И. Ассмана. 1971 год. Казань

Фестиваль дружбы советско-японской молодежи в Казани

БАМ, строить города чуть ли не в пустыне. Это был стимул жить интересно и ярко. И с пользой для страны», – вспоминает Ирина Донская.

WORLD SKILLS ПО-КОМСОМОЛЬСКИ

Первые соревнования по профессиональному мастерству, которые сейчас красиво назвали и придали им статус международных, придумали, организовали и реализовали именно комсомольцы. Ирина Донская – одна из тех, кто занимался этим в Казани. Впрочем, не только этим.

Рассказывает Ирина Донская:

«Я вступила в комсомол в 1951 году – в 14 лет. В 1953 меня избрали секретарем комсомольской организации школы, а через год – членом бюро Советского райкома ВЛКСМ. Из этого периода моей жизни мне особенно запомнился сталинский прием в ВЛКСМ. В те послевоенные годы люди с именем Сталина связывали победу в страшной войне. Поэтому, когда он умер, горе народа было неподдельным. И мы, школьники, испытывали те же чувства. Поэтому стремились «встать в комсомольский строй», чтобы быть вместе со всем народом. Не было

никакого принуждения, вступить в комсомол хотели все.

После окончания школы я поступила в Казанский государственный университет на историко-филологический факультет и продолжала участвовать в комсомольской жизни. В вузе была членом комитета комсомола университета, входила в ряды боевой комсомольской дружины. В 1958 году работала в составе студенческого отряда КГУ на целине в Павлодарском крае – была грузчицей на зерновом току.

Когда моя учеба в университете шла к завершению, на имя ректора поступило письмо с просьбой направить меня в «распоряжение Татарского обкома ВЛКСМ» – с целью использовать на комсомольской работе. Очень хорошо помню свой первый рабочий день: вхожу в кабинет к секретарю райкома со своими грандиозными планами, а мне говорят: «Хорошо, что ты сегодня пришла. Срочно иди в школу №15 – там сейчас интернат открывается, прибывают дети. Нужно помочь оборудовать спальни, носить матрасы и кровати». Вот такое начало. Так

Комсомольскую жизнь тех лет можно описать коротко: энтузиазм, творчество, поиски новых форм работы с молодежью.

Станислав Говорухин (второй слева), друг Ирины Донской

было и дальше в моей комсомольской работе: приходилось выполнять самые различные задания. В райкоме я сначала была инструктором по работе с комсомолом школ и вузов, а через два года стала заведующей орготделом.

В ноябре 1965 года я была избрана секретарем горкома комсомола по работе с учащейся молодежью, а в 1968 году меня избрали первым секретарем горкома комсомола – я стала первой и единственной женщиной на такой должности за всю историю комсомола Казани.

60-е годы были особенными в истории нашей страны. Это годы политического подъема и активности общества. В комсомольскую жизнь вступало поколение «детей войны». Суровое военное детство закалило наш характер, научило переносить трудности. Вступая во взрослую жизнь, наше поколение было полно

*Ирина Донская с коллегами.
Н. Челны. Пр. Гидростроителей. 1973 г.*

решимости и стремления сделать эту самую жизнь лучше, отдать все силы стране, за которую сражались на фронте наши отцы и деды.

Конечно, именно с молодежью нам приходилось работать плотно. Во-первых, комсомол – это молодежный союз. А во-вторых, молодежь надо было образовывать – в тяжелое послевоенное время не каждому удавалось закончить даже среднюю школу, не говоря уже о профессиональном образовании. В результате проделанной работы более восьмидесяти процентов рабочей молодежи в Казани окончили вечерние школы. Это было большим достижением.

Сейчас проводятся различные конкурсы среди молодых рабочих и специалистов. Но ведь это, что называется, хорошо забытое старое: соревнования среди заводских рабочих на лучшего по профессии мы регулярно стали проводить в 60-х годах прошлого века. Например, под девизом «Сфере обслуживания – комсомольскую заботу» проходили конкурсы на лучшего повара, кондитера, официанта. В то же время в Казани был создан Центр профориентации учащихся, и здесь большая заслуга комсомольских организаций заводов, школ и ПТУ, где плотно занимались качественной подготовкой рабочих кадров.

Много внимания мы уделяли и подросткам. Оторвать от улицы,

привлечь в клубы и спортивные секции, сделать их день полностью занятым чем-то нужным – этим мы занимались регулярно. Для подростков создавались клубы по месту жительства, военно-спортивные и трудовые лагеря. Мы свою работу строили так, чтобы все дети были

заняты чем-то интересным для них. В наше время невозможно было представить, чтобы подростки маялись бездельем и, от скуки, издевались над животными, пили алкоголь. Не хочу идеализировать свое время – и в советский период были подростковые преступные группировки. А комсомол за таких бился – всеми силами привлекал к себе, в свою активную и интересную жизнь. И, знаете, получалось совсем неплохо.

Прекрасно с этим справлялась и боевая комсомольская дружина (БКД). Из года в год крепили отряды боевой комсомольской дружины.

Всем известны имена членов БКД, студентов КАИ Артема Айдинова и Игоря Ассмана, героически погибших при схватке с бандитами. Сотням подростков БКД помогла избежать тюрьмы. Да и горожане знали: где дружинники, там покой.

В конце 1964 года в городе развернулось движение за возведение памятника павшим героям. Денежные средства собирались, как говорится, всем миром. Теперь это – мемориальный комплекс памяти павшим с вечным огнем в парке Горького, известный всем казанцам. Одним из активнейших кураторов при его возведении был первый секретарь ГК ВЛКСМ Альберт Маршев. Открытие мемориала состоялось

БКД – это отдельная история. Именно этой дружине удалось укрепить порядок в Казани, причем иногда ценой жизни самих дружинников.

Боевая комсомольская дружина. Казань

7 ноября 1967 года, в день 50-летия советской власти.

6 декабря 1968 года был заложен первый камень на строительстве Молодежного центра по улице Декабристов. На комсомольские средства был построен замечательный культурный комплекс, где был киноконцертный зал, библиотека, спортивный, танцевальный залы, бассейн, студийные помещения, гостиница и ресторан. МЦ прожил в своем статусе до 90-х: здание у молодежи отобрали, теперь там размещается один из банков.

Каждый год в День Победы в Казани проводилась городская военно-спортивная эстафета на приз Героя Советского Союза летчика-испытателя Геннадия Мосолова. Инициатором ее проведения был как раз горком комсомола. И эта эстафета была престижной, участие в забегах нужно было заслужить. Как правило, в ней участвовали те, кто уже имел какие-то спортивные навыки, – это члены ДОСААФ, добровольного пожарного общества, курсанты военных училищ, студенты и заводская молодежь».

А потом наступило время КАМАЗа.

ТАК НАЧИНАЛСЯ КАМАЗ

«13 декабря 1969 года был вынут первый ковш земли на строительстве Камского автозавода, который был рассчитан на производство 150 тысяч большегрузных автомобилей и 250 тысяч двигателей в год. Комплекс заводов на Каме раскинулся на обширной территории в 57 квадратных километров. Одновременно со строительством автозавода решались огромные коммунальные проблемы. Сотням тысяч людей КАМАЗ обеспечил комфортабельное жилье, современные учебные заведения, детские сады, медицинские учреждения, многочисленные

объекты культуры, спорта, отдыха и досуга. Благодаря КАМАЗу в Прикамье был создан мощный промышленный и научный центр, а также развитая инфраструктура пригородной сельскохозяйственной зоны», – рассказывает историю КАМАЗа официальный сайт челнинского автогиганта.

Будучи руководителем Казанского горкома комсомола, Донская часто уезжала в командировки в Набережные Челны, отправляла на ударную

Сергеевна в течение трех лет курировала вопросы образования, культуры, воспитания детей и молодежи, со своими подопечными разделяя все неудобства, которые по молодости не замечались.

Строительство КАМАЗа относилось к категории «Ударной комсомольской стройки». А это значит, что так называемое шефство над масштабной работой брали организации ВЛКСМ. «Всесоюзная ударная комсомольская стройка – высший

Так начинался автоград: Н. Челны, новый город

стройку по комсомольским путевкам добровольцев – молодых строителей, заводчан, специалистов, выпускников вузов, специальный студенческий отряд, который всего за год построил в Челнах молодежное общежитие.

Работая с 1973 года в Набережно-челнинском горкоме партии, Ирина

И. Донская, С. Галеева перед отправкой на Целину на казанском вокзале, 1958 г.

статус, его имели стройки высшей значимости для государства. Например, БАМ, ВАЗ, КАМАЗ, Нижнекамск, Атоммаш, Саяно-Шушенская ГЭС, Доменная печь №9, газопровод "Средняя Азия – Центр", город Новополоцк и другие», – сообщает энциклопедия.

А еще за всеми этими статусами стояла нечеловеческая ответственность самих «шефов» стройки – и за качество строительства, и за судьбы рабочих. Работа была тяжелой, а для людей комфорта – людей 21 века, – наверное, невыносимой. Просто тогда были те самые люди, из которых, по мнению поэта, «можно делать гвозди».

Но и «железному» человеку нужен отдых, причем, качественный. А развлекали «строителей коммунизма» в те времена правильно – с пользой для души и ума, организуя «встречи с интересными людьми».

Интересных людей на стройке КАМАЗа встречала Донская. Комсомольская настойчивость и связи в московских верхах – в Центральном комитете ВЛКСМ – помогали договариваться о приезде на стройку артистов и писателей.

Строители КАМАЗа видели «живьем» Александру Пахмутову,

Американская делегация на КАМАЗе, 1974 г.
Слева крайний директор КАМАЗа Лев Васильев

Николая Добронравова, Михаила Ножкина, Алексея Баталова, Юрия Гуляева, Софию Ротару, Людмилу Зыкину, Евгения Евтушенко. Приезжали на КАМАЗ и известные татарские писатели и музыканты. Здесь бывали Гариф Ахунов, Туфан Миннуллин, Ренат Харисов, Диас Валеев, Назиб Жиганов и другие. Вместе с театром «Современник» на КАМАЗ приезжал Владимир Высоцкий. Кумир не только выступал в спектаклях «Современника», он давал концерты на открытых площадках, чтобы его услышало как можно больше людей.

Главной аудиторией столичных звезд здесь, в строящихся Челнах, были строители КАМАЗа. Те,

кого сейчас назвали бы медийными лицами, с неподдельным интересом и уважением относились к своему зрителю, который еще час назад месил грязь в кирзачах на стройобъекте. «Для артистов было почетным приехать на камазовскую стройку, они с удовольствием встречались с нашими ребятами», – вспоминает Ирина Сергеевна.

Рабочие и специалисты съезжались в то время в Челны со всей огромной страны: по архивным сведениям, здесь работали представители 70 национальностей из всех 15 республик СССР. Ежегодно в период строительства КАМАЗа население в городе увеличивалось на 30–40 тысяч человек. А ведь до стройки века здесь жило всего чуть более 25 тысяч человек, к 1976 году население увеличилось в 10 раз.

Недавно Ирина Сергеевна Донская приехала на КАМАЗ вместе с внуком – «чтобы увидел и знал, как и для чего мы жили». Молодой человек обошелся без возрастной иронии. Она и не уместна – жизнь бабушки, ее современников, ее страны – СССР – впечатляет не его одного.

Жизнь Ирины Донской удалась. Спасибо комсомолу? «Да!» – не задумываясь, отвечает она. ▀

Александра Пахмутова. Казань. 60-е гг.

БОРИС ЛЕУШИН:

«Я верю, будет построена новая система координат!»

Член ЦК ВЛКСМ, делегат XIX съезда комсомола, первый секретарь Татарского обкома ВЛКСМ, депутат Верховного совета Татарстана Борис Леушин считает, что комсомол был важнейшим институтом гражданского общества, прекрасным механизмом вовлечения мало-мальски активных людей в общественную жизнь. При этом он не отрицает, что под занавес эпохи комсомол потерял свои лидерские позиции. Наш герой был в свое время награжден высшей наградой организации – Почетным знаком ВЛКСМ.

«ТЫ ДОЛЖЕН ВЫСТУПИТЬ РАΝЬШЕ БАШКИР, А ТО Я ТЕБЕ ГОЛОВУ ОТОРВУ!»

В комсомоле я со студенческих времен: на 1 курсе меня избрали замполитом курсового бюро комсомола, потом, на 2 курсе, – студенческим деканом факультета. Это такая форма студенческого самоуправления, студенты сами контролировали посещаемость занятий, решали вопросы назначения стипендий, выделение общежитий и так далее. Мы представляли свои выписки, а настоящий деканат принимал все решения. Вот такая была форма в 1969–1970 годах.

А потом с должности студенческого декана (это как заместитель секретаря факультетского бюро ВЛКСМ по учебно-воспитательной

работе) меня выдвинули членом университетского комитета комсомола. И опять учебно-воспитательная работа. К тому же мне сразу поручили возглавить еще и шефский десант университета на КАМАЗе.

Это было очень яркое событие. Мы отобрали лучших студентов – отличников учебы, отслуживших в армии, – я был командиром, и в 1971 году поехали на КАМАЗ, досрочно сдав сессию: мы там проводили «Зарницу» для школ КАМАЗа, а во время проведения этой военно-патриотической игры открыли десять радиостанций, для чего пришлось брать разрешение в КГБ. Это же было невероятно: в районе строительства КАМАЗа вдруг заработало сразу десять радиостанций! Разрешение, на удивление

многих, дали спокойно – зря говорят страшные вещи про КГБ. Они меня выслушали, все согласовали, студенты физфака КГУ провели обучающий курс для участников игры. И наша «Зарница» прошла на ура.

В этот же период там, в Челнах, читали лекции преподаватели с факультета общественных профессий: мы там открыли консультационный пункт по приему на рабфак КГУ. Вот и получилось, что первый опыт комсомольской работы у меня был в университете. Это был хороший опыт.

После окончания КГУ я распределился в Альметьевск, где начал работать учителем истории и обществоведения. А каждому комсомольцу надо было вставать на

Торжественное собрание в Казани в честь 50-летия ВЛКСМ

комсомольский учет. Отправился в горком комсомола, а там: «Зайдите к первому секретарю». А он меня и спрашивает, не хотел бы я поработать опять на общественной работе? И, при этом, преподавать в вечерней школе. Я согласился. Меня перенаправили в школу №1 для рабочей молодежи, где я преподавал с семи до 11 вечера. А днем работал секретарем комитета комсомола треста «Татнефтепромстройматериала».

Вот когда у меня были деньги! На двух работах получал зарплату! В тресте рублей 110 и в школе – 40–50. И тратить их было некогда. Хотя в армии я, будучи командиром взвода, получал 220 рублей. Это были большие деньги. А в комсомоле – 110. Но все-таки деньги. А они, как известно, – документ на право жить (смеется).

В университете я получил хороший опыт работы в комсомоле. В тресте, куда попал, меня трижды не могли избрать – ребята просто не приходили на собрания. Организация была разваленной. Собственно,

именно поэтому меня туда и бросили. Тогда я спросил своих подопечных: «Что вы хотите? Что вам надо?» А трест был большой, объединяющий несколько заводов, поэтому народу много. Оказалось, они хотят создать вокально-инструментальный ансамбль. В профкоме

идею поддержали. Ансамбль наш назвали «Диссонанс» – так вот решили похулиганить. Но жизнь закипела, стали проводить вечера разные. Все остались довольны.

Опять спрашиваю: «А что теперь надо?» Мне отвечают: «Нам надо соревнования по стрельбе».

Встреча первого секретаря Татарского обкома КПСС Фикрята Табеева

Я написал положение о проведении соревнования по стрельбе на Кубок треста. И такие соревнования провели! Приехало много участников, так как по всему региону было много заводов, подчиняющихся тресту.

И партком, и профком – старшие товарищи – всегда шли нам, комсомольцам, навстречу. Оставалось только документально оформить инициативу и вперед.

Все эти наши ансамбли и прочие дела быстро заметили.

Вызывает меня управляющий трестом и интересуется моей зарплатой (а я ведь был подснежником, меня держали на рабочей должности) – работа моя ему нравилась. И за мою работу поднял зарплату – через год я уже получал 160 рублей.

И вдруг меня решают забрать в Альметьевский горком комсомола. Управляющий трестом Новиков был против, я ему был нужен в тресте. Говорил: «Я сейчас поеду в горком, ты останешься у меня». Приезжает поздно вечером: «Ничего не сделаешь, забирают». Так я оказался заворгом Альметьевского горкома ВЛКСМ. А через полгода стал первым секретарем там же – вот такая стремительная биография!

Через три года меня избрали вторым секретарем Татарского обкома комсомола, а потом и первым секретарем. Выступал на XIX съезде комсомола, а это особая почесть: на съезд отправляли лучших из лучших в своей профессии, и в комсомоле в том числе, – профессионалов своего дела плюс отличных комсомольских организаторов. Там были и строители, и учителя, и токари. От республики, например, был артист балета нашего татарского театра – он хорошо вел комсомольскую работу в своем театре.

Эстафета на приз Героев-земляков.
Ведущий – генерал, герой СССР И. Кобяков. Казань, Площадь Свободы. 1979 год

Я выступил на этом съезде, хотя там давали выступать, в основном, представителям рабочего класса. А вот особым шиком считалось, если выступит первый секретарь обкома комсомола.

Поэтому накануне съезда я пошел к Рашиду Мусину (советский партийный и государственный деятель, первый секретарь Татарского обкома КПСС – ред.) и говорю: «Нам предлагают выступить, но в нашей делегации все учащиеся ПТУ. Мы, конечно, их подготовим, но хорошо бы первому секретарю попасть на трибуну». Мусин звонит Пастухову (советский и российский дипломат, советский комсомольский и государственный деятель – ред.), потом говорит мне: «Ты имей в виду,

там сейчас начнут выступать друзья из соцлагеря – ГДР, Болгария и так далее. Они будут перебирать списки выступающих, начнут всех вычеркивать, так что ты смотри там! А, главное, ты должен выступить раньше башкир, а то я тебе голову отверну!»

Мусин как в воду глядел: Танка Шопова из Болгарии выступала вместо семи все двадцать минут и «съела» три других выступления. Эген Кренц – первый секретарь комсомола ГДР – выступал восемнадцать минут. И вот, я смотрю, третий день съезда уже пошел. А меня нет в списках. И я пошел добиваться выступления, а то мне ведь голову оторвут!

Хожу около президиума, а там охрана. Вижу, идет Пастухов, я

Раньше было искреннее уважение к человеку труда. Не зря ведь выдвигали в делегаты съездов доярок, рабочих – всех поднимали, старались не только показать им жизнь, но и помочь дорасти до нее. А в обществе воспитывалось уважение к таким людям.

присел на корточки, нырнул под руками охраны и к Пастухову: «Вы же обещали Мусину, что я выступлю на съезде!» Он дал распоряжение. Меня посадили на второй ряд перед трибуной, а я беспокоюсь за ребят: я ведь им обещал, что если мне дадут выступить, я выпью стакан воды, который стоит на трибуне. Потому, что смотрел весь съезд – один Брежнев пьет воду, больше никто даже не притрагивается. Думаю, вода интересная, надо будет попить этой водички.

Я выступаю: «Мы будем хранить, как зеницу ока, дружбу народов. У нас Тукай сказал: "С народом России мы песни певали, есть общее в нашем быту и морали, один за другим проходили года, шутили, трудились мы вместе всегда. Вовеки нельзя нашу дружбу разбить, нанизаны мы на единую нить"». Раздался гром аплодисментов, а я стою – пью воду. Единственный, кто пил воду после Брежнева!

Но, главное, на съезде я сказал о том, чего ни у кого в республике не было – об МЖК (Молодежный жилищный комплекс – ред.). У нас в Казани было третье МЖК в Союзе – после Москвы и Свердловска (ныне Екатеринбург – ред.). Все на съезде выступают, что-то там докладывают. Например, первый секретарь обкома Донецка заявил: «Ко дню рождения комсомола мы посадим миллион алых роз», – песня тогда такая была очень модной. А я говорю: «Торжественно обещаю съезду, что мы 29 октября торжественно зложим первый камень МЖК. Это новая форма организации труда, когда люди объединяются и своими руками строят себе жилье». И мы зложили этот камень именно 29 октября! Я позвонил Пастухову, что мы сдержали слово, как и обещали съезду.

А потом Мусин скоропостижно умер и в обком пришел Усманов (Гумер Исмагилович Усманов – советский партийный и государственный деятель, первый секретарь Татарского обкома КПСС – ред.). Я считался «мусинским» и потому мне Усманов сказал: «Сейчас придут новые ребята, а ты давай развейся, иди повышай образование, готовься к серьезной работе. Не пожалеешь, если закончишь Академию общественных наук при ЦК КПСС».

«МЫ В ТЕБЕ ИДЕОЛОГА НЕ ВИДИМ»

Академию я закончил на «отлично». Приехал в Казань и не пожалел, Усманов сдержал слово. Меня, правда, сначала отправили на идеологическую работу. Я писал в КГУ диссертацию на эту тему, но Усманов сказал, что во мне идеолога не видят, и диссертацию зарубили. Отправили меня – по звонку Усманова! – с одной кафедры на другую – на кафедру «Организационно-партийная работа, партийное руководство и экономика».

Возвращаюсь в Казань с уверенностью, что сейчас меня как направят на важную работу! А мне говорят: «Ты оторвался от жизни, садись и читай газеты». В орготделе говорят: «Тебя же учили, как правильно разбирать жалобы и писать заявления? Вот тебе жалобы, а вот заявления.

Давай разбирай». И вручили мне огромную пачку всяких жалоб и заявлений. И я начал ездить по разным районам и обстоятельно разбираться по всем правилам и методикам в жалобах, подробно беседовал с людьми, разбирался в хитросплетениях разных. И так два месяца. Но это правильно – проникся проблемами, общался с людьми. Все это время я был в резерве обкома.

Я уверовал, что я не идеолог. Орговик, кадровик – но не идеолог. Потом вдруг меня назначают «сверху» вторым секретарем Вахитовского райкома партии. Я должен был курировать вопросы экономики и промышленности. А через два месяца меня сделали первым секретарем этого райкома. Вот так все и было: я успел войти в курс дела и меня перевели со второго на первого. Это был 1986 год – время, когда начались мутные времена.

«ВЕРЮ, ЧТО МОРОК ПРОЙДЕТ И РОССИЯ ВОЗРОДИТСЯ»

Говорят, сейчас при гражданском обществе нет института контроля. Я считаю, просто нет привлечения масс к общественной жизни. Да, Советский Союз был авторитарным строем. Но комсомол был важнейшим институтом гражданского общества, прекрасным механизмом вовлечения мало-мальски активных людей в общественную жизнь. Это приводной ремень: комсомол через партию вовлекал широкие массы молодежи и в строительство, и в социалистическое строительство вообще.

Когда большевики взяли власть, они поставили перед собой две задачи. Первая – построение нового общества без эксплуатации человека человеком, вторая – воспитание нового человека. В воспитании нового человека большевики

главный упор сделали на комсомол и выстроили стройную систему воспитания, начиная с октябрят. И по-настоящему воспитывали нового человека. Посмотрите на законы юных октябрят и пионеров, на комсомольский Устав: «уважать старших», «не обижать слабых», «помогать пожилым», «уважать ветеранов», «хорошо учиться» – что здесь неправильного?!

Была стройная система: октябрят, пионеры и комсомол, который всем этим руководил. Пионерских вожатых, председателя совета дружины школы утверждали на комсомольских бюро. Начиная с младых ногтей и до 28 лет, комсомол пестовал молодую поросль, опекал, растил, а на маленьких делах (по принципу «от простого к сложному») учил решать вопросы. То есть, это был важнейший институт гражданского общества, говоря современным языком.

Раньше было искреннее уважение к человеку труда. Не зря ведь выдвигали в делегаты съездов доярок, рабочих – всех поднимали, старались не только показать им жизнь, но и помочь дорасти до нее. А в обществе воспитывалось уважение к таким людям.

В какой-то период с комсомолом что-то случилось. К нему выработалось отношение ироничное и циничное, считалось, что там одни карьеристы, которым ничего не надо, кроме собственного удобства. Эти настроения усилились в 80-х. Когда 40 миллионов в рядах ВЛКСМ – а только в нашей республике было

550 тысяч комсомольцев – это является срезом общества: все, что есть в обществе, есть и в комсомоле. Как в любой организации. Другое дело, что у молодежи все ярче проявляется.

В молодежных организациях быстрее все ломается, так как взрослые более выдержанные и взвешенные. У молодежи это все эмоционально и ярко. Думаю, и партия все ослабла – сама стала разлагаться. Просто в комсомоле эти процессы разложения и вырождения идеологии произошли быстрее и заметнее, чем в КПСС. Естественно, такие процессы, которые шли в обществе,

На все новое партия нацеливала комсомол, и комсомол откликался, отправляя молодежь: «ДАЕШЬ МАГНИТКУ!», «ДАЕШЬ ТУРКСИБ!» и так далее. Это были очень действенные технологические приемы.

первым делом отражались на комсомоле.

Но надо сражаться против того, чтобы все огульно охаивать. Во всех общественных явлениях можно найти изъяны. Ленин сказал: «Мы – партия новаторов. А на новое дело всегда поднимается молодежь». На борьбу с ворьем и гнильем первой поднимается молодежь. «Мы партия будущего!» – а будущее принадлежит молодым. Партия так и делала – на каждое новое дело она отправляла комсомол с девизом «Даешь!». Комсомолец – на трактор, самолет, на целину. На все новое партия нацеливала комсомол, и комсомол откликался, отправляя молодежь: «Даешь Магнитку!», «Даешь Турксиб!» и так далее.

Это были очень действенные технологические приемы.

Карьеризм? Да, карьеристы были. Но ведь позитивного было больше. Естественно, там были перекосы. И дров наломали. Но комсомол честно выполнял поручения партии. А когда партия перестала осуществлять свою руководящую роль и сама загнила, на комсомоле это отразилось больше и острее. Потому, что молодежь сама остро чувствует фальшь. Идеологическое влияние партии ослабло. Поэтому все и пошло кривь и вкось.

В принципе, возможно, что и сегодня молодежь с радостью поедет, скажем, тайгу осваивать. Почему нет? Нужно только использовать современные технологические приемы, чтобы заинтересовать молодых людей на трудовые подвиги.

Конечно, сегодня слишком большое значение имеют деньги. И у общества нет целей. Вот, повышают пенсионный возраст – это разве цель? К этому разве надо стремиться?

А тогда цели были – построение социализма, коммунизма. И была уверенность в завтрашнем дне. А сейчас общественных целей не ставится, поэтому и трудно. Если мы создадим общественную систему ценностей и поставим общую и важную цель – все у нас будет. Если поставить перед обществом конкретные цели, используя современные технологии, то можно и молодежь в тайгу сагитировать.

Я верю, что нынешний морок пройдет, и будет построена новая система координат. Россия, безусловно, возродится. ■

► Нияз Игламов

Айдар Хафизов:

«Театр – это элитарное ИСКУССТВО»

27 ноября в Татарском государственном академическом театре имени Галиасгара Камала – творческий вечер народного артиста Республики Татарстан Айдар Хафизова. Артисту в нынешнем сезоне исполнилось 75 лет. С момента начала творческой деятельности прошло уже более 50 лет.

Айдар Садриевич Хафизов был принят в труппу Татарского государственного академического театра имени Галиасгара Камала в 1970 году, после окончания театрального училища. Уже первая его работа на сцене – роль Сайяра в спектакле «Приехала мама» по пьесе Ш. Хусаинова – была с восторгом принята общественностью: в театр пришел молодой герой, обаятельный и темпераментный, с хорошими музыкальными данными и сценической пластикой. Поручая Айдару

Хафизову одну за другой ответственные роли в новых постановках, художественный руководитель театра Марсель Салимжанов оказывает своему ученику большое доверие, и молодой артист служит театральному искусству с большой самоотдачей и преданностью.

Образы, созданные Айдаром Хафизовым на сцене театра имени Камала, отличаются широким жанрово-стилевым диапазоном. Среди них – роли в спектаклях по пьесам мировой и русской классической

драматургии, роли в татарских классических пьесах и произведениях современных авторов. Лирические герои, созданные артистом, искренни и привлекательны, социальные герои, как правило, борются за человеческие идеалы, отвергают ложь и предательство среди людей.

Широкую популярность среди театральной публики завоевали такие его работы, как Азамат – «Не улетайте, жаворонки» А. Гилязова, Салих – «Казанское полотенце» К. Тинчурина, Корсамат – «Плаха»

Сайяр, "Мама приехала", 1970 год

специально написана под Айдара Хафизова. Настолько глубоко проникновение в образ, настолько органичны переживания героя, тонки и чутки психологический рисунок роли. Разумеется, это сценическая иллюзия, а за цельностью и художественными достоинствами образа стоят долгая и кропотливая работа актера, творческий диалог актера и режиссера.

Стоит отметить, что работу Айдара Хафизова всегда отличает неукоснительное следование режиссерскому решению, самодисциплина, выдержка и такт. При этом актер всегда готов предложить режиссеру оригинальные ходы, находки, свое видение роли.

В марте 2007 года театральная общественность отмечала столетний юбилей театра. Специально к юбилею главный режиссер театра поставил спектакль «Гульджамал» Н. Исанбета – о первой татарской актрисе Сахибджамал Гиззатуллиной-Волжской, где Айдару Хафизову досталась роль антагониста главной героини, купца старой формации, ретрограда Ишмаева. Такой видел роль драматург, написавший пьесу полвека назад. Актер внес в нее свое уточненное видение, современный взгляд на персонажа. Его Ишма-

ев – не узколобый фанатик. Он отлично понимает, что зародившийся татарский театр направлен на исправление пороков общества, социально ориентирован, проникнут идеями гуманизма, а, значит, опасен для дела, для монополюльной торговли. И красивые слова о чистоте религиозного духа, подкрепленные цитатами из Корана, не более, чем удобная ширма, за которой так легко и надежно можно обделывать темные делишки. Такая трактовка роли не приходит в конфликт с заданием драматурга и созвучна современности.

Спектакль «Кукольная свадьба» (инсценировка произведения Гаяза Исхаки) стал одним из знаковых событий последних лет. В большом общественном резонансе и художественной целостности спектакля велика заслуга исполнителя роли Гайни бая – Айдара Хафизова. Чеканная выразительность, интеллект и мудрость сочетаются в этом персонаже со страстью к накопительству, хищнической природой, безразличием к судьбам близких. Сочетание этих качеств порождает удивительный по своему звучанию, парадоксально объемный образ. Отнюдь не случайно театральные критики Москвы и Санкт-Петербурга, Анкары и Ташкента, Казани и Будапешта,

Ч. Айтматова, Дерамо – «Король-олень» К. Гоцци, Жихангир хан – «Ходжа Насретдин» Н. Исанбета, Транио – «Укрощение строптивой» У. Шекспира, Пеппино – «Суббота, воскресенье, понедельник» Эдуардо де Филиппо, Кадырбирде – «Идегэй» Ю. Сафиуллина, Ланфредини – «У совести вариантов нет» Т. Миннуллина, Шагит – «Прощайте» Т. Миннуллина, Газраиль – «Старик из деревни Альдырмеш» Т. Миннуллина и другие.

В каждой новой работе Айдар Хафизов ищет индивидуальное начало, неповторимые краски сценической выразительности. Он умеет удивить публику нестандартными решениями в раскрытии характеров, что особенно заметно в классическом репертуаре, обладает богатой фантазией и развитой интуицией, что позволяет ему мастерски проникать во внутренний мир своих героев и доносить до зрителя существо образа.

За последние годы актером создана галерея ярких, запоминающихся образов. Высокий интеллект, мудрость народной души, прекрасное знание разных сторон татарской жизни отличает его работы последних лет.

Роль Нургали в пьесе Т. Миннуллина «Вот так случилось» как будто

Гайни бай, "Кукольная свадьба", 2009 год

Студенчество в театральном училище. Казань. 70-е гг.

говоря о спектакле, в один голос отмечали то мастерство и совершенство, с какими Айдар Хафизов исполнил роль купца Гайнетдина.

Не могу не отметить образ кулака Зайнуллы, созданный актером в спектакле по пьесе Заки Зайнуллина «Женщины 41-го». Изгоняя собственного сына, обрекая его с семьей на

голодную смерть, Зайнулла уверен в правомочности своего решения. Герой Айдара Хафизова надменен, скуп и неразвит, он верит лишь в одну правду на земле – правду сильнейшего. И вместе с тем не может не вызвать уважения его стойкая жизненная позиция, деловая хватка, неистовая любовь к труду – оттого и

жадность к плодам этого труда. Образ, как это свойственно ролям этого актера, приобретает остроту, неоднозначность, объем.

Последней по времени крупной ролью юбиляра нынешнего сезона театра стал образ Альтоума в спектакле «Принцесса Турандот» по пьесе Карло Гоцци, поставленный китайским режиссером Ма Джэньхон. В 2012 году этим спектаклем театр Камала открывал Международный фестиваль Китайского национального театра «Славная Европа» в Пекине.

Невозможно пройти мимо педагогической деятельности Айдара Хафизова. Выпустив один актерский курс в Казанском государственном университете культуры и искусств в 2004 году, он, тем не менее, внес значительный вклад в театральное образование Татарстана. Уже тот факт, что многие его бывшие ученики,

Фоат Халитов со студентами театрального училища

А. Хафизов, Р. Юкачева, "Зульфия", 80-е гг.

несмотря на молодой возраст, занимают лидирующее положение в труппах своих театров, говорит о несомненном педагогическом таланте опытного актера. Педагог сумел воспитать в них главное – неувядающую любовь к театру. Немаловажно, что театр Камала включил в репертуар два дипломных спектакля курса в постановках Айдара Хафизова – «Наследники Рабурдена» Э. Золя и «Лунным вечером в саду» Т. Миннуллина.

Особое место в театральной практике Айдара Хафизова занимает постановка театрализованных концертов, режиссура юбилеев, вечеров памяти выдающихся деятелей искусств и литературы. Артист всегда с большой ответственностью и искренней вовлеченностью в процесс подходит к решению подобных задач. Великолепное знание истории, совершенный эстетический вкус, творческий энтузиазм режиссера-постановщика вкупе с высоким профессионализмом подобранных исполнителей всегда порождают нетривиальные, запоминающиеся, яркие театральные праздники, имеющие, помимо художественного, воспитательное значение. Недаром делегаты II Всемирного конгресса татар в один голос восторженно отзывались о поэтической постановке, посвященной 500-летию великого татарского поэта Мухамедьяра в постановке Айдара Хафизова.

К своему юбилею народный артист Республики Татарстан, человек разносторонних дарований Айдар Хафизов подошел с солидным творческим багажом, в прекрасной актерской форме и со смелыми режиссерскими замыслами. Накануне мы поговорили с артистом о превратностях судьбы и сложностях актерской профессии, о том, чем театр 70–80-х годов прошлого века отличается от сегодняшнего, и о том, как, на его взгляд, нужно готовить актера. Также – о режиссуре, драматургии, о ролях, о старших и младших коллегах.

Нияз Игламов: Вы работали со всеми актерами второй половины XX века и начала нынешнего, со всеми режиссерами. Как вы считаете, как менялся в эти годы театр, что с ним происходило и происходит? И чем театр XXI века отличается от театра XX века? От того театра, в который Вы пришли работать.

Айдар Хафизов: Я поступил в театральное училище в 1961 году. У нас в то время не было отдельного здания. Скажем, мастерство у нас проходило в репетиционном зале театра Камала. Другие дисциплины проходили в разных точках по всей Казани. И, конечно, в годы учебы у нас случались большие, по несколько часов «окна» между парами. В это время многие студенты разбегались –

ну, молодежь же, всем же все интересно, а я частенько оставался в театре на репетиции. Я все время сидел на галерке. Старался быть там от начала и до конца, чтобы понять, как происходит это чудо, как рождается спектакль. Я смотрел на работу очень многих режиссеров, которые тогда ставили. Я очень хорошо помню, как приехали из Москвы актеры-щепкинцы, как режиссер Габдулла абый Юсупов ставил с ними спектакль «осенние ветры» по Аязу Гилязову. Я отчетливо помню все их первые шаги.

Помню, как работал совсем молодой Салимжанов над своим дипломным спектаклем «Бешеные деньги» Островского. Спектакль почти готов, идут прогоны. Здесь были заняты ведущие артисты – Фатыма Ильская, Халиль Абжалилов, Празат Исанбет. Начался очередной прогон, прошло минут десять-двенадцать и вдруг Празат Исанбет, который играл Василькова, схватил трость своего персонажа, бросил на сцену и закричал на коллег, жестко, яростно: «Вы что, делаете кому-то одолжение?! Почему вы не подготовились?! Почему вы так вяло играете?!» И так минут пять. Я с ним потом сорок лет бок о бок проработал, но никогда его не видел в таком взбешенном состоянии, ни разу! Он обычно очень спокойный, тихий человек, во время репетиции голоса не повысит, а тут такое! И все притихли. И он, актер, объявляет перерыв. А Салимжанов сидит молча, тихо, никто же тогда не знал, что из него получится, кем он станет. Первая работа. После короткого перерыва, когда актеры снова вышли на сцену, они так заиграли! Все: эмоция, характер, темпоритм – все стало другим. По сути, так кричать должен был режиссер. Но он же был еще студент, ставил дипломную работу, ему было неловко. А Празат Накиевич, будучи сам состоявшимся режиссером, правильно оценил ситуацию и помог молодому коллеге. Много я таких историй помню и о других режиссерах.

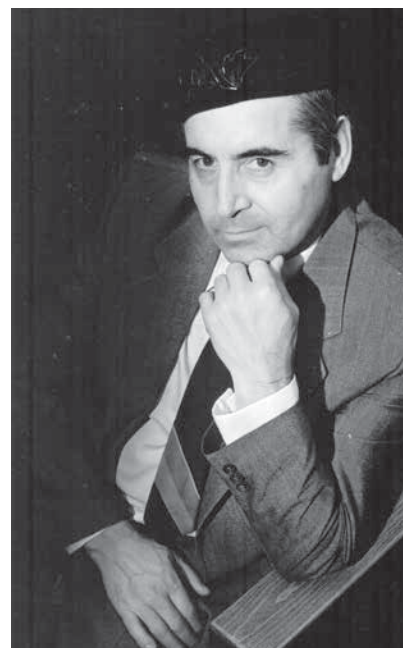

Мой педагог – Рафкат Бикчантаев, я очень любил сидеть на его репетициях. Когда ему пришлось уйти и он начал ставить в Передвижном театре, я продолжал ходить на его репетиции туда. Его репетиции не были похожи на работу коллег. Во-первых, у него потрясающее чувство юмора было, и острые моменты он старался перевести в эту плоскость, во-вторых, какая-то легкость его работе сопутствовала, искрометность. У некоторых других наших режиссеров проскальзывала некая «академичность», а он был чужд этого...

Актеры, которые выросли на моих глазах в настоящих звезд: Биктемиров, Тазетдинов, Шарафиев, Ихсанова, Исангулова. Я видел, как они работали с полной самоотдачей, не жалея себя, не экономя сил, отдавались искусству до конца. Я тоже старался быть похожим на них. Во всяком случае, никогда ничего не делал спустя рукава. Конечно, и сама актерская игра, и сценография, и режиссура тогда сильно отличались от современной. Мне вообще кажется, что за последние десятилетия театральное искусство, не только татарский театр, совершило огромный скачок. Театр – это элитарное искусство, оно по природе своей не может

быть «для всех». Не может каждый человек, не имея определенной подготовки, стать зрителем. Это не всем дано. Личные причины, обстоятельства жизни, не то образование и не та работа не позволяют человеку стать подлинным театральным зрителем. Это не всем дано. При этом человек может быть прекрасным сам по себе, состояться в своей профессии, быть уважаемым членом общества. Я даже знаю таких, по своим родственникам. Некоторые из них многого достигли в бизнесе, юриспруденции и так далее, но не могут воспринимать театр, не включаются мозги, душа, им это не интересно. Поэтому театральное искусство – это не для всех. И когда говорят: «народ это примет, а это не примет» – это уже демагогия. Потому, что нельзя на народ рассчитывать, что спектакль полюбят все, это вообще не критерий. Хотя и без зрителя театр не может существовать, но все делать только для зрителя – это не путь для искусства.

Надо готовить театрального зрителя. Эта подготовка имеет огромное значение. В моем детстве на каждый праздник учителя ставили с нами спектакли, причем брали сложные пьесы. С пятого класса мы начали

играть в школьных спектаклях, это было очень развито – самодеятельное театральное движение. В каждый деревенский клуб приезжали артисты – Альметьевский театр, Мензелинский, Передвижной и даже академический, даже самодеятельные коллективы. Телевидения не было, театр был очень популярен в народе. А вот эстрада была менее популярна. Я это очень хорошо знаю, потому что несколько лет проработал в филармонии. На эстрадный концерт даже в сельской местности было сложнее зрителя собрать, чем на спектакль. Сейчас все иначе.

Однажды я был на концерте Салавата. Ну, минут пятнадцать я смотрел исключительно как профессионал, мне было интересно, как это сделано, по каким законам существует шоу. А дальше мне стало элементарно скучно, потому что мне это не интересно. В последнее десятилетие у нас развелось огромное количество эстрадных исполнителей. Когда я как режиссер делаю концертную программу, передо мной они проходят десятками и никого невозможно выделить, запомнить. А театр и в техническом освещении, и в костюмах, и в сценографии, и в музыке – это выше эстрады. Просто выше.

Айдар Хафизов и Ринат Тазетдинов, «Мухаммадияр». Казань. 1997 год

Я, например, считаю, что Марсель Салимжанов был очень дальновидным человеком, и то, что он пригласил художника Сергея Скоморохова, это подтверждает. На гастролях в Москве и других городах, или наши гости в Казани, всегда отмечают качество его сценографии. Люди нашего языка не знают, у них бывает неприятие пьес, но сценографию они все отмечают. Такой она силой художественной обладает! Одна «Немая кукушка» чего стоит!

Н.И.: И все равно находятся люди у нас, которые говорят: как так, в татарском театре – и русский художник! Так быть не должно!

А.Х.: Миссия у театра намного серьезнее, чем такие мелочи. Драматический театр стоит выше той же оперетты. Опера, балет – это другое. Они, возможно, в чем-то превосходят театр. К сожалению, главная на сегодня проблема – уровень подготовки актеров. Когда мы учились (1961–1969), Анна Федоровна Гацулина, прима-балерина театра оперы и балета, вышла на пенсию. Молодая, энергичная – они же пятнадцать лет танцуют, потом выходят на пенсию. В училище у нас она вела танец. У станка... Как она ломала нас! Кривых, малоподвижных, как била по лопаткам! Особенно сильно доставалось Наилу Аюпову, который с нами учился. Этого же теперь нет. А Габдулла Шамуков! Оставив в стороне его заслуги как актера, народного артиста СССР, можно сказать, что он создал свою собственную школу сценической речи. Ирек Багманов, Наиль Аюпов, Халим Залаялов, я, Дания Нуруллина – все его ученики. Мы же все с языком, особенным, сценическим! Понимаете? Попробуйте сравнить с молодежью нынешней! Востребованности в грамотном художественном слове сейчас нет, долгие годы на это

закрывали глаза. А как на сцене без слова?! Это же основа действия. Театр без Слова, если это не пантомима, это не театр.

Н.И.: Не связано ли это с тем, что, когда вы начинали, был один театр в Казани, академический, и театр, специально созданный для сельского зрителя – Передвижной. Сейчас – одиннадцать профессиональных театров, практически в каждом городе. И если раньше можно было работать индивидуально с каждым студентом, потому что фактически каждый курс был целевым, курсы были небольшие, компактные, то сейчас образовательные учреждения вынуждены работать с «платниками». И вот ситуация: набирают лучших и еще каких-то, кто может платить. Да и кто пойдет преподавать на такую зарплату?

А.Х.: Дело не только в этом. Допустим, лично ко мне никто никогда не обращался. Хотя я был один из лучших студентов Шамукова. Меня призвали с третьего курса в армию. Когда я вернулся, то учился, естественно, с другим курсом, заканчивал. Работал в филармонии актером

разговорного жанра и в конференции, приглашали меня в Передвижной театр на некоторые спектакли, на определенные роли. И когда я восстановился, то сценическую речь вела уже Асия апа Хайруллина. А мастерство у нас тогда вел Габдулла Шамуков. И эта разница между ними всегда очень остро чувствовалась. Это были, конечно, ее первые годы в педагогике, потом она работала очень неплохо. Она же училась в Москве, в ГИТИСе (на русском языке, а не на татарском – прим. ред.). И все, кто учился в Москве, те же щепкины, у них речь была не на высоте. Это потом уже их подтягивали Шамуков, Сарымсаков, Исанбет. Это потому, что они были оторваны от языковой среды. Особенно «гитисовцы». Когда Марсель Салимжанов пригласил меня на последний свой курс, который я выпускал уже после его смерти, я был очень не удовлетворен культурой речи. В университете преподается большое количество ненужных будущему актеру предметов, а необходимых предметов нет – нет балета, нет сценического движения на высоком уровне, а у нас такие педагоги преподавали в свое время!

Рыбалка на Волге. А. Хафизов, М. Салимжанов, 90-е гг.

Мы писали диктант по музыке! Представляете, что это такое? Диктант по музыке. Педагог играет – я пишу. Вот нас как готовили! А что сейчас? Политология, экономика – совершенно ненужная трата времени. Поэтому современные актеры совершенно не умеют самостоятельно работать. Обязательно нужен режиссер для любой мелочи. Дома почти никто не готовится, чтобы на репетиции показать режиссеру. Помню, когда мы репетировали «Кукольную свадьбу», как старался, как бился Фарид с молодыми исполнителями. А потому, что фундамента нет. Мне очень нравится, как работает Искандер Хайруллин: хорошее образование, родители, до мозга костей театральный человек. На каждую репетицию приходит с новыми идеями. Когда мы работали над «Турандот», Искандер много спорил с режиссером, с китайкой Ма Джен Хонг, был с ней во многом не согласен, но он ведь приносил на каждую репетицию новое, предлагал. Но ведь так не каждый может. Я их не виню – они просто не подготовленные, большинству в процессе учебы не дают раскрыться, они просто не успевают, заучивая экономику.

Н.И.: Почему в то же училище не приглашают подлинных специалистов, хотя бы по сценической речи?

А.Х.: Вот ты скажи. К кому относится училище? Оно ведь в ведомстве Министерства культуры, да? Вот когда мы учились, к нам очень часто оттуда приходили, на каждом экзамене сидел представитель министерства, не только на дипломах, но и курсовых экзаменах. Отношение было другое к этой подготовке. А сейчас и в средней школе дела обстоят плохо, и в профессиональном образовании. Идет общий упадок. Когда я уходил с третьего курса училища в

армию (а считай – все, судьба полонана, уходишь в неизвестность), меня успокаивал Хусаин Уразиков, даже не руководитель курса Сарымсаков. Я его слова на всю жизнь запомнил. Он должен был с нами ставить «Зифу» Н. Исанбета, где мне была должна достаться главная роль. Он, кстати, тогда так и не поставил этот спектакль, потому что брал пьесу под меня. И он мне сказал: «Где бы ты ни находился, постарайся учить язык местного населения, обычаи народа, по возможности старайся понять их культуру. И второе: в армии есть библиотеки, старайся больше читать. Там не будет, конечно, татарских книг, поэтому читай Достоевского и Гюго. Эти два писателя – их нужно знать целиком, все, что они написали. Беспременно работай над собой. И тогда эти три года не пройдут для тебя даром». А получилось три года и три месяца...

Я помню, до Ильтани Иляловой здесь вообще не было театральной критики, долгие годы. Писали так: это понравилось, это не понравилось, но разбора, анализа не было.

Н.И.: А как же Рауза Фатыховна Усманова?

А.Х.: Да. Но она очень редко писала рецензии, крайне редко. Далеко не на все спектакли. Потом твой отец, Рауф, пришел в критику. Он и Илялова. Критика необходима для развития театра,

но профессиональная. Это главному режиссеру помогает определиться с репертуаром. У нас ведь серьезный репертуар. Тот же Фоссе. Стал бы Марсель его ставить? Думаю, нет. Потом сейчас ведь все границы стерлись. Интернет. Мы теперь все можем узнать по интернету. Ритм жизни стал совсем иной, ведь как изменилась жизнь в последние двадцать лет! Это же невозможно было себе представить. И мы привыкаем к новым ритмам, и театр все время меняется, быстрее, чем когда-либо. Мне кажется, меняется в лучшую сторону, кто бы что ни говорил. Иногда бывает, когда мы вспоминаем наших корифеев, наших учителей, великих актеров прошлого, что их игра вызывает и огромную любовь к ним, и улыбку. Актерское искусство не стоит на месте. Растет.

И.Н.: Может быть, это связано с тем, что театр сейчас много ездит, выезжает на гастроли за рубеж?

А.Х.: Но ведь и тогда много ездили. Каждый год мы выезжали на длинные гастроли – по полтора-два месяца. И Ижевск, и Свердловск, и Ташкент, и Алма-Ата, и Астрахань, и Куйбышев. Театр и тогда много гастролировал, но только у себя, в СССР. А сейчас да. Особенно важно, что много теперь приезжают к нам, в Казань. Ведь мы представить себе не могли, что режиссер уровня Някрошюса

к нам может приехать! Но вот, что меня поражает. Может, я и ошибаюсь. Вот приезжают к нам на гастроли обменные – Малый театр, мы смотрим их, МХТ приезжает, БДТ, театр Додина – мы же все видим. И иногда я сижу после просмотра их спектаклей просто в недоумении – как слабо все! Звезды сцены и кино, тот же Хабенский, тот же Дюжев, я не знаю, но в нашем театре они не были бы на положении звезд. Вот МХТ привозил «Гамлета», ну, извини, очень слабенький спектакль. Выразительные средства – ладно. Но актерская игра, но мизансцены. И это абсолютно не трогает, это антиэстетично. Я видел постановки гораздо сильнее. Или французская комедия «Примадонны», где в главной роли Дюжев. Мы такие вещи тоже играли, касса есть касса, но я бы не сказал, что они были на высоте, мы играли гораздо лучше, тоньше. А вот Басилашвили с Фрейндлих играли «Дядюшкин сон» – вот это совсем другое! Вот это искусство мне близко и понятно. Но, самое главное, сейчас мы стали смотреть и сравнивать. И я бы не сказал, что наши спектакли – допустим, «Немая кукушка» – хуже каких-то московских спектаклей. Один мой знакомый посмотрел «Кукушку» и сказал: я давно в московских театрах ничего подобного не видел. Потрясен был просто. Как спектакль поставлен, как играют актеры! Это не стыдно никому показать. Режиссура у нас традиционно очень мощная, а вот неподготовленность некоторых актеров сразу видна. И это рождает противоречие. «Мулла» – замечательно поставлен спектакль! Вот люблю я Талипова, но, как мне кажется, не может его герой быть таким размазней, не может так унижаться, он же тюрьму прошел, он истину узрел, он сильный. А у Эмиля он вышел слабым, колеблющимся... Зато как

был поставлен спектакль! Я однажды зашел посмотреть одну сцену – только одну – и затынуло, не смог выйти, досмотрел до конца, не отпускает.

Н.И.: Трудно представить развитие театра без современной драматургии. А в становлении актера огромное значение играет исполнение сильных, художественно полноценных характеров.

А.Х.: Все эти кризисы в драматургии – они извечны. Поэтому есть одно спасение – классика. Каждый сезон мы должны ставить хотя бы одно классическое произведение. Ну, вот на общем собрании пять лет назад Фарид озвучил, что будет наконец-то ставить Камала! Мы должны его ставить, театр носит имя этого драматурга. В свое время был очень удачный спектакль «Банкрот» у Празата Исанбета. Второй спектакль на моей памяти был провальным. А вообще-то история постановок этой пьесы очень небогатая. Но у Фариды всегда получается. И «Банкрот» получился. А другой спектакль, о котором он говорил, это «Ходжа Насретдин» Наки Исанбета. Тут сложнее. Я смотрел эту вещь в театре Тинчурина. У Наки Исанбета свой особенный юмор, ирония, режиссер Рашид Загидуллин его не чувствует, а актеры, не понимают, что им играть, начинают лить воду. Бегают, носятся, кричат – а почему, зачем? Не понятно... Потому, что Наки Исанбет совершенно отдельное место занимает в татарской классике. Нельзя сказать, что на сегодня он раскрыт как драматург.

Н.И.: Я десять лет работал в жюри конкурса «Новая татарская пьеса». Ежегодно от 50 до 80 пьес поступало на конкурс, а ставить нечего.

А.Х.: Если взглянуть на современную литературу в целом, а драматургия все же одно из направлений,

родов литературы, произведения, которые сейчас печатаются в наших толстых литературных журналах, не выдерживают никакого сравнения с тем, что писали еще двадцать лет назад. Во времена Амирхана Еники, Аяза Гилязова, Мухаммета Магдеева... Даже рядом не поставишь. Ушло целое поколение писателей. Кто сегодня может сравниться с Нуриханом Фаттахом? Ну кто?! Нет таких. И меня это так беспокоит. Я думаю, и у писателей схожая проблема. Недостаток образования, с одной стороны, и потребительское отношение к собственному труду с другой, желание продаться, быть популярным. А, с другой стороны, читательский вкус развращает и интернет, и телевидение, и плохая литература. А главное отсутствие профессионализма. Пьес,

Акчурина, "Мы уходим, вы остаетесь"

говоришь, пишут много? Их и тогда много писали. И хороших пьес всегда было намного меньше. Но пьесы слабые специально печатали в сборниках для самодеятельных театров, но самодеятельность не лезла на профессиональную сцену. А хороших драматургов и тогда было немного. Талантливых авторов нельзя отпускать от театра, нужно все время держать их рядом. Тот же Ркаил Зайдулла. Он же не приносил сразу готовые хорошие вещи, с ним нужно всегда работать. Мы много с ним сотрудничаем при постановке вечеров, юбилеев, я ему говорю свои замечания по сценарию, и он всегда прислушивается. По несколько вариантов делает. Это, конечно, не совсем пьеса, но принципы создания пьесы и сценария схожие. Зульфат Хаким, к сожалению, в последние годы увлекся легкими жанрами. Но, видимо, нельзя, чтобы все сразу было. А среди молодых пока нет никого, кроме Ильгиза Зайниева... Надо активнее работать с авторами, с тем же Зайдуллой. Я его больше, чем поэта, ценю как публициста, как автора маленьких рассказов. Из них можно классные сатирические пьесы делать! Но нужно театральное мышление, вообще хороший драматург – всегда человек театра, не может быть по-другому. Да ведь и в русской драматургии не все гладко, там тоже свои проблемы... Нужно искать и приводить в театр сколько-нибудь талантливых, подающих надежды литераторов, не отпускать их. Ведь первые пьесы того же Туфана Миннуллина тоже были очень слабые, но театр стал с ним работать, подсказывать и он стал быстро прогрессировать. Нельзя ждать, что кто-то придет и принесет готовую гениальную вещь. Ну, даже если и принесет, то сколько? Ну, одну. На репертуаре это не скажется. Не бывает очень много

С супругой Фаридой Хафизовой, 2000-е гг.

хороших драматургов, так никогда не было и не будет.

Н.И.: Театр – средоточие творческой неудовлетворенности. Нет ни одного артиста, который бы считал, что сыграл все, что хотел. Какая у Вас несбывшаяся мечта?

А.Х.: Я никогда не жил пустыми надеждами. Не тратил на это время, не портил себе жизнь. Мне безразницы, маленькая или большая роль. Когда начинаются репетиции нового спектакля с моим участием, у меня даже сон пропадает, я сам меняюсь, быт меняется, аппетит исчезает. И к любой работе всегда отношусь ответственно. А если я стану переживать о несбывшихся ролях и мечтах... Если уж ты посвятил свою жизнь театру, а по-другому здесь нельзя, то должен понять простую вещь – театр не существует ради тебя одного, каким бы гениальным ты ни был. Это коллективный труд.

Бывает больно, но здесь очень важен талант и умение ждать, терпеть. Сколько в театре достойных артистов, сколько талантов. Плюс у каждого режиссера свое видение, свои амбиции, свое решение, плюс элементарная проблема занятости. Поэтому ходить обижаться – это не мое. Молодые часто этого не понимают. Когда взрослеют, приходит понимание, или они расстаются с театром. Вот есть гениальная фраза Станиславского: «Любить искусство в себе, а не себя в искусстве». Это уже штамп, но это результат наблюдений. Если ты понимаешь эти вещи, ты чувствуешь себя частью целого, частью большой семьи. Надо взрастить в себе чувство причастности ко всему, что происходит в твоём родном театре. Тогда ошибка другого актера станет твоей ошибкой, а его успех – твоим успехом. Это – твой театр. Но такое понимание нужно в себе воспитывать. ▀

► Айсылу Хафизова

НАФИСА ХАЙРУЛЛИНА: «Не хочу сглазить!»

Самая красивая татарская актриса нового поколения несколько лет назад уехала в столицу России и последнее время не дает интервью. Причина – банальные вопросы и нежелание говорить о личной жизни. Для журнала «Идель» она сделала исключение.

Нафиса – театральный ребенок, который считает камаловский театр своей семьей. Первые сценические шаги она сделала в родном театре – с 2008 года молодая актриса сыграла порядка двух десятков ролей. Самая известная роль – Камар в постановке Фариды Бикчантаева «Кукольная свадьба» 2009 года, которая принесла ей «Триумф» (ежегодная театральная премия Министерства культуры РТ «Тантана»).

Первая роль Нафисы в кино – казанский полный метр «Орлы» 2009

года. А первой работой в Москве стал сериал «Ясмин» (реж. К. Заруцкая, В. Каминский), премьера которого состоялась на Первом канале в 2013 году. Татарская актриса играла эпизодическую роль, которая должна была к концу истории «вырасти» в одну из главных. Несмотря на то, что сериал сняли с эфира, талантливую и красивую девушку заметили многие. Зрители назвали ее «самой обаятельной актрисой в сериале», «подлинным бриллиантом чистой воды». После она снялась в других кинопроектах: фантастической

мелодраме Александра Котта «1001», восьмисерийном приключенческом фильме Юрия Музыки «Временщик», в детективном сериале Кирилла Белевича «Второе зрение». В 2018 году на Казанском международном фестивале мусульманского кино состоялась презентация проекта «Золотая орда», где отметились Юлия Пересильд, Сергей Пускепалис, Эльмира Калимуллина, а также Нафиса Хайруллина.

На данный момент актриса взяла тайм-аут, потому что стала мамой и все силы отдает воспитанию сына.

– Нафиса, почему ты согласилась на это интервью?

– Не хочется отвечать на банальные вопросы, а о личной жизни говорить не готова, так как я суеверный человек. Не хочу сглазить. Согласилась, потому что хорошо тебя знаю, ты тоже дитя театра, интересный журналист. Вижу, что журнал «Идель» стал современным, прямо зажил, поэтому решила не отказываться от разговора.

– Считается, что у актерских детей необычное детство...

– Детство у меня было счастливое, но закончилось оно в пятнадцать лет, когда мамы не стало. Говорят, ты – ребенок, пока живы родители. Это так. До пяти лет мама меня воспитывала по японскому методу, когда ребенку все позволено. Вплоть до того, что могла ходить по столу и сбрасывать ногами посуду. А после пяти лет началось жесткое воспитание. Но, спасибо маме, без рукоприкладства. Она просто никуда не отпускала, заставляла читать, у меня даже была антипатия к книгам. Мы проводили лето на даче в Студенцах («актерский» дачный поселок на берегу Волги – прим. ред.), все идет купаться, а мы с мамой учим арабский алфавит. В тот момент для меня это было как наказание. Сейчас я понимаю, что это было нужно, это повлияло на мой характер. Я рада, что мама вложила в меня понимание, что духовные ценности важнее материальных, словами, действиями, примером. И в людях я ценю эти качества.

А театр для меня был чем-то божественным, артисты – небожителями. Наверное, потому что запретный плод сладок – мама редко водила меня в театр. Она не хотела, чтобы я связала судьбу со сценой. Дети любят красоту, наверное, поэтому я любила Алсу Гайнуллину – она всегда была

Нафиса Шамилевна Хайруллина родилась 3 февраля 1988 года в Казани в семье актрисы театра Камала Фирдаус Хайруллиной. В 2008 году окончила актерский факультет Казанского государственного университета культуры и искусств (курс Ф. Бикчантаева, педагоги: Р. Бариев, Р. Фазлыев) и принята в труппу театра Камала. Сыграла на сцене театра около двух десятков ролей, снималась в кино и рекламе. Живет и работает в Москве. Замужем, имеет сына.

ухоженная, приятная, даже на даче. Азгар Шакиров вызывал у меня двоякие чувства – он казался мне хорошим, но мне не нравилось, что он собирал компанию артистов для игры в карты, а я была вынуждена ждать маму в другой комнате. Сейчас я его безумно люблю. У нас был прекрасный дуэт в «Кукольной свадьбе», обожаю его как актера. А вот Нажибу Ихсанову я считала плохим персонажем. Я говорила маме, что она злая (смеется). На самом деле она прекрасный человек и очень хорошо ко мне относилась, когда я пришла в театр. Я благодарна Богу, что успела пообщаться с такими корифеями, с историей. Режиссера Празата Исанбета я считала своим другом, мы с ним часто играли в футбол. Правда, когда он мне попал по лицу

В ПЕРЕХОДНОМ ВОЗРАСТЕ Я ЗАМКНУЛАСЬ В СЕБЕ. Я ДАЖЕ ПОЗДОРОВАТЬСЯ ТОЛКОМ НЕ МОГЛА К НЕГОДОВАНИЮ МАМЫ – В ТЕАТРЕ ПРИНЯТО СО ВСЕМИ ЗДОРОВАТЬСЯ И УЛЫБАТЬСЯ. А Я БЫЛА ХМУРОЙ НЕ ОТ ВЫСОКОМЕРИЯ, КАК МНОГИМ КАЗАЛОСЬ, А ОТ ТОГО, ЧТО СТЕСНЯЛАСЬ ВСЕГДА ЖУТКО.

мячом, я очень разозлилась и обиделась. Марсель абый (Салимжанов – прим. ред.) для меня был глыбой, я его очень боялась. И в то же время он был мне интересен. Как я узнала потом из рассказов мамы, он собирался сделать из меня классную актрису, но мама категорически возражала. Конечно, было бы интересно поработать с Салимжановым, жаль, что не получилось. Но хорошо, что я его хотя бы застала при жизни. Они с его женой Гульнар апа приходили к нам в гости на даче, он даже со мной играл – я руководила игрушечной кухней (грузинской), а он мне заказывал шашлыки и вино. Говорят, я станцевала для него ламбаду в «платье Изауры» (тогда был популярен этот сериал, и я попросила мне шить такое же платье), и он был в восторге.

Вообще, мама меня приводила в театр только на новогодние елки. Помню, мы случайно пришли в театр на спектакль «Русалка, любовь моя» («Су төбөндә сөйгәнем»), где дети театра переодевались в русалок. Их была целая куча в коридоре, они меня звали с собой на сцену, но мама категорически была против. Так что, закулисной «банды» у меня не было, зато была своя компания в Студенцах, и я там была лидером. Сейчас пересматриваю видео с тех времен – я там бандерша, гопник такой, сижу на корточках в окружении детей. Йусуфчик (Бикчантаев – прим. ред.) до сих пор вспоминает, как мы его не принимали в свою компанию и обкидывали камнями. Потом, когда мы уже повзрослели, я перед ним извинилась. Но он даже не обижается, говорит, что было весело.

– Мама тебя закаляла, на даче ты до самых холодов бегала босиком, смуглая, взгляд исподлобья, могла и сказать что-то колючее. В общем, Маугли...

– (Смеется). Этого взгляда многие взрослые побаивались. Актер Ильдус Габдрахманов однажды меня на съемках поднял, а я его поцарапала аж до крови, боялись, что шрам останется. Точно, Маугли. У нас дома всегда собиралась компания актеров, режиссеров, сидели за столом. А я помню, что однажды сказала: «Пусть этот дядя уходит, у него ноги вонючие». И так несколько раз, он сидел, весь красный. Я и до сих пор говорю всегда в глаза, то, что думаю. Наверное, многие мои проблемы были из-за этого, но мне так проще, на душе ничего не остается.

– А как сложились отношения со школой?

– Не просто. Конечно, я сегодня смотрю на все это с юмором. Первой моей школой была вторая гимназия – воспитанные

дети, отличное образование. Когда мы переехали, пришлось поменять школу. Новую школу я не воспринимала вообще. Если ребенок чуть выделяется, учителя его гнобили. Помню, сердце колотилось и руки потели, когда я переступала порог класса физики. Не дано мне знать точные науки. Зато сочинения у меня шли на ура, учительница в слезах обнимала. Сочинять я могла бесконечно, и меня просто переполняло. Учителя отчитывали меня за то, что мама не приходит в школу на собрания – постоянно была на работе. Окончив школу, я сыграла несколько ролей, после чего они стали меня приглашать как почетного гостя на юбилей школы и т.д. Говорить разные приятности, комплименты. Так все меняется неожиданно...

Мой совет родителям – внимательнее относитесь к детям, прислушивайтесь. Мама говорила – разбирайся сама во всем, этим

она хотела сделать меня сильнее, чтобы я могла выживать, оставшись одна. Наверное, это и помогло, но я другого мнения. Кто знает, что ждет малыша в будущем, так что я буду баловать и сюсюкать. Буду делать все, чтобы мой ребенок кайфовал, хотя меня за это ругают.

В переходном возрасте я замкнулась в себе. Я даже поздороваться толком не могла к негодованию мамы – в театре принято со всеми здороваться и улыбаться. А я была хмурой не от высокомерия, как многим казалось, а оттого, что стеснялась всегда жутко.

– Ты пошла в актерскую профессию вопреки желанию мамы?

– Когда я была совсем маленькой, мне так хотелось выйти на сцену, я была готова просто деревом на сцене постоять. А когда стала чуть старше, это желание стало непреодолимым. Но мама не давала даже пикнуть на эту тему. Хотя я потом узнала, что она уже готова была сдаться. Шамиль Зиннурович (Закиров, покойный директор театра Камала – прим. ред.) посоветовал ходить в театральный кружок. Когда я впервые пришла туда, дети читали стихотворения. Меня поразило, как можно так эмоционально читать. Там меня немного раскрепостили. Хотя застенчивость мне всегда мешала.

Когда я заканчивала школу, параллельно я училась на первом курсе института культуры. Театральный курс был хорошей «отмазкой» от школы, я часто пропускала занятия, особенно последние уроки. А с занятий в театральном мне приходилось раньше уходить, так как мне попадало от тети (она меня воспитывала после ухода мамы), что я так поздно прихожу, потому что мне нужно было рано вставать в школу.

Я отпрашивалась, педагогам это не нравилось.

Запретный плод сладок. Поэтому я пошла в актрисы и поэтому постирилась. У меня были очень длинные волосы – ниже пояса. Это для меня была большая проблема. Мне приходилось спать с косой, она утяжеляла голову. После купания мне приходилось расчесывать, это было мучение. Мама запрещала стричься.

Мама ограждала меня от актерской профессии, потому что хотела, чтобы у меня была полноценная семья. Но в наше время эта профессия не мешает создавать прекрасную семью. В их время это было тяжело, потому что они постоянно были на гастролях. И во-вторых, это очень зависимая профессия. У нас с мамой такой сложный характер – мы не можем подчиняться. Нам свойственно свободолюбие, говорить, что думаешь, борьба за справедливость. В этой профессии тяжело выжить с таким характером.

– Годы учебы на актерском отделении тоже складывались не гладко?

– Первые этюды у меня не получались. Серьезно я к этому не относилась. Пришла я на первый курс деревянная, ничего не умела. Это потом меня как-то раскачали. Мои однокурсники очень серьезно готовились к этюдам, неделями. Помню, задали этюд-наблюдение. Неделю надо было за кем-то или чем-то наблюдать, а потом показывать. Я не наблюдала. Что-то придумывала за полчаса и показывала. Но это особо не прокатывало. Наш педагог, помню, после очередного неудачного этюда на меня разозлился (ему надоела моя халатность) и сказал: «Ты – человек, который тянет татарский театр назад». Эти слова меня убили, и я даже хотела уйти.

– Как же ты оказалась в труппе театра?

– В 2007 году меня взял в свою постановку ученик Рифката Исрафилова (советский российский актёр, театральный режиссёр, театральный педагог, профессор Оренбургского государственного института искусств – прим. ред.) Эдуард Шахмаев на роль Надимы

в спектакле «Корова» по сказке Назима Хикмета. Это была моя большая первая роль, благодаря которой я осталась в камаловском театре. После окончания вуза педагог сказал, что пересмотрел свое отношение и что берет свои слова обратно (смеется). Мне совершенно не понравилась моя первая работа, но после нее все и пошло. Вообще, если честно, не было такого дня, когда я после сыгранного спектакля считала, что я отработала и сыграла на сто процентов. Было какое-то удовлетворение от отдельных сцен.

Знаешь, репетировала я всегда с таким надрывом, эмоции переполняли. Очень переживала, когда что-то не получалось, особенно когда попадала к режиссерам, которые случайно пришли в эту профессию. Ты от себя все делаешь, а он тебе не дает задачу, и все – ступор, дальше ничего не идет. Для меня это был настоящий кошмар. Самые приятные эмоции и удовлетворение я получала от работы в спектакле «Кукольная свадьба».

Это был такой ураган, я репетировала, потом приходила в гримерку, плакала, успокаивалась, шла репетировать. Второй акт уже пошел легче. Но я надеюсь, что моя настоящая большая роль еще впереди.

– На московские съемки ты тоже попала случайно?

– В тот момент в театре у меня был период застоя. Я стала рассылать свои резюме в московские кинокомпании по совету коллег, которые это уже давно проделали. Создатели русско-турецкого сериала «Ясмин» нашли меня в картотеке «Мосфильма». Мне очень понравилось работать в этом проекте, там был потрясающий коллектив, нам друг с другом было интересно. Режиссер мною был доволен – мне его слова передавали гримеры. Хотя и тут мне мешал мой характер. Один гример даже приговаривал: «Да, Нафиса, а когда ты станешь звездой, что будет?» Жаль, что сериал не пошел. Образ моей героини должен был развиваться чуть ли не до уровня главной роли. Но ничего, значит, так должно быть.

С сериалом «Ясмин» получилось вообще забавно. Когда я заполняла анкету для «Мосфильма», мой друг, очень известный человек, посоветовал мне в графе «Языки» указать знание турецкого. Я турецкий понимала совсем чуть-чуть, только отдельные слова, которые похожи на татарские. Он сказал, чтобы я обязательно указала знание турецкого, потому что сейчас турецкие сериалы востребованы. Я последовала совету и

забыла об этом. И я даже не подзревала, что в этой роли мне придется говорить на турецком. Когда я получила свою роль, там турецких реплик было не так много, я наняла репетитора в Казани, занималась, заучивала текст. Это давалось тяжело, потому что я привыкла импровизировать. А съемки шли беспрерывно, и я не успевала заучивать текст. Я начинаю играть, разбавляя турецкую речь татарским. Эту тарбарщину никто не понимал, но мои партнеры меня не сдавали. Есть выражение «татар башын татар ашый» («татарин ест татарина»). Поэтому, когда вышел сериал, больше всего критики и негатива в интернете было именно от моих родных татар, а представители других национальностей защищали. Это дошло до продюсера Дениса Евстигнеева, до кастинг-директора, они сделали замечание, но как-то нормально к этому отнеслись, понимая, что я просто в таком темпе не успеваю заучивать текст. Конечно, это ляп, такого не должно быть, но от «чужих» было больше понимания, чем от «своих».

Потом та же команда пригласила меня сниматься в другом проекте. Помню, я пришла, а Денис Евстигнеев поприветствовал меня и поздравил с «реинкарнацией».

Про «Золотую орду» могу лишь со стороны рассказывать, потому что в этом проекте у меня было очень мало съемочных дней. Роль была малюсенькая. Хотя я считаю, что не бывает больших и маленьких ролей, это моя работа, и она мне очень нравится. Но сам съемочный процесс прочувствовать я не успела. Но успела заметить, какая сплоченная и сильная команда там работала, хотя условия были очень трудные, нужно было рано вставать. Было холодно, эти клещи.

Помню, одного сняла с одежды уже в самолете. Но большой респект создателям этого огромного многонационального проекта.

– Твоя национальность тебе не мешает делать карьеру в Москве?

– Я не фанатичная татарка, но я не понимаю тех, кто стесняется своей национальности. Есть плохие люди, есть хорошие люди в любом этносе. В Москве я чувствую себя комфортно. Это произошло не одномоментно. Получилось само по себе. Были какие-то съемки, встречи. Я очень полюбила Москву, здесь ко мне хорошо относятся. Когда узнают, что я – татарка, сразу вспоминают, что у них в роду были татары. У каждого человека в роду, как оказалось, есть татары. Хотя бы прабабушка, но есть.

Конечно, когда я жила в Казани, многое и часто мне не нравилось, со многим я была не согласна. Но уехав, как-то обо всем забыла. Наверное, потому что скучаю, люблю. Правда, очень скучаю. И у меня получается выбраться на родину в год хотя бы один – два раза, я обязательно прихожу в свой родной театр. Камаловский – это мой любимый дом, это моя вторая семья, люди, которых я люблю. Это как моя родня. Они мне очень близки. И, наверное, я не могу даже о них судить объективно.

– Что ты используешь в воспитании своего ребенка от мамы и что никогда бы не стала делать?

– Может быть, мама меня правильно воспитывала. Но я бы так не смогла. Я очень мягкая с ребенком. Сын вьет из меня веревки. По-другому я не могу. Мы же не знаем, что детей ожидает в будущем. Поэтому их надо любить, лелеять. Может, это и не правильно, но я по-другому не

могу. Я во всем так – полностью отдаюсь, все позволяю, если люблю. Я сыну по-хорошему объясняю, что можно, что нельзя, даю ему все потрогать, пощупать, пусть он познает мир.

Я благодарна маме за то, что она никогда не показывала своих слез. Потому что настолько ее любила, что мне было бы больно видеть ее переживания. У меня перед глазами мама – сильная, волевая, свободолюбивая женщина. Спасибо, что она была сильной. И я, наверное, сама такая же. Иначе я бы не выстояла.

Жаль, что она не проводила со мной больше времени. Но это не вина мамы, это ее профессия. Если бы можно было ее поменять, она бы поменяла, возможно. Но время было другое. Я оставалась у соседей, у родственников. Помню, я очень плакала, когда мама уезжала на гастроли. А став взрослее, я уже не показывала слез. Она уже

болела и собиралась на свои последние, как оказалось, долгие гастроли, и у меня произошла такая страшная истерика! К нам пришел репетитор, и я стала плакать, что не буду заниматься. Наверное, это было предчувствие, потому что ее уже через месяц не стало, я хотела с ней больше времени проводить. Но вообще, интуиция у меня всегда была очень сильная.

Я стараюсь быть всегда рядом с сыном, от этого он будет увереннее в себе, будет чувствовать себя защищенным. Я не готова так работать, чтобы уезжать на месяцы в экспедицию или каждый день работать в театре с утра до вечера. Для тонуса и для развития мне будет достаточно одного проекта в год. Останавливаться нельзя, и я не смогу без работы, но в приоритете у меня семья и ребенок. И я считаю, что при этом нельзя забывать о себе – ребенку нужна здоровая и счастливая мама. Нужно за собой следить, ухаживать.

Конечно, хотелось бы поработать в кино, сняться в большой роли. Посмотрим, может, судьба подарит мне такой шанс. Если появится такая судьбоносная роль, я бы была очень рада. ■

Лябиб Лерон. И ты люби меня: стихотворения и поэма / пер. с татар. Галины Булатовой и др. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2018. – 223 с.

«И ТЫ ЛЮБИ МЕНЯ»

Из предисловия:

«После прочтения солидной рукописи поэта Лябиба Лерона в душе всколыхнулись противоречивые чувства — и радостные, и горестные. О том, что Лябиб Лерон, известный всем юмористическими стихами, колючими пародиями, приключенческими пьесами, оказывается, является автором замечательных лирических стихотворений, не догадывались не только простые читатели, но даже и я, его давний собрат по перу!..

Течение его мыслей и слов, поэтический напев ни на чьи не похожи, а поэтические строфы совершенны. Вот, например, несколько строк из стихотворения «Опустошён», открывающего этот сборник:

*Так мало прожито, и мало пережито –
Едва оттаявшие почки так нежны...
Ещё готовлюсь я шагнуть в пока сокрытый
Чертю весны!*

Совершенство ритма и рифмы, целостность переплетённых воедино мыслей и чувств облекли простые слова в поэтические одежды и возвели в ранг художественного произведения.

В лаконичных, плотно скроенных, состоящих всего из нескольких куплетов стихотворениях, борьба чувств, сюжетные перипетии превращают их в миниатюрные спектакли...

Каждое стихотворение Лябиба Лерона пронизано любовью и чувствами уважения и благодарности своему народу, людям... Он не чурается даже середнячков, составляющих большинство в этом мире:

*Я к тебе, бездарность, обращаюсь...
Боже мой, вас – целый легион!
Если среди вас я затеряюсь,
Даже Бог не сыщет... даже Он...*

Эти стихи Лябиба Лерона всколыхнули во мне целый рой мыслей о современном мире и судьбе литературы, изрядно встревожили душу. Да, мы живём в чрезвычайно трудное время, когда на волоске висит будущее стран и народов, судьба родного языка. В этой сложной ситуации, в деле сохранения и прогресса нашей нации, литература и поэзия должны оставаться самыми надёжными помощниками.

(Разиль Валеев, народный поэт Татарстана, лауреат Государственной премии имени Г. Тукая).

Из послесловия от переводчика:

«Творчество Лябиба Лерона давно известно и любимо его соплеменниками. Стихи, сказки, песни, пьесы, сценарии для театральных постановок, литературно-музыкальная телевизионная программа — вот далеко не полный перечень того, что поэт наполнил радостью и светом своего таланта. Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, обладатель ряда премий, в т.ч. лауреат Республиканской премии имени Мусы Джалиля, Лябиб Лерон стал всенародно любимым поэтом...

Вживаясь в мир поэта, стараешься не упустить каких-то важных деталей, национального колорита, последовательность образов, т.е. максимально приблизиться к замыслу автора...

Сила, яркость и жар лероновского дара видны во всём: это и круг волнующих его тем, и накал испытываемых чувств, и воплощение всего этого в слове. Жизнь поэта — горение, самосожжение, незаживающая рана.

*Поэзия! Боль ты моя сердечная,
Кровоточащий порез души;
Пусть не покажется противоречием —
Я лишь тобою жив!*

...

*Поэзия! Бурные реки вечности,
Сполох негаснущего огня...
Жарким дыханием бесконечности
Ты обожгла меня!*

(«Поэзия»)

В любовной лирике поэта проступает не только нежность, но и те же «горящие» образы.

*Пылает сердце, плачет тень...
Я сам свеча в ночи?!
Кричу «скучаю по тебе!»
На языке свечи...*

(«Свечи»)

Неудивительно, что вскормленная традициями родной земли, лирика Лябиба Лерона полна музыкальных образов и признаний

в любви к народной песне — единственному, быть может, спасению в череде жизненных тревог и неурядиц.

*Я от музыки грустной рождён, —
Потому и печален...
Так по волнам рыдающим чёлн
Неизбежно качает.*

(«Зарождение»)

Лябиб Лерон пишет на татарском языке, однако он хорошо знаком с русской литературой. В его поэзии соседствуют восток и запад, татарские селения Туреш, Кара Шэм, Кенар — и чеховский Таганрог; поэты-земляки Фаиль Шафигуллин, Газинур Мурат — и Чехов с Толстым, Вознесенским и Блоком.

Спектр эмоций автора — от лёгкой иронии — через традиционную лирическую грусть, именную красивым словом «мон» — до подлинной исповедальности.

Тонкая, солнечная, мудрая и жизнеутверждающая поэзия Лябиба Лерона пристально вглядывается в душу человека, поднимая на пьедестал непреходящие общечеловеческие ценности — свободу, родину, талант, дружбу, добро, совесть.

*Мы с тобою остались верны себе
В череду перемен.
Под колени нас били, только мы
Не склонили колен.*

*И не прятались в тень от трудностей,
Не смиряли сердца.
Мы сумели дожить до этих дней,
Не теряя лица!*

(«Благодарение»)

Надеюсь, мои переводы в какой-то мере смогли донести до читателя отблески лероновского огня».

(Галина Булатова, поэт, переводчик, лауреат международного поэтического конкурса премии «Пятая стихия» имени И. Царёва, победитель и призёр ряда международных конкурсов перевода). ■

► Галина Булатова

ВЛАДИМИР ЛЕСОВОЙ:

«Я чувствую историческую вину за смерть Цветаевой»

Владимир Сергеевич Лесовой – автор слов героической кантаты «Краснодон» о подвиге молодогвардейцев в годы Великой Отечественной войны. Родился 18 января 1948 года на Украине. Окончил МГИМО. Посещал литературную студию «Зеленая лампа» при журнале «Юность», которой руководил Борис Полевой. Член Союза писателей России, автор десяти книг прозы и поэзии, вышедших в разное время. Среди них – «Ночной прыжок», «Серебряные струны», «Поющая стрела», «Цвет маттиолы».

В канун дня рождения комсомола в Казани проходил I Открытый республиканский молодёжный фестиваль-конкурс «Орлята учатся летать», на котором выступили более тысячи человек. Героическая кантата «Краснодон», исполненная детским сводным духовым оркестром «Балакиревцы России», завоевала Гран-при фестиваля. Нам удалось побеседовать с московским поэтом Владимиром Лесовым.

«Краснодон» – это героическая кантата для семерых чтецов, поэта, вокалистов и оркестра. Музыка написал московский композитор Геннадий Лукин. Она создана к юбилею комсомола и к 75-летию организации «Молодая гвардия». Кантату Лесового «Краснодон» исполнял сводный духовой оркестр детских музыкальных школ России из Казани, Москвы, Смоленска, Санкт-Петербурга, Волгограда, Екатеринбурга, Петрозаводска, Краснодона, Луганска. На репетиции в полутемном зале театра кукол «Экият» автор внимательно наблюдал за тем, как юное поколение проживает чувства своих ровесников, живших сто лет назад.

– Владимир Сергеевич, что Вы чувствовали, слушая свою кантату в Казани?

– Я сидел в зале и в очередной раз думал: как это всеправдиво, как искренне... Ребята не актеры, они

не играют, они проживают, они чувствуют! Полное совпадение возраста молодогвардейцев и нынешних исполнителей! Мы были во многих городах – Москве, Тольятти, Смоленске. Я видел, как люди выходили из зала преображенными. И мне вспомнился Гумилев, который делил людей на тех, кто был в Африке, видел львов и жирафов, и тех, кто в Африке никогда не был. И я теперь делю людей на тех, кто слушал «Краснодон», и тех, кому еще не удалось услышать. У меня мечта: всех своих друзей провести через «Краснодон». Потому что многое уже начинает забываться, «Молодую гвардию» Фадеева исключили из школьной программы.

Еще одно чудо, связанное с кантатой: 8 сентября она прозвучала в государственной академической филармонии города Донецка. Это как раз совпало с девятью днями вознесения на небеса Александра Захарченко, руководителя

«ДА, КЛЯТВА НЕ НАРУШАЕТСЯ. НО ВОТ ЕЩЕ ЧТО ХОЧУ ВАМ СКАЗАТЬ, ТОВАРИЩИ ПОТОМКИ: ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ КЛЯНУТСЯ ВСЕГО ОДИН РАЗ, И ТОЛЬКО ПОДЛЕЦЫ И ПРЕДАТЕЛИ ПО НЕСКОЛЬКУ...» (ИЗ ГЕРОИЧЕСКОЙ КАНТАТЫ «КРАСНОДОН»)

Донецкой народной республики, убиенного, как говорится, на поле брани.

– В Казань Вы привезли в подарок мой сборник «Аве Марина», переизданный Вами в Москве на личные средства. Как, почему это случилось?

– Поэму «Краснодон» и другие свои издания, а также Ваш сборник «Аве Марина» я привёз в дар Центральной библиотеке Казани. Вы знаете, это тоже из разряда чудес. Я люблю Марину Цветаеву, всю ее перечитал. Мало того – я дружил с ее сестрой Анастасией Ивановной Цветаевой, много раз бывал у нее дома. Мы общались, у нас, можно сказать, была любовь. Анастасии Ивановне было 97 лет, она подписывала мне книги Марины Цветаевой. На одной из них такие слова: «Если бы в ту минуту в Елабуге кто-то был с ней рядом, то этого бы не произошло...» Я до сих пор чувствую какую-то

историческую вину. Такое же ощущение вины, как с Пушкиным. Если бы я был в то время, то я не дал бы ему поехать на Черную речку. Ведь кареты Пушкина и Натали проехали рядом друг с другом: Натали возвращалась из гостей, а он ехал на свою последнюю дуэль. Она его не заметила, была близорука... Какие бывают в истории несуразности... Вы бы тоже, Галина Ивановна, этого не допустили. Ясно, что Пушкин не дожил бы до наших дней, но до сих пор ощущение потери...

Я увидел Вашу книжку, она очень красиво оформлена, чудесно подобраны авторы, поэты XX-XXI веков о Марине Цветаевой. В самом названии кроется глубинный смысл, восходящий к латинскому глаголу «приветствовать». Со словами «Аве Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя!» гладиаторы выходили на арену. Книжка настолько меня поразила, что развернула в противоположную сторону. У меня были

другие литературные планы, в том числе и поэма «Краснодон», которой я сейчас живу, много ее исполнений, презентаций, триумфальное шествие по России. Но книга повернула меня в сторону Цветаевой, я издал в Москве в издательстве «Здравие» аналог казанского издания – в основанной мной в двухтысячном году серии «Золотая лампада». Мало того, я задумал свою книгу, тоже посвященную Цветаевой. Еще не придумал название. Возможно, это будет «Прости нас, Марина» или «Цветаевская сага». Чем дальше я погружаюсь в эту тему, тем больше самого разного материала охватывает меня со всех сторон. И я уже вижу, что в книгу войдут не только поэты. Я обнаружил уникальные дневники сына Цветаевой Георгия и дочери Ариадны, и благодарен Марине Ивановне не только за ее литературный подвиг, но и за то, что она воспитала двух прекрасных писателей. Хочу включить в книгу отрывки из этих дневников... ▀

► Ольга Голыжбина, Айсылу Хафизова

КАЗАНСКИЙ РАКУРС РОДЧЕНКО. ЕВРОПЕЙСКОЕ ТУРНЕ

27 ноября Publik-art проект «Родченко. Арт-революционер из Казани» будет выставлен в Париже. Свой тур по европейским столицам проект начал в День России. 12 июня экспозиция открылась в Русском доме науки и культуры Берлина и произвела фурор, 25 сентября – в Варшаве.

PUBLIK-ART проект «Родченко. Арт-революционер из Казани» представляет собой переосмысление идей великого революционера от искусства в современной России Александра Родченко. Проект является симбиозом самых активных и популярных видов искусства XXI века, с которыми человек сталкивается ежедневно: мода, фотография, архитектура, музыка, театр, кино. В выставочном пространстве представлены тематически сформированные арт-инсталляции и fashion-коллекции, основанные на оригинальных работах Родченко, с сопровождением аудиогидов. Единая концепция визуализации выставочного пространства дает полное представление о роли героя проек-

та – Александра Родченко – в развитии искусства начала XX века и интернациональной востребованности его идей в современности.

Этот культурный дизайн-мост длительностью в 100 лет дает возможность раскрыть идею проекта: найти вдохновляющие параллели между работами Родченко, идеями русской революции в искусстве и выразительными способами современного искусства во многих его воплощениях.

Идея Publik-art проекта «Родченко. Арт-революционер из Казани» принадлежит знаменитому казанскому дизайнеру одежды Екатерине Борисовой. Воплотить идею в жизнь помогли директор Дома моды Katya Borisova Сергей Борисов,

фотохудожники Андрей Богданов и Андрей Стеклов, композитор Всеволод Сарандов. «Этот проект я придумала очень давно, как часто бывает с творческими людьми. Кто-то вынашивает сценарий восемь лет, кто-то пишет книгу пятнадцать лет. Ты этим проектом наполняешься, он обрастает подробностями. Сама идея прекрасна, но для ее ярко выраженной визуализации необходима масса подробностей, согласований даже внутри проекта. Проект был придуман для прославления Казани и Татарстана. Мы с ним пошли в Мэрию Казани и в Министерство культуры РТ», – рассказала в интервью журналу «Идель» Екатерина Борисова.

По словам директора Дома моды Katya Borisova Сергея Борисова, за основу экспозиции взяты работы Родченко: «Мы берем картину, по ее мотивам дизайнер шьет платье, фотограф делает современные фотографии, тоже навеянные той или иной картиной или фотографией. Музыка специально написана Всеволодом Сарандовым в стиле конструктивизма, потому что в 20-е годы и в музыке тоже был прорыв. Вот такой перформанс, и мы ушли от плоскостного экспонирования. Наш проект объемен, то есть картины висят не на стене, а выставлены в специально разработанных фотокубах, люди ходят вокруг, имея возможность видеть много разных арт-объемов. Это красиво». «Многие фотографии казанского фотохудожника Андрея Богданова не были сняты специально для этого проекта. Он их просто взял из своего архива, что говорит лишь о современности технологических приемов Родченко», – считает Борисова. Она также отметила: «Татарстан – невероятно интересный регион для всего мира. Потому что тут на одной улице проживает действительно

многоконфессиональное общество, пьет чай за одним столом».

По словам собеседницы журнала, Министерство культуры Татарстана поддержало проект. Без помощи в финансировании перемещения проекта его было бы сложно экспонировать в европейских столицах. «Он огромный, его собирать-разбирать довольно сложно. Это некоммерческий проект. А именно паблик-арт-проект. Поэтому мы выставляем только в тех местах, где нам могут представить необходимые площади безвозмездно», – сообщила она.

Выставка приурочена к столетию русской революции 1917 года и столетию образования ТАССР. Русская революция потрясла и самым радикальным образом изменила мир. И в

том числе мир искусства. Революционная эстетика включала в себя лозунги, плакаты, знамена, наглядную агитацию «Окон РОСТА», проникла в самую глубину бытовой культуры. Мгновенно и с энтузиазмом вставшие на сторону революции Маяковский, Малевич, Эль Лисицкий, Александр Родченко, Любовь Попова и многие другие художники снабдили революцию уникальным визуальным сопровождением. Классический русский авангард – феноменальное явление начала прошлого века, охватившее все области искусства: от живописи и архитектуры, дизайна и книгопечатания до театра и музыки. И откуда теперь черпают вдохновение современные мастера по всему миру, как не из русского авангарда?

Родченко родился в Санкт-Петербурге в 1891 году. В 1902 году семья переехала в Казань, где в 1905 он окончил Казанское приходское начальное училище. В 1911–1914 годах учился в Казанской художественной школе у Николая Фешина, где в 1914 году познакомился с Варварой Степановой, с которой через два года начал совместную жизнь в Москве.

В 1914 году Родченко увлекся идеями Малевича. «Казань... В ней мое будущее...» – цитата из письма Александра Родченко. В Казани появился Родченко-футурист под влиянием тройки Бурлюк – Маяковский – Каменский. В Казани художник начал искать новые графические формы. Автор выставочного проекта считает художника культурным достоянием столицы Татарстана, незаслуженно забытым. «Существуют социальные группы, которые знают и любят Родченко. Но в Казани его знают мало. А это человек-бренд, который может принести городу огромную пользу, и с туристической точки зрения, и с точки зрения инвестиций.

Он приехал в Казань молодым человеком, получил образование, и здесь произошло его становление как художника. Надо сказать, приехал он к нам не из провинции, а из Санкт-Петербурга. И он получил в Казани то образование и те передовые взгляды на искусство в новой молодой России, которые и позволили ему примкнуть к группе Малевича–Маяковского. Разве этого мало? Если мы считаем своим Нуриева, то не считать своим Родченко – в корне неверно. Значит, на то время Казань была таким культурным центром, который мог вырастить такой талант», – считает Екатерина Борисова.

Родченко – один из пионеров русского авангарда в стиле конструктивизм, гений мировой фотографии, которого знает практически каждый. Одной из самых популярных работ мастера стал снимок «Девушка с лейкой», который получил мировое признание и в 1994 году был продан на аукционе Christie's за 115 тысяч фунтов стерлингов. В профессиональной среде появились и совершенно новые термины – «перспектива Родченко» и «ложная перспектива Родченко». А вскоре мир узнал и о том, что такое уникальная «родченковская композиция».

Родченко – родоначальник пропаганды и рекламы в СССР в стиле конструктивизм. Он был одним из самых талантливых креативщиков первой половины XX века. Он задал новые стандарты дизайна и рекламы в мире, он разломал все представления о плакате, графике, которые были до него, и задал новый курс. Именно Родченко принадлежит знаменитый лозунг искусства 1920-х: «Работать для жизни, а не для дворцов, храмов,

кладбищ и музеев». Родченко – автор картины аукционной стоимостью 4,5 миллиона долларов под названием «Конструкция №95» (1919). Творчество русского конструктивиста оказало огромное влияние на современный дизайн: живопись, фотография, архитектура, плакаты, скульптура, интерьеры – вот неполный перечень направлений, которыми он занимался.

В Russisches Haus (Российский дом науки и культуры в Берлине) проект казанцев выставлялся три с лишним месяца и пользовался большой популярностью. «В Берлине Родченко просто обожают. Здесь весь мироклад поставлен на соблюдение договоренностей, педантичности. Немцы нам написали письмо с просьбой продлить выставку хотя бы на небольшой срок. Мы не могли продлить настолько, насколько хотели, мы продлили на восемь дней. Был колоссальный успех. Берлин с его огромной арт-историей и тягой к искусству воспринимал эту выставку невероятно остро», – сообщила создатель проекта. «В 1919 году, когда образовали Веймарскую республику, туда приезжал Родченко

с фотовыставкой. И уже тогда его залы были полны людей, которым было это все интересно. Наверное, в Санкт-Петербурге, где колыбель культуры раскачивают чаще, Родченко знают и любят больше. Это досадно и говорит о том, что мы очень заклишированы в восприятии своих бренд-персонажей», – с сожалением отметила казанский дизайнер.

Теперь казанский Publik-art проект принимает Варшава, где 25 сентября в Российском центре науки и культуры состоялась торжественная презентация. На событие собралось две сотни человек, в числе которых были представители Посольства России, МИД Польши, представители творческих кругов. Книга отзывов, заполняемая три месяца благодарственными откликами на немецком языке, теперь активно принимает записи на польском. Успех выставки в Берлине наглядно продемонстрировал интерес искушенного европейского зрителя к культурному наследию Татарстана. В Варшаве экспозиция будет находиться два месяца, а потом она переместится в Париж. В столице мировой моды казанцы представят арт-проект 27 ноября. ■

*Подробное интервью с Екатериной Борисовой о том, какая мода пользуется спросом в Казани, как использовать в современной одежде национальные татарские мотивы, о fashion-проекте «Баки Урманче» и обществе потребления читайте на нашем сайте: <http://idel-rus.ru/katya-borisova/>

► Аделина Биккинина

Алексей МАЕСТРО: «Портреты с фотографии на заказ не пишу категорически!»

Его графические работы вошли в коллекцию Минтимера Шаймиева. В 25 лет он стал членом Союза художников России. Этой осенью состоялась его первая персональная выставка в Государственном музее изобразительных искусств Республики Татарстан.

АЛЕКСЕЙ ЦЫБИСОВ – один из наиболее талантливых и активных молодых художников Татарстана, работает в живописной и графической техниках, используя традиционные материалы – холст и масло, бумагу и графитный карандаш. Хорошая академическая школа определяет профессиональную свободу, интерес к жизни заставляет всматриваться в окружающее, внутренняя наполненность дает импульс поэтическим переживаниям, рождая диаметрально противоположные образы. Графика Алексея Цыбисова – это прямое отражение видимого мира, заставляющее вспомнить о некогда модном направлении «гиперреализм»,

Фото из личного архива А. Цыбисова

Алексей Цыбисов родился 14 мая 1990 года в Казани. В 2009 году окончил Казанское художественное училище им. Н.И. Фешина, в 2015 – Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова. В 2016 году вступил в Союз художников России и начал преподавательскую работу в Казанском государственном институте культуры. В 2018 году завершил образование в живописных творческих мастерских Российской академии художеств в Казани.

интерес к которому вновь возрождается в наше время.

Живописные полотна Алексея Цыбисова населены образами, которые вызывают ностальгические чувства об ушедшей Belle Époque – прекрасной эпохе накануне Первой мировой войны, когда научный и технический прогресс сопровождался расцветом культуры и искусства, когда мужчины были мужественны и элегантны, а женщины изящны и восхитительны. Утонченные линии силуэтов, лишенных портретных характеристик, тонкие колористические сочетания, изысканная игра живописных фактур – все это позволяет не только вообразить, но и воочию увидеть Мечту художника.

Старший преподаватель и заведующий отделением «Монументальное искусство и живопись» Казанского государственного института культуры является самым молодым художником в Казани, чьи работы были выставлены на таких крупных площадках, как «1st Gallery» и «Хазинэ». Как признается Алексей Цыбисов, ему не хочется быть заложником одной стилистики, поэтому он до сих пор учится и «прокачивает» в себе разные манеры исполнения. Мы встретились с ним в его казанской мастерской, где он работал несколько лет.

– В то время, когда я работал в мастерской, я просыпался и приходил сюда каждый день, проводя здесь полноценный рабочий день. Не важно, как ты себя чувствуешь, какое у тебя настроение, ты приходишь и выполняешь свою работу ежедневно. Бывало, перед сном вечером неожиданно возникает образ, и уже утром, творчески «голодный», скорее бежишь в мастерскую, чтобы воплотить его. Для меня это рабочие будни. Спать до обеда и приходиться на часок – это не про меня. У меня все строго. Я работаю все семь дней в неделю. Когда мы учились в институте, нас даже за это не любили вахтеры, потому что мы уже второго января выходили на учебу, несмотря на то, что официально нужно было с одиннадцатого. Мы старались работать все праздники и выходные, потому что появляется творческий азарт.

– Что Вас вдохновляет сейчас?

– Вдохновляет практически все. Например, меня часто ругали в институте за то, что я рисовал мусорки, разрушенные дома, но именно это меня интересовало, потому что в любом хаосе есть системность. Если ты захочешь, ты так не сделаешь. А то, что делает природа – это красиво. Вообще, меня вдохновляют

старинные вещи, которые я стараюсь найти повсюду. Принято считать, что вдохновение посещает ночью. Но у меня есть четкое разграничение: до двух-трех часов дня – живопись, а после этого уже непосредственно перехожу на графику.

Мои работы кардинально отличаются. Живописная серия под названием «Она» – это абстрактные женские образы, которые не имеют портрета, специально для того, чтобы люди, которые будут смотреть на работу, могли себе домыслить свой возникающий образ и задать себе самый главный вопрос: «Кто же Она?». А графическая серия под названием «Одиночество», выполненная в стиле критического реализма, хотя в ней есть доля условности, отражает жизненные пороки, нацелена на современную молодежь.

– Что Вы делаете, чтобы удержать Музу?

– Когда вдохновение уходит, я переключаю внимание на другие дела. Такое бывает, когда тебя кто-нибудь дергает, ты отвлекаешься, а творчество уже оставляется на потом. Я люблю начинать и сразу заканчивать. Большие работы и вовсе пишутся на одном дыхании. Но было и такое, что некоторые из них писались по два месяца. Эскиз, вроде бы, набросал,

все обозначил, но вдруг появляется некая «дрожь в руке», как бы мысленная связь с рукой потеряна. Тогда просто нужно переждать. В такие моменты стараюсь занять себя другими вещами. Я часто приходил к своему отцу на работу, он был главным механиком в одном из крупных автосервисов, и помогал ему. Это позволяло мне отвлечься и свои мысли привести в порядок. Сейчас это стало моим хобби.

– Как и почему появились серии «Она» и «Одиночество»?

– На живописную серию «Она» меня вдохновила старая эпоха. Раньше я очень любил смотреть сериал «Пуаро», где главную роль играл Дэвид Суше. Этот образ меня поразили своей тонкой педантичностью. Мне очень нравится стиль 20–30-х годов прошлого столетия. Я бы все отдал, чтобы пожить в то время. Графическая серия «Одиночество» более современная. Когда создавались эти

работы, я пытался примерить образ на себя. Почему я выбрал именно себя? Потому что модель, которая действительно бы отражала то, что я задумал, было очень сложно найти. В этот момент я вспомнил слова своего преподавателя Махмута Ахатовича Вагапова (с 1995 года был директором Казанского художественного училища им. Н. И. Фешина – прим. ред.): «Ты не должен “высасывать” образ из пальца. Когда ты его увидишь, сделаешь правдоподобнее». Эта серия рассчитана на современников. Сейчас общество, на мой взгляд, к сожалению, катится вниз, потому что все в телефонах. Живого общения мало. У меня есть работа, посвященная этому, называется «Социальные сети», где изображен молодой человек, в очках, наушниках, весь погруженный в виртуальность, а мимо него пролетает бабочка. Бабочка символизирует мир живой, который находится вокруг него, а он его не замечает. Хотелось бы, чтобы

люди смотрели на это и задумывались. Выставка «Мечта. Реальность» состояла именно из двух серий, чтобы люди не забывали мечтать и видеть прекрасное вокруг себя.

– Почему Вы стали преподавать?

– В 2015 году вернувшись из Москвы, работая в Творческих мастерских живописи Российской академии художеств в Казани, я начал задумываться о преподавании. Мне было интересно поделиться своими знаниями. К этому времени филиал института им. В.И. Сурикова в Казани закрылся, и моя преподавательская деятельность началась в Казанском государственном институте культуры, где меня очень хорошо встретили. Сначала преподавал на заочных отделениях. Руководство института и особенно студенты оценили мою работу. С нового учебного года меня назначили старшим преподавателем и заведующим отделением «Монументального искусства и живописи».

– Разве можно научить творчеству?

– Можно научить – хорошей технической базе. А после этого человек должен искать себя. Главная ошибка начинающего художника – звездность. Если он говорит: «Какой я великий, я все могу», значит, художник в нем умер. Даже слово «картина» в современном мире уже звучит пошло, потому что сейчас картиной называют все, что угодно. Я считаю, что профессионалу просто необходимо иметь высшее образование. Особенно, если вы хотите быть преподавателем. А курсы и арт-студии – это просто хобби.

– Помните свою первую проданную картину?

– Это была учебная работа. В 2010 году в Свяжске мы проходили практику. Приезжал некий миллионер из области кондитерского дела, чтобы посмотреть, как здесь живут люди. А мы писали работы этюдного

характера, задача была показать разницу цветовых отношений окружающей среды. Ему показали мою работу, его заинтересовало, и он приобрел. Деньги были небольшие, но на тот момент, первую работу продать – это, конечно, было здорово, тем более такому человеку.

– У Вас часто покупают картины?

– Не часто. Смотря, что называть картиной. Искусство стоит дорого. Зачастую люди приходят и видят, что это действительно необычно, и до этого они нигде этого не видели. Но когда называешь цену, то у людей пропадает желание приобрести работу.

– А в Европе?

– Недавно наши ребята ездили туда. Европа пресытилась, потому что все состоятельные люди, которые что-то в искусстве понимают, в основном все приобрели. Некоторые европейские работы сделаны

быстро, непрофессионально и только для того, чтобы продать. Понятно, жизнь заставляет. Лично я писал портреты с фотографий только для друзей и то, чтобы их не обидеть. На заказ такое категорически не пишу. Еще никогда не взялся бы за пейзажный кич. Кстати, заказов таких много. Но когда узнают, что это стоит восемь тысяч рублей, например, все удивляются. Потому что не знают, сколько стоят краски, кисти, холст и моя работа. Мне друзья говорят, что на этом можно прилично заработать: «Это же так быстро, чего тебе это стоит, пиши, это деньги». Но я считаю, что чем больше коммерческих заказов, тем больше потраченного времени впустую, не на творчество. Тем быстрее в тебе умирает настоящий художник, потому что в творческой работе ты начинаешь по привычке делать то же самое. И для меня это самый большой восклицательный знак.

– Чье творчество Вас вдохновляет?

– Мой современник Николай Блохин. Он – последователь Фешина, который делает очень интересные вещи. К тому же, у него и техника очень разнообразная – уголь и карандаш, которые он хорошо комбинирует. Еще Густав Климт, Эгон Шиле, которыми я восхищаюсь и советую смотреть их работы своим студентам.

– Какой будет ваша следующая выставка? Уже начали что-то готовить?

– Пока, к сожалению, нет. Я, скорее всего, буду продолжать свои начатые темы, потому что они далеко не законченные. Ко мне приходит еще очень много идей. Пока не хватает времени на реализацию. Чем больше работ будет, тем лучше. Моя мечта – большая персональная выставка. ■

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАДУГА ДЕТСКОЙ СТУДИИ

Студию творческого чтения «Юный журналист» в городе Тольятти Валентина Тарасенко организовала в 2010 году. Для дошколят (а в студию принимают с 4-х лет) есть группы «БУКВАрики» и «ЧИТАрики», где дети с удовольствием читают, декламируют, рифмуют, играют с буквами и словами. Для детей 7-14 лет (группа «Я – журналист») к этому добавляется работа с текстом, детская журналистика, публикация творческих работ, поэтические мастерские, встречи с писателями. За восемь лет тольяттинские ребята познакомились с авторами и издателями из самых разных городов и стран, в том числе и с казанскими поэтами. Сегодня журнал «Идель» публикует несколько работ юных авторов.

Мадина Касумова
10 лет

ЖИГУЛЁВСКИЙ ЗАПОВЕДНИК «САМАРСКАЯ ЛУКА»

Путевые заметки

В заповедник «Самарская Лука» мы с родителями приезжаем летом – погостить и попутешествовать. Собираем походные вещи, провизию и отправляемся в путь на машине. Проезжаем Жигулёвскую ГЭС, город Жигулёвск и поворачиваем с главной дороги налево, мимо большой скульптуры Петуха, указывающей направление птицефабрики. Дорога становится живописнее с каждым мигом! Мы

с братом смотрим в окно, видим пасущихся на лугах коров и коз, широкие земляничные овраги, деревенские дома, сельских жителей, продающих картошку и мёд на обочине дороги. И вот, проехав село Бахилово, мы въезжаем в лесную часть заповедника. Дорога петляет между гор, папа едет небыстро, и мы успеваем разглядеть камни отвесных гор, удивительные деревья – берёзы, липы, дубы, огромные сосны на вершинах гор... Мы смотрим вглубь леса, и нам мерещатся бегущие олени, лисьи хвосты, лоси-

ные рога вдалеке на опушке... Дело в том, что мы знаем, как много диких животных обитает в этих лесах, часто видим лисичек и зайцев, перебегающих дорогу в сумерках, когда возвращаемся домой. Нам очень хочется увидеть их и днём, и мы с братом фантазируем...

Обычно мы останавливаемся в самом живописном селении – Бахиловой Поляне. Арендуем дачу, обедаем и едем путешествовать по территории заповедной зоны. Поднимаемся на серпантинную дорогу, с неё открывается сказочный вид на Волгу и остров Серёдыш, расположенный как раз в середине течения реки. Идём, любуясь и фотографируя достопримечательности. Гуляем в удовольствие, потому что мой младший брат не может долго идти.

Оказывается, село Солнечная Поляна так называется потому, что в этом месте луки самый продолжительный солнечный день. Здесь растут красивейшие старинные дубы. Их специально сохранили и так распланировали дорожки села, чтобы не пришлось вырубать.

Гора Стрельная расположена сразу после села Зольное. Я впервые поднималась на такую головокружительную высоту и любовалась видами со смотровой площадки. На обзорную экскурсию мы ездили в начале осени, поэтому леса были одеты в листву разных ярких оттенков. Был тёплый солнечный день, и я никогда не забуду восхитительные пейзажи, открывающиеся с вершины горы Стрельной!

Во время другой летней поездки мы прогулялись по селу Ширяево. Это старинное село с богатой историей. Нам с братом показали музей художника Ильи Репина, рассказали, как он писал «Бурлаки на Волге».

А больше всего мне запомнились в Ширяево таинственные пещеры-штольни. Их много, в каждую хочется заглянуть. Если верить легенде, то через эти пещеры есть длинный запутанный ход, по которому можно зайти с одной стороны Жигулёвских гор, а выйти с противоположной. По другой легенде, в штольнях под землёй живут старцы-мудрецы, которые не показываются людям. Обе легенды загадочны, наверное, поэтому мне хочется снова «прикоснуться к тайне», и я

прошу родителей съездить посмотреть пещеры ещё разок!

На горе, у подножья которой располагается село, меня очень впечатлила скульптура большого белого оленя. Он стоит над обрывом, как живой, будто только что выбежал из леса и смотрит на село, гордо подняв голову. Конечно, мы сделали много фотографий на память, но всё же в душе мои воспоминания ярче и восторженнее!

Напутествовавшись за день, мы приезжаем на дачу, ужинаем на свежем воздухе и отправляемся в домик спать, чтобы наутро отправиться в новые приключения. Одним таким ясным августовским утром мы с братом вышли на балкон дачного домика и увидели маленьких коричневых кабанят. Они жевали яблоки, которые местные жители насыпали кучей у подножья горы и леса на окраине села. Мама-кабаниха опасливо оглядывалась по сторонам, а маленькие кабанчики, похрюкивая, скакали по горе яблок и выбирали себе фрукты посвежее. Мы позвали родителей и вместе наблюдали за весёлым семейством. Через некоторое время мама оповестила деток, что завтрак окончен, и они дружно убежали в лес, оставив нам такие незабываемые впечатления!

В моём любимом заповеднике много неизведанных уголков, где я очень хочу побывать! Это и гора Верблюд, куда мне хочется самостоятельно взобраться, и место, где по легенде спрятал сокровища Степан Разин. К тому месту каждый год приезжает много туристов, и они специально оставляют там свои «сокровища», чтобы кто-то их нашёл и порадовался! Также мне очень хочется прогуляться по лесу к Каменной Чаше – знаменитому целебному роднику. Хотелось бы увидеть хоть раз светящийся корабль НЛО, ведь Жигулёвские горы считаются одними из самых загадочных и притягивающих внеземные цивилизации!

В «Самарскую Луку» мы приезжаем иногда на выходные, иногда на неделю, а иногда просто на пикник, на берег Волги, чтобы искупаться, съесть арбуз и вернуться домой. Но каждая поездка – праздник для нас! Мы заряжаемся энергией, радостными эмоциями, наполняемся здоровьем от нашего прекрасного заповедного края! ■

Ксения Кирьякова
11 лет

МЫ ЛЕТИМ В САН-ФРАНЦИСКО

Три дня назад мы переехали в новый дом. И вдруг, сидя на диване, папа заявил:
— Мы полетим завтра в Сан-Франциско!

— Мы ведь только на днях переехали в новый дом! — ответила мама. — Наша кошка сходит с ума, она не привыкла к новой квартире, поэтому я не могу оставить квартиру без присмотра!

Папа смутился:

— Зато мы эту квартиру не в кредит брали, поэтому надо отпраздновать такое событие.

— Хорошо. Но кошку берём с собой! — улыбнулась мама.

Маша, конечно, всё услышала и по секрету от всех стала собирать свой чемодан. Папа купил билеты, и мы поехали в аэропорт. Наша кошка была в шоке. Она смотрела на всё такими глазами, что, казалось, вот-вот закричит. Вот мы и в самолёте. Кошка Симка уснула. Через 10 часов в окне появился чудный вид на Тихий океан. Маленькие квадратики были домами, а горошинки — мчащимися машинами. Моя сестра в самолёте уплетала рыбу, я пила апельсиновый сок, родители ели пиццу, а кошка пила воду.

Я думала о мосте, который находится в Сан-Франциско, о больших вышках, о моей тёте-модели Дагни, её муже, их шестерых детях, о всех достопримечательностях и о горячем шоколаде... Вдруг в моей голове сверкнула мысль: «Я ведь тоже хочу быть моделью!» Моя мечта обязательно должна сбыться!

Самолёт Москва — Сан-Франциско приземлится через: десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, две, одну, ноль секунд! Мы прилетели. Все захлопали в ладоши, так делают и будут делать всегда.

У папы зазвонил телефон, нас позвали к моей тёте Дагни. Мы сели в автобус с дискотекой и поехали к ним в гости.

— Симка, смотри, эти башенки высокие, дома, а вот LEGOpark! Мы туда пойдём, а тут самое большое в мире модельное агентство, сюда берут только самых-самых. Смотри же, тут есть кото-кафе и собако-кафе! Классно тут жить, правда, Сим? — говорила Маша, глядя Симку.

«Вот мы приехали», — сказал папа.

— Круто! У них фонтанчик! — Маша побежала к фонтану.

Я любовалась домом. Но больше всего меня поразило количество детей. Это Даниэль (ему 12), Рикки (9), Ники (6) и пятилетние тройняшки Дальмира, Миральда и Камира.

Маша подружилась сразу со всеми девочками и успела выпросить у них Барби. А я, хоть и не сразу, подружилась с Даниэлем.

— Привет! Знаешь, а ты мне...

— Лучше не продолжай. Ты ведь модель, верно? — спросила я.

— Правильно мыслишь. А ты, похоже, тоже модель?

— Пока что нет, но планирую.

— Прекрасно! Знаешь, кто тебе поможет? Я! Пошли в мою комнату, кукол... — он не успел договорить.

— Знаешь, ты, конечно, идеал, но я не кукол... — я перебила его, чтобы он не назвал меня куколкой, ведь я покраснею, как рак!

Мы пошли в его комнату. Он и Дагни учили меня всё делать, как модель, и прочитали правила диеты. Папа с мужем Дагни куда-то пропали, а когда приехали, я завизжала от радости, увидев папину новую машину.

— Почему ты взял машину сразу с иностранными номерами? — недовольно спросила мама.

— Помнишь, мы с тобой говорили о переезде за границу? В общем, оказывается, прошлый владелец квартиры не оплатил кредит и отдал мне деньги за квартиру, — смущённо сказал папа.

— Ты понимаешь, что здесь могут сбыться все мечты наших детей?

— А что в этом плохого? — спросил папа.

— Здесь дети могут зарабатывать! Ксюша хочет стать детской моделью, если она прославится, то будет зарабатывать!

— Это же круто!

Мама только вздохнула и пошла к гостям.

В тот же вечер папа поменял русские деньги на иностранные.

— Дети, теперь мы будем искать квартиру! — сказал папа, и мы помчались по городу. Много пересмотрели и остановились на квартире в высоченном доме на двадцатом этаже. У меня вопрос: обязательно ли нужно было выбирать квартиру с окнами в пол?

— Симка, смотри, там наша машина! Какая она маленькая! — радостно говорила Маша.

Я пошла осматривать квартиру. Вот что у них за мода такая — и кухня с этими окнами! Пойдёмте скорее в ванну. И вы хотите, чтобы я здесь мылась? Позорище! Хотя живём-то мы высоко... Ванна, конечно, тоже не очень меня утешила, но я начала привыкать. Ну, а теперь моя комната. Хух... (облегчённо вздохнула я), хотя бы не так страшно.

Мама долго думала об оставленной квартире в Тольятти, но когда папа сделал ей утешительный приз (это был крутой автомобиль!), она и думать забыла о старой квартире. Теперь мы никуда не

опаздывали. А мама полюбила драйв больше папы.

Конечно, много изменений произошло с переездом. Теперь Машу в школе называют Мари-нет, она познакомилась с подругами-моделями в школе. Папа ходит по средам в бар со знаменитым рэпером и своим другом Фамиром. У мамы стало больше подписчиков, потому что панорамы улучшились, и ещё она познакомилась с 11-м айфоном и, конечно, купила его. Папа начал строить DAF-центры. У мамы настолько улучшилась зарплата, что получать она стала один миллиард в месяц, а папа, позвольте напомнить, один миллион в день. Ну, а моя мечта даже не думает сбываться.

— Mam, я хочу стать детской моделью.

— Тебе ведь это не понадобится в жизни, — ответила мама.

— Понадобится! — возмутилась я. — У меня будут деньги. Я буду стройная и буду редко болеть.

— Мне нужно подумать, — сказала мама.

— Первое, что ты должна понять, — сказала она через день, — тебе будет нелегко. Но главное, верь в себя, и всё получится!

Мы нашли модельное агентство. Было страшно. Они взяли у меня интервью и ещё умудрились снять! «Не надо так сразу! — думала я. — Зачем сразу с камерой? У меня нервы не выдержат!»

Я долго сердилась, не выходила из дома, плакала, выбросила своё портфолио и не хотела даже думать о модельерстве, как вдруг вспомнила мамины слова «Нужно верить в себя!».

— Мама, я готова для второго захода!

И мама решила отдать меня в самое большое в мире модельное агентство, которое видела из окна Маша.

Меня взяли!!! Для меня это был шок, ведь там же учится и Даниэль! Я проучилась там неделю, и модельер сказал, что мы с Даниэлем будем вместе на фотосессии! А это ведь так круто!

— Ну что, красотка, вот мы и вместе! — подмигнул мне Даниэль.

— Ты просто красавчик! — сказала ему я.

— Ксюша, Дани, принимайте свои позиции! — сказал фотограф. — Тадам! Вот и фоточка готова, получайте!

Это был день исполнения моей мечты! Я поняла, что старалась не зря и что только начинаю свою карьеру. ■

Анна Подгорнова

10 лет

НЕОБЫЧНОЕ В ОБЫЧНОМ

(Фантастический рассказ)

О х, бывает же так, что тебе очень хочется что-то сделать, но не можешь. Вот сегодня у меня то самое состояние. Я знаю, что мне просто нужно прийти с просьбой к директору канторы, где я работаю. Но не могу. Мне кажется, что дверная ручка кабинета превратится в змею, как только я её трону. Так в замешательстве я стою здесь уже десять минут. На беду, мимо проходил охранник и мне пришлось - таки зайти в кабинет, чтобы не подумали про меня дурное. Скрепя сердце, я нажала на дверную ручку.

– Здравствуйте, Полина Алексеевна! Прошу Вас дать мне пятидневный отпуск, – протараторила я.

К моему великому счастью, в кабинете никого не оказалось, я с облегчением уселась на пуфик, позволила себе расслабиться и не заметила, как уснула. Меня разбудил скрип отворяемой двери.

– Арина Александровна, здесь не место для отдыха!

– Я прошу Вас о пятидневном отпуске. Мне нужно уехать в другой город, – выпалила я.

– Можно спросить о цели?

– Хочу проверить догадку учёных насчёт одного места.

– Скорее, не учёных, а неучей, которые закончили школу в пятом классе, а потом скрывались от министерства образования. Хватит тебе уже жить этим выдуманным миром! – сказала Полина Алексеевна.

Я начала было оправдываться.

– Нет. Никаких отпусков, пока не начнёшь нормально работать и твоя зарплата станет чуть больше двадцати тысяч. Иди и чтобы до выполнения этих требований не появлялась у меня в кабинете. А то – сокращу.

Я вышла из кабинета чуть не плача, и, вытащив из сумки тетрадь с рисунком единорога, выкинула её в мусорку.

Сегодня я просто сбежала с работы. Идя по улице, увидела лошадь. И угрюмо подумала:

По улице Пегаса

Водили напоказ.

Известно, что Пегасы

В диковинку у нас.

В тот же миг у коня выросли крылья. Люди начали глазеть на коня и шептаться. Я услышала слово «Пегас» и улыбнулась.

Пошла дальше. Увидела собаку. А как только я подумала, что на собаке должны быть красные сапоги и шарф, она накинула на себя этот наряд и стала прыгать по лужам. Я ещё шире улыбнулась.

Иду дальше и вижу грузовик.

По синим волнам океана,

Лишь звёзды блеснут в небесах,

Грузовик одинокий несётся,

У него продырявился бак.

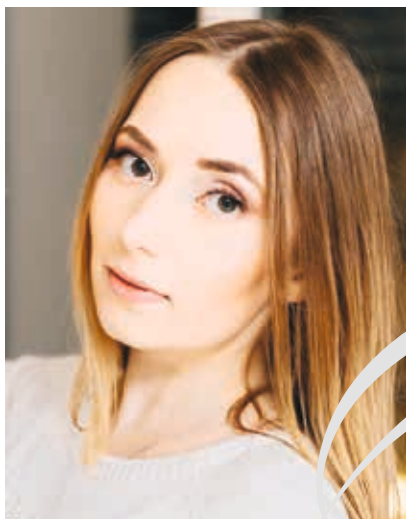
И вдруг все исчезли. Грузовик нёсся по улице, а из-под него лилась струя бензина. Я засмеялась и побежала обратно на работу. Ворвалась в кабинет директора.

– Вас не учили стучаться? – спросила Полина Алексеевна очень строго. Я подумала кое-что и в присутствии секретаря у директора на голове выросли рожки.

– Арина Александровна, что Вы делаете?

Секретарь смеялась.

– Так что Вы теперь скажете, Полина Алексеевна? Всё же не так плохо жить выдуманным миром! ■

Родилась в Казани в семье искусствоведов и художников в 1990 году. Выпускница художественной школы имени Константина Васильева и факультета декоративно-прикладного искусства Казанского университета культуры и искусств (2014). Работала в музее Васильева и ведущим специалистом в музее Казанского кремля. Публиковалась в журнале «Идель», регулярно печатает карикатуры в журнале «Чаян».

Анастасия Васильева

КАРТОННЫЙ ДОМИК

Уже под вечер все разошлись, в доме стихло. Наконец-то, я так этого ждал! Мне были не интересны все их разговоры о взрослой жизни. В свои десять, казалось, я знал о жизни больше, чем они, говорившие только о делах и кто сколько зарабатывал. Я не понимал, зачем нужно рассуждать об этом ежедневно. Лучше без пафоса скажите, как любите друг друга.

Остатки большого торта убрали. Я к нему и не притронулся, да и к остальному тоже. Схватив со стола зелёное яблоко, я убежал в сад, на качели. В это время остальные дети приглашённых, сидя на высоких дубовых стульях и поправляя накрахмаленные белые воротнички, строили умные лица, манерно держа в правой руке нож, а в левой вилку. Свой воротничок я снимал сразу же, приходя с занятий.

Ветер обдувал лицо, сбивая со лба прядь волос. С каждым укусом сочного яблока жизнь становилась ярче, вкуснее...

Я опомнился, когда меня окликнули. Прощаться ни с кем не пришлось. Я поднялся на второй этаж, а оттуда на чердак, где стоял игрушечный картонный домик. Сделал я его сам из обычного картона и раскрасил во все цвета радуги, причём кляксами, куда попадёт, и теперь он был больше похож на палитру для красок. Когда заходило солнце, я ставил

домик на подоконник и смотрел, смотрел в его маленькие окошечки на закат, свет пробивался через эти щёлки и слепил глаза. Я надеялся, что краски детства никогда не потускнеют.

Утром, надев серый костюм, я отправлялся на учёбу. Стандартному обеду в школьной столовой я предпочитал яблоко, с которым уходил во двор. Одноклассники посмеивались надо мной. А мне казалась глупой их жизнь. Почему я не могу отличаться от других?

В один из вечеров мама с папой сильно поругались. Папа много курил, сидя на крыльце дома, мама заперла за ним дверь. Закат я пропустил. Домик одиноко стоял на окне с прикрытыми картонными ставенками.

Я проснулся от запаха гари, открыл глаза: передо мной стояла завеса дыма. Я распахнул дверь и не увидел даже лестницы. «Мама! Мама!» — закричал я и, не услышав ответа, подбежал к окну. Крыльцо и первый этаж полыхали в огне. Я вернулся к лестнице и, продолжая звать маму, стал спускаться, держась за перила. Мама где-то кричала. Вот она схватила меня за руку, и я потянул её за собой. Путь на улицу был отрезан. Мы поднялись на чердак. Мама плакала, отец пытался войти в дом, но огонь не пускал его. Нам с мамой по очереди удалось спуститься при помощи верёвки, один конец которой я привязал к старой кровати...

Не помню пожарных. Только крики и огни машин.

Я долго не мог уснуть у своей бабушки. Едва рассвело, я побежал к чёрному, обугленному дому. Лестница почти сгорела. Через окно по карнизу я пробрался на чердак. Мой домик валялся на полу, огонь до него не добрался.

Вечером я сидел в нашем саду на качелях, держал в руках картонный домик и смотрел в его окошки на уходящее солнце...

Потом мы стали жить в квартире, без лестниц и просторных залов, без больших окон и сада с качелями. В доме, где не было рассветов и закатов.

15 лет спустя

Ветер сдувает со лба чёлку. Я щурюсь от солнца, провожу рукой по щетине на скулах и смотрю на дом через остатки картонного домика моего детства. Стаvenки пообрывались, краска выцвела, стены помялись, но он всё так же любим мной. Я отодвинул от глаз картонный домик и окинул взором дом, который построил сам для своих родителей. Такой же яркий, как в моих детских мечтах. Воплощение самого меня. Из окна окликнули родители. И теперь я охотно торопился на ужин, как в детстве, засунув откушенное яблоко в карман. ■

Родился в 1985 году в городе Ялта, в Крыму, в семье врачей. Окончил с отличием школу в Алушке (2002); Крымский государственный медицинский университет в Симферополе (2008) по специальности «лечебное дело»; Украинскую военно-медицинскую академию в Киеве (2011) по специальности «хирургия». Служил в рядах вооружённых сил Украины. Живёт и работает хирургом в Крыму. Печатался в периодических изданиях России, Финляндии, Молдавии, Германии, Израиля, Новой Зеландии, США.

Евгений Татарский

РЫБОЛОВЫ

Над селом с прозаическим названием Солдатское медленно плыло в небесной синеве яркое, но уже не жгучее солнце. От центральной усадьбы (в которой уже много лет жили одни только тараканы-кинomanы, до смерти преданные наиважнейшему из искусств), расходилось паутинкой несколько улочек, вдоль которых примостились домики сельских жителей с их огородами. Невдалеке уныло смотрело на мир серыми глазами-окнами

здание школы, а ещё через два дома — избушка сельской амбулатории, где коротал свои деньки молодой, только после института, доктор Олег Валентинович.

Вокруг села, куда ни глянь, раскинулись бескрайние поля (местами заброшенные, естественно), на которых селюки выращивали свои нехитрые растения вроде капусты или картохи. Хитрые же растения, как и положено, выращивались в палисадниках, да так, чтобы с дороги

видно не было. Дружба дружбой, как известно, а конопля врозь. Жизнь она такая.

Посреди полей, то там, то тут торчали стога сена и бродили коровы. У кого-то во дворе брехали собаки, кто-то топил баньку, а кто-то гнал самогон. В общем, в Солдатском царили тишь да благодать.

Да, идиллия-то есть, а вот ни развития, ни развлечений-то в селе нет. Ну, почти что нет. Водка и строгание детишек не в счёт. Есть, конечно, сельский кинотеатр (тот, что в центральной усадьбе был открыт ещё строителями социализма), но по распоряжению администрации он начинал работать, только если одновременно появлялось как минимум пятеро желающих посмотреть кино. И тараканы не в счёт. Так что, если уж откровенно, то отворяло свои ворота сие культмассовое заведение не часто. Даже не каждое воскресенье.

Вот и куда податься жаждущему культурного обогащения человеку в таком месте? Единственно правильный ответ — в город. Туда, где жизнь бьёт ключом. То по лбу, то по карману, а то и по паспорту. Но всё же бьёт, а не убаюкивает, всё же захватывает тебя в свой мир и, наглядно демонстрируя различные яркие примеры, даёт возможность выбора.

Ладно ещё, если человек родился в глуши и с молоком матери впитал такие ингредиенты как запах навоза, позвякивание пыльных банок в погребе, клозет на улице и мычание коров. Тогда хоть как-то можно понять его желание почивать в селе. Привычка, знаете ли, страшная вещь. Ведь и в самом деле находятся такие молодые люди, кто, не имея других моделей перед глазами, никогда не пробовав жить хоть как-то иначе, банально боясь перемен, опустив глаза, хвалят своё болото. И планируют в будущем быть похороненным на местном кладбище. Что ж, каждому своё.

Но если ты приехал из города, если привык, что жизнь куда-то движется, если ты хочешь стать в этой жизни кем-то, то в селе у тебя есть два пути — или спивайся, или беги из него к чёртовой бабушке, пока ещё не поздно.

Олегу Валентиновичу сбежать было никак нельзя, ибо он был прикован к своей сельской амбулатории на три года согласно договору. Сам подписывал, винить некого. Но, не имея возможности уехать из села раньше времени и в то

же время не горя желанием здесь спиться, он, как говорил великий Ленин, пошёл другим путём, найдя спасение в книгах. Это хоть как-то уберегало его от медленного погружения в апатичный парабиоз. Но дни до окончания своего пребывания в селе он считать всё же не забывал...

Вот и в этот день он лежал на кровати и читал книжку.

Ничто не предвещало беды.

Но тут в гости к сельскому доктору Валентиновичу взял да и заглянул учитель сельской же школы, военрук и просто хороший человек Петрович. И зашёл он не просто выпить-закусить, как бывало, а по делу, причём, весьма мужскому и деликатному.

Короче говоря, позвал он доктора с собой на рыбалку, мол, вдвоём рыбку таскать куда интереснее.

Доктор, ни разу до этого подобным не забавлявшийся, возьми да и согласись. А что? Хоть какая-то встряска. Денёк был погожий. Затянувшийся до неприличия дождик, ливший уже невесть сколько, вчера, наконец, угомонился, и теперь на небе вновь сияло тёплое сентябрьское солнце. Грех, короче говоря, в такой-то денёк дома сидеть. Тем более что воскресенье. Дурное дело нехитрое, а вот где снасти рыболовные взять? Не из капельниц же их мастерить, в самом-то деле. Это же не чёртики и не рыбки даже. Удочки, они, знаете ли, прибор ещё тот, их из чего попало не сварганишь, рыбы тоже не дураки.

Но школьный военрук заверил напарника, что, дескать, инвентарь у него имеется, так что за этим вопрос не станет. Главное, почмокал он губами, чтобы доктор с собой ведро взял для рыбы, да побольше, потому что клёв сегодня, судя по всему, будет что надо (тут военрук скривил правую половину своей физиономии, вроде как заговорщически подмигнул). Вот тут-то доктору и заподозрить бы неладное, призадуматься. Но он, со всей широтой своей загадочной русской души, помноженной на жизненную неопытность, прошляпил этот момент. И, выбрав ведро посolidнее, радуясь, что в жизни наметилось хоть какое-то разнообразие, Валентинович влез в самые свои вездеходные сапоги и вышел вслед за военруком на улицу.

— Ну, а где удочки? — поинтересовался он, видя, что военрук уже при полном параде (кепка,

комбез и сапоги до самого колокольчика), но при этом всего с одним обвисшим рюкзаком за спиной и без ручной ноши. — Чем ловить-то будем?

— Удочки, удочки, — пробормотал учитель военного дела и осторожно так погладил свой рюкзак, — всё, что нам нужно — здесь. Не бойсь, доктор, Бог не выдаст, свинья не съест.

Ну, и потопали они. Почвакали, вернее. Потому что лившие накануне дожди размягчили почву настолько, что превратили её в нечто, что иначе как грязюкожижей и не назвать-то никак.

Целью же их, как поведал военрук, было небольшое круглое озерцо, метров тридцать в диаметре, не больше. И располагалось оно в аккурат между двух сёл, питаясь притоком одной невнятной речушки. Но, несмотря на своё стратегически выгодное положение, озерцо это, тихое и уютненько поросшее камышами, почему-то было не самым популярным местом отдыха и промысла среди туристов и рыболовов. Уж и не знаю почему. Может быть, потому что в нём рыбы отродясь не было.

Но школьный военрук, сам в рыбной ловле разбирающийся примерно так же, как и его напарник (то есть никак), но уверенный, что начинать никогда не поздно, решительно чвакал, не без усилия вытаскивая ноги из липкой коричневой жижи, в сторону намеченного им места промысла. Сидеть, как делают все местные мужики, с удочкой на берегу речки, он не имел ни малейшего желания, а рыбы жаждал много и сразу. Тем более что, как он был убеждён, новичкам должно повезти.

Доктор, уже не столь окрылённый идеей половить рыбку, каким был дома, помахивая ведром, чвакал рядом. Окрылённость его сникла сразу, как только военрук поделился с ним своей задумкой, но поворачивать обратно он всё-таки не стал. Задумка же у военрука была просто шик! Она была не только проста и гениальна, как всё, что придумывают русские, но ещё и столь же опасна.

В общем, военрук решил пошалить по-взрослому. Так сказать, без трусов. В переносном значении, конечно. При этом удочек, лески, крючков и прочих там катушек-червячков у него не было и в помине. Зато у него был неограниченный доступ к аммиачной селитре, которой он мог угощаться сколько душа пожелает. Поняли уже, наверное, да?

Вот-вот. Зачем, решил он, сидеть на бережку и тарачиться на поплавок в ожидании, пока у рыбёхи совесть проснется, когда можно разобрататься с этими плавучими бестиями по-мужски. Раз и навсегда показать им, кто на самом деле вершина эволюции и последнее звено в пищевой цепи. Мол, человеку разумному не пристало зависеть от настроений и желаний рыбы, и если человек хочет, должен взять у природы своё.

— А на кой тогда ляд нам блага цивилизации? — завершил он изложение своей теории доктору с ведром. — Уж явно не для того, чтобы какие-то там рыбы решали за нас, принесём мы сегодня домой своим жёнам мамонта или нет!

— Какого такого мамонта? — на всякий случай уточнил доктор. Он ещё дома заметил, что военрук, хотя и успел уже с утра причаститься к огненной самогонной водице, но при этом был косым не более, чем всегда, так что бредить вроде бы не должен.

— Я образно, — заверил его школьный учитель и поправил лямки рюкзака, где хранилась селитра.

— Понятно, — вздохнул доктор, привыкший добывать пищу в магазине, и не без опаски покосившись на рюкзак со взрывчаткой.

Долго ли, коротко ли, но наши герои вышли за пределы села и по топкой дорожке учвакали от него уже на пару километров, когда повстречали грустного мужичка, сидящего на заборе и самозабвенно попыхивающего папироской. Ну, сидит и сидит на заборе мужик, мало ли. Может, жена из дому за пьянку выгнала, может, встречает кого, а может, и просто так присел покурить. И уже хотели наши герои его миновать, мимо пробраться, но он их остановил.

— Вы лучше по этой дороге не ходите, не стоит оно того, — философски изрёк мужик.

— Это почему? — удивился военрук.

— Видите, — говорит им сидящий на заборе, — во-он там, посреди дороги?

И указывает куда-то.

Ну, рыбаки наши проследили направление его мыслей и действительно узрели прямо посреди дороги нечто любопытное.

— Что это там за красный ящик лежит? — поинтересовался учитель. — Большой такой.

— Да это не ящик, — хохотнул мужик, — это крыша моего трактора. Утоп, зараза. Прямо посреди дороги утоп.

— И... что теперь? — спросил доктор. Он, в отличие от своих собеседников, вырос в совершенно другой местности и лишь второй год по распределению отработывал в селе, поэтому всех местных обычаев пока ещё не знал. — Вытягивать будут?

Тракторист, ставший пешеходом, искренне рассмеялся.

— Вытянуть тут не получится, — вещал он сквозь смех, продолжая дымить своей самокруткой. — Дорогу-то вон как развезло. Так что, если мы даже брёвна под гусеницы тягача подложим, то, как пить дать, утопнут и брёвна и, чего доброго, сам тягач. Не-е, брат, мы это уже проходили. Но ничего страшного, — философски заключил он, видя выражение полнейшего непонимания на лице доктора, — весной-то мы его всё равно откапаем.

— Только весной? — удивился доктор. — А зимой что, так и будет здесь?

— Ну да. А куда он денется, родненький? Презимует, — махнул рукой тракторист, — ничего ему не сделается.

И, достав новую папироску, мужичок продолжил свой внеплановый перекур, всё так же сидя на заборе и созерцая уже еле заметную красную крышу своего транспортного средства. Герои наши двинулись дальше, правда, уже не по дороге, а параллельно ей, чтобы тоже, чем чёрт не шутит, не утонуть в ней до весны.

Вскоре они свернули с «дороги» на бездорожье, вглубь лесополосы, и тогда пошли немногим быстрее. Всё как-никак твёрдая земля под ногами, пусть и заросшая кустами да заваленная кое-где стволами деревьев. По дороге военрук с упоением рассказывал об электродетонаторе, который он буквально вечером смастерил своими очумелыми ручками при помощи проводков и батареек.

— Вот увидишь, как бабахнет! — многообещающе хвастался он. — Шашка должна получиться что надо!

Доктор же отвечал ему что-то в том смысле, что ждёт не дожждётся, хотя мысленно и ругал себя, ещё такого молодого, у которого вся жизнь впереди, что он вообще согласился участвовать в этом браконьерстве. Бабахнет

она! Вот радость-то! Но отступать было уже поздно и как-то несолидно. Да и не по-мужски это. Поэтому, отодвигая ведром лезущие в лицо ветви, доктор шаг за шагом продолжал неумолимо приближаться к месту грядущей рыбалки.

И вот они на месте. Место это оказалось озерцом средней паршивости, маленьким, густо заросшим со всех сторон камышом. И вдобавок чрезвычайно богатым на комаров и прочий богоугодный гнус. Райское местечко.

Ну, нашли они себе ямку в нескольких метрах от условного берега, рядом с какой-то корягой, и там расположились. Военрук снял, наконец, рюкзак, расстелил под ногами прямо на земле газетку, придавив её по углам камушками, чтобы ветром не сдуло, и стал извлекать на свет боезапасы. Доктор с гремучей смесью интереса и опасений наблюдал, как на агитационную газетку какого-то кандидата в депутаты ложатся пустая бутылка из-под лимонада, детонатор с мотком проводов и, наконец, гвоздь программы — литровая банка с белым сыпучим содержимым.

— Это селитра? — поинтересовался он, первый раз в жизни наблюдая взрывчатку так близко.

— Аммонал, — гордо поведал ему военрук. — Смесь аммониевой селитры и алюминиевой пыли. Сам вчера вот этими самыми руками полдня столовые ложки напильником стачивал. Так что за качество отвечаю головой.

— А вот этого не надо, — искренне попросил доктор. — На черта мне твоя качественно оторванная голова. Куда я её дену?

— Чего-чего? — не понял военрук.

— Да ничего. Давай, говорю, собирай уже свою шашку. Только осторожнее, прошу...

Глядя, как военрук упоённо возится с проводами, доктору вдруг вспомнилась одна из повестей братьев Стругацких, которую он читал ещё в институте. В той книге люди придумали убивать себя довольно-таки оригинальным образом: они вынимали одну деталь из радиоприёмника и вставляли вместо неё какой-то вакуумный тубусоид, который называли «слогом», затем, включив радио, ложились в тёплую ванну и, наглотавшись противомоскитных таблеток, ловили кайф. По сюжету ощущения у них при этом были настолько захватывающими, что сложно было бороться с искушением

вновь и вновь вставлять «слег» в приёмник и ложиться в ванну, чем люди, собственно, и занимались, вплоть до смерти от нервного истощения. Загвоздка была в том, что «слег» этот был копейной деталью, которую любой человек мог купить в магазине в любом количестве, поэтому остановить этот вид зависимости и волну связанных с ней смертей можно было лишь изменив мировоззрение людей, а никак не облавами и арестами курьеров. Вот и теперь, думал доктор, любой оболтус может купить ингредиенты для бомбы и, благодаря размещённым кем-то инструкциям в интернете, сделать самопал. И будет так до тех пор, пока мировоззрение людей не разовьётся настолько, что они больше просто не захотят делать взрывчатку. То есть, пока его не разовьют...

Из мыслей о счастливом и справедливом будущем человечества военрук вывел его вопросом:

— Как думаешь, полную бутылку напихивать или ну его нафиг?

Доктор, округлив глаза и ещё цепляясь краем сознания за высшие материи, пару секунд молчал, а потом высказал предположение, что нафиг они вообще тут что-то взрывают. Но военрук был твёрд в своих намерениях добыть, как он говорил, мамонта на ужин.

— Давай полную, а? — предлагал он. — Ну, чтоб уж рыб наверняка пробрало.

— Даже не вздумай! Насыпь на доньшко, пальца на два, и будет тебе, — категорически настаивал доктор.

— Ну-у, что это? — уже чуть не обижаясь, вздыхал военрук. — На два пальца мы только лягушек насмешим. А нам же нужно рыбу глушануть. Нужно, чтобы до дна достало.

В общем, спор двух профанов окончился компромиссом, и военрук, скрепя сердце, вынужден был высыпать часть взрывчатки обратно в банку, оставив в лимонадной бутылке лишь половину.

— И то много, — качал головой доктор, начиная уже заметно нервничать. — Отсыпь ещё.

— Да и так уже высыпал больше, чем надо, — огрызался военрук. — И так уже не шашка, а взрывпакет получился. Полбутылки. Смех один! Да так мы только комаров пуганём и всё. Эх! Напарничка я с собой взял, блин.

— Надо было не брать, — резонно согласился с ним доктор.

— Да, надо было, — яростно кивал головой школьный учитель, разматывая провод, чтобы удобнее было кидать.

Размотал. Закупорил бутылку пробкой, плотно прижавшей к горлышку уходящие вглубь провода. Проверил, чтобы оголённые от изоляции концы проводов утопали в аммонале. Остался доволен. Должно сработать. По крайней мере, всё сделано точно по инструкции, и только о том, сколько в действительности нужно класть аммонала, военрук запомнил. Ну, или не обратил внимания, когда читал, что тоже возможно, по привычке решив всё делать на глаз, или, как говорят повара, по вкусу. Аммонала насыпьте по вкусу.

«Тьфу ты, — сплюнул про себя военрук, — что только в голову лезет!» Он понял, что тоже нервничает.

Итак, всё было готово.

Они залегли в яме, исполняющей сейчас роль окопа. Военрук приготовил батарейки, которые должны были привести в действие электродетонатор и, повернув голову к соучастнику, с криковой улыбкой осведомился:

— Ну что, готов?

— Да кидай уже, — обречённо вздохнул доктор и прижался поплотнее к земле.

Ох, не нравилась ему вся эта затея!

— Ну, была не была, — оптимистично пробормотал себе под нос военрук, встал на колени, размахнулся, примерился и... метнул бутылку на самую середину озера.

Бульк. Шашка с плотно закрытым пробкой горлышком закачалась на гладкой поверхности, пуская круги. Военрук тем временем тоже лёг и подрагивающими от возбуждения пальцами присоединил один проводок к катоду, второй к аноду...

ША-НДА-РРРАХХХ!!!...

От внезапно разлетевшегося в пыль спокойствия у обоих заложил уши и страшно заколотились сердца. Они вжимались в землю и неистово, всеми фибрами хотели жить! Жить!!! Только бы сейчас это закончилось! Они никогда, никогда-никогда больше так не будут делать! Никогда в жизни!!!

Страх сковал их от вмиг похолодевших затылков до скрючившихся от ужаса пальцев на ногах.

Лёжа лицами вниз и непроизвольно морщась, они чувствовали, как их брови елозят по сырой земле и вспоминали... все матерные слова, которые изучили за жизнь.

Но прошло несколько секунд, и вместе с тем, как взрывная волна уходила всё дальше, их стало понемногу отпускать. Кишечник уже не давил на железы, яички выпали из живота обратно в мошонку, глаза залезли обратно в орбиты и лёгкие сделали свой первый вдох...

Щупая штаны, они удивлённо и диковато посмотрели друг на друга, но тут началась вторая серия.

Сверху на них градом посыпались комья мокрой земли, лепёшки ила и куски коряг, столь бестактным образом вырванных из сонного царства на дне. Вдобавок все эти подарки густо перемежались волокнами и каплями из взлетевших в одно мгновение на воздух многих тонн воды.

Вжавшись в землю, закрывая руками головы и неистово матерясь, они переждали и эту бомбёжку, искренне надеясь, что уж на грязепаде с дождём всё должно кончиться. И только после того, как на них перестали, наконец, падать куски озера, они смогли вновь поднять головы и посмотреть туда, где находился эпицентр этого ада.

Их взглядам предстала неожиданная картина. Совсем, совсем не это они собирались увидеть.

Скажем так, рыбы там не было. Как и само озеро. На том месте, где раньше был водоём, теперь зияла гадкая коричневая воронка, на дне которой зыбилась зеленовато-коричневая жижа. По стенкам воронки от краёв, возвращаясь домой, стекали тонюсенькие ручейки воды. Все ёлки вокруг были облеплены грязью и тиной. Но и на ёлках рыбы тоже не было.

— Нужно было всё-таки на два пальца аммонала положить, — изрёк, скрипя землёй на зубах, военрук и сплюнул коричневой пеной.

Доктор, заляпанный илом не меньше, чем его философски настроенный напарник, уже открыл было рот, чтобы излить впечатления в куда менее

печатных выражениях, но тут случилось непредвиденное.

— Мать вашу! — верещал кто-то в кустах. — Сволочи! Чтоб вы... (далее неизвестный из кустов прокомментировал действия наших героев примерно в тех же выражениях, что вертелись на языке у доктора).

— Кто там? — удивлённо посмотрел военрук на не менее удивлённого доктора.

— Да я вас (ненормативная лексика), сейчас (снова она), я таких, как вы (она же) вертел!

И тут из кустов вылез сей красноречивый оратор и, увидев наших героев, вдохновенно продолжил излагать им своё компетентное мнение как о них самих, так и об их родственниках. Как явствовало из его спича, он, уважаемый человек преклонного возраста, к тому же участник Великой Отечественной войны, дававший прикурить немцам ещё в сорок пятом, мирно отдыхал с удочкой (при этих словах дедок исступлённо тряс в воздухе спиннингом) на озере и никого не трогал. А тут... такие-растакие... и ещё взорвали...

Тут наши герои, поняв, что дед, хоть и возбуждён, но не травмирован и помощь ему не понадобится, решили, что хорошенького понемножку. Поэтому, не дослушав ветерана, быстро собрали свои манатки в рюкзак и смотались от греха подалее. Совершили, так сказать, отход.

Домой они шли как пьяные. То смеялись, то матерились, и при этом выглядели так, словно их обоих макнули в компост. Что уж тут скажешь — некоторым категориям граждан всё же стоит порекомендовать «добывать мамонта» на ужин в магазине. Безопаснее это как-то.

К слову, такое развлечение пришлось доктору не по вкусу. Не его это оказалось, просто не его. А вот военруку понравилось, и он продолжил «добывать мамонта», правда, уже поумерив пыл и количество аммонала. В скором времени у него действительно стало получаться добывать водоплавающих этим способом.

Так и шарахал он рыбу по всей округе до тех пор, пока его не сцапал рыбнадзор. ■

Родился в марте 1960 года в городе Казани в семье рабочих. После окончания школы-интерната № 4 поступил в техникум-интернат сельского хозяйства в городе Калач-на-Дону Волгоградской области, где приобрёл профессию бухгалтера. Работал на Казанской фабрике картонажно-полиграфических изделий, культмассовым работником в татарском отделении Всероссийского общества инвалидов. Выпустил несколько самиздатовских книг. Печатается с 1994 года в местных газетах и журналах («Идель», «Казань»).

Сергей Карнеев

КАПЕЛЬКА ПРЫГ - КАП

Из блестящего никелированного кухонного крана вылетела светлая юркая капелька. Прыг-Кап — такое у неё было имя. Вместе с ней целым потоком вылетели такие же, как она, быстрые и весёлые капельки-подружки. Прыг-Кап повезло: она угодила прямо в тарелку, другие разбежались по раковине, а потом прямо в огромную пропасть сливной воронки водопровода.

Прыг-Кап тихо лежала на дне обеденной тарелки среди остатков манной каши, которую не доела третьеклассница Лена, потому что очень торопилась в школу. «Фу, какая прилипчивая каша!» — едва подумала капелька, как в ответ услышала возражения Каши: «Я не прилипчивая, а вязкая, к тому же, витаминная, детям для здоровья очень даже полезная...»

Договорить Каша не успела. Проворные руки бабушки взяли тарелку, вымыли под быстрой струёй воды и поставили в сушилку. Наша капелька удержалась на поверхности тарелки. Уж очень ей хотелось посмотреть другой мир, тот, в который она попала из водопровода. Прыг-Кап капнула с тарелки в поддон и осмотрелась.

День, лениво перебирая стрелками часов, клонился к закату. Синяя ночь, робко выйдя из-за горизонта, смотрела грустными зрачками первых звёзд в окна домов уставшего города.

Неожиданно, гулко ударяя по крышам, с неба начали падать большие капли дождя.

— Что это? — испуганно задрезжала Тарелка.

— Это дождь! — с нескрываемой гордостью ответила Прыг-Кап.

Вдруг на оконном стекле появилась капелька дождя, точь-в-точь как наша.

— Ты кто? — спросила Прыг-Кап.

— Я капелька Прыг-Стук, — ответила незнакомка. — Прилетела из грозовой Тучи-Гремучи! Ведь Туча и Гром всегда ходят рядом. Гром страшно гремит, Туча обижается, плачет, и из её глаз льются светлые слёзы, которые называют дождём. Мы летим с большой высоты и поэтому сильно стучим по крышам домов и оконным стёклам.

— Да, — вздохнула капелька Прыг-Кап. — Мне бы так посмотреть на крыши, деревья и на всю Землю с огромной высоты...

Дождь кончился. Капля на стекле сбежала по оконной раме и легла отдыхать. Тем временем Лена вернулась из школы. Она помыла руки и налила в тарелку суп, чтобы поужинать.

— Ох, Тарелочка! — сказала Прыг-Кап, — опять у тебя гости.

— Такая у меня судьба, ответила Тарелка и обратилась к супу. — Ты кто?

— Суп, — промолвила жидкость жёлто-золотистого цвета с плавающими в ней овощами.

— А что это так здорово блестит? — поинтересовалась капелька.

— Я — Сливочное Масло.

— Ой, какая прелесть, — восхитилась Прыг-Кап.

За разговором они не заметили, как бабушка вынула поддон и решила ополоснуть его. «Ну вот, опять я в раковине, опять по трубам...» — едва Прыг-Кап так подумала, как поток воды из крана смыл её и увлёк к новым приключениям...

СКАЗКА О ДРУЖБЕ

На старой Берёзе, что стоит в поле у самой дороги, как обычно, осыпались листья, а один почему-то остался. Всё больше приходило на землю пасмурных дней. Всё чаще посещал поле мелкий затяжной дождь. Утренние заморозки серебром покрывали поле. Лист трепетал на ветке от ветра и мороза, но держался. Полетели с неба белые пушинки. Но берёзовый Лист и зиму перезимовал на родной ветке, и — о чудо! — весну встретил. Правда, стал он бурый, сморщенный, квёлый. И тут его обжёг заморозок, сорвал с ветки и швырнул на снег, а ветер погнал неизвестно куда вдоль поля. Воздух в марте холодный и влажный, но серое небо стало чаще проясняться. Иногда подлетала ворона, клевала сморщенный Лист и отскакивала в сторону. Никого кругом.

Однажды появились у берёзы подвыпившие мужчины в грязных фуфайках. И один мужик ударил по берёзе топором: уж очень ему приглянулась стройная красавица.

— Мне на баню в самый раз пригодится, — засмеялся он, обрубая с мёртвой берёзы ветки. — Пусть внуки в бане от души дышат духом берёзовым.

И остался на месте шумного белоствольного дерева один только грустный пенёк. Только несколько стариков и помнили о старой берёзе и о том сухом жёлтом листе, что улетел когда-то неизвестно куда. А ещё о нём помнила Пылинка, которая сорвалась с берёзы и совершенно случайно встретила в полёте нашего героя.

— Куда летим? — спросила она, легко присаживаясь на Лист.

— Не знаю, но я очень хотел бы помочь людям. Я слышал, что старые листья нужны им в саду для того, чтобы укрывать гортензии и розы.

— Ну и ну, — сказала Пылинка, — гортензии и розы укрывают на зиму, а сейчас уже март. Полетели лучше на огородные грядки, я знаю, где это. Ты будешь лежать вместе с другими жёлтыми листьями и не давать злым сорнякам расти. Чтобы они не мешали всяким овощам. А я буду рядом, и это будет наша дружба.

— Дружба — это хорошо, когда-то я дружил с Берёзой... — вспомнив об этом, Лист чуть не заплакал. — Но ничего... Устраивайся на мне поудобнее. Полетели на грядки к людям, показывай дорогу! ■

Родился в 1973 году в г. Воронеже. Окончил факультет романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Публиковался в журналах «Урал», «Дальний Восток», «Наша улица», «Подлинник». Победитель литературного конкурса русскоязычных авторов в Австрии в номинации «Малая проза». Автор нескольких эссе, опубликованных в одном из воронежских журналов.

Игорь Альмечитов

АНДРЕЕВ

Глава из повести «Апологетика пустоты»

Всё, что от него осталось — лишь несколько отрывистых, несвязных воспоминаний и пожелтевшая, наполовину засвеченная фотография. Ещё, пожалуй, стыд и смущение оттого, что не ценил его живым...

Месяцы после войны, когда любой резкий звук вызывал спазмы в желудке, а предстоящие ночи пугали кошмарными снами, остались в прошлом. Не стоило, наверное, большого труда перечеркнуть его и похоронить в себе. Но я намеренно возвращался, и чем дальше удалялся от реальных событий, тем упрямее цеплялся за воспоминания...

Как мы познакомились? Видно, это произошло слишком незаметно, если не появляется даже желания придумать какое-нибудь начало, а затем, со свойственной воображению лёгкостью, самому уверовать в него.

Вспоминается весна девяносто четвёртого и леса под Краснодаром, заваленные талым снегом, перемешанным с грязью. Рота разведки, сутками на подножном корму, короткий сон под холодным дождём, месиво под ногами. Все же-

лания — наесться досыта и выспаться. Потребовалось лишь несколько дней, чтобы привести человека в первобытное состояние. Тогда ненависть старательно взращивалась, неторопливо и систематически вытесняя прочие чувства. А когда пришло время расстаться с ней, оказалось, что кроме пустоты внутри ничего не осталось...

...Где-то там мы и сблизились. В нём не было злобы и усталости, уже осевших в остальных. Ещё не было. Он был самым слабым и наивным. Именно два этих бесформенных качества, как ни странно, отличали его от всех. Он стал моим другом...

В феврале девяносто шестого, спустя несколько месяцев после того, как для нас всё окончилось, пришло первое письмо от него. Собственно говоря, это было не письмо, а скорее сумбурная записка. Время словно остановилось и повернуло назад...

«Привет, Игорь!»

Давно собирался тебе написать, да всё откладывал — то некогда, то недосуг. Но всё-таки

нашел время, а то, думаю, могу так всех армейских друзей растерять.

Я сейчас уже год как работаю в одной части и... Хотя сам знаешь, как в армии работать: ничего не делаешь, а деньги получаешь.

Пока не женился, но гуляю сразу с тремя женщинами. Скажу, не так это просто — дома приходится ночевать раз в неделю. Вот, в общем, и всё. Да и рассказывать больше нечего.

Игорь, напиши мне обязательно. Ведь ты мой самый первый армейский друг. Если надумаешь когда-нибудь приехать, то сам знаешь, я тебе буду рад.

До свидания, твой друг Дима.

P.S. Да, забыл сказать: если я надумаю жениться, ты будешь первым человеком, которого я приглашу!»

...Он часто повторял, что когда-нибудь всё это закончится и начнётся нормальная жизнь. Скорее, это были просто мысли вслух. Тогда не возникало даже желания посмеяться над их банальностью.

И всё же у него хватило ума и характера не поддаваться общему настроению. А когда он почувствовал, что может сломаться, перешёл в другое подразделение.

...Бесконечные кроссы, высасывающие все силы. И один особенно тяжёлый, когда пришлось почти пять километров тащить его на себе оттого, что он в кровь разбил ноги армейскими сапогами. Ни на секунду не появлялось искушение бросить его. Он был не из мира, переполненного жестокостью и болью...

Через две недели в ответ на моё письмо пришла вторая записка. Такая же короткая, но полная тоски, злости и обречённости.

«Привет, Игорёк!

Получил твой ответ. Я, честно говоря, не очень-то и рассчитывал его получить так скоро: ведь пришёл он за неделю.

Ты, конечно, извини за прямоту, Игорёк, но тебе я признаться могу, хотя ни мать, ни сестра и никто не знает — я решил ехать в Ичкерия. Крышу у меня уже сорвало со всех крепежей. Когда я тебе писал первое письмо, об этом даже не думал.

Но за эти дни кое с кем повздорил. Сам понимаешь — прав тот, у кого есть деньги. Они сунули кому надо, и всё заглохло, а мне мой участковый (хороший, кстати, мужик) сказал: «Диман, выбирай сам: или уезжай из города, или едь спусти пар на войне, или тебе придётся их всех уничтожить». Вот я и решил, что пора поправить свою крышу на чеченской земле.

Я подписал контракт на полгода. Приеду домой где-то в конце августа — начале сентября. В это время у нас как раз грибы, ягоды... Я тебя буду очень ждать. Ты же знаешь, у меня душа для всех вас открыта, и любого, с кем служил и воевал, буду принимать, как родного. Особенно тебя, ведь ты мне как брат...

До свидания, твой Диман».

А потом было молчание... Целый год...

Иногда память натывалась на его образ: отдельные эпизоды, обрывки разговоров, но происходило это всё реже — каждый шёл своей дорогой, осторожно нащупывая будущее под ногами...

Иногда мне казалось, я мог бы убедить его не ехать на войну во второй раз — никто не мог сказать наверняка, где закончатся запасы отпущенного судьбой везения. Но не сделал этого. Война всё ещё была наркотиком для нас. И я завидовал тому, что он, не думая о будущем, смог порвать с настоящим.

...Минут пятнадцать я тупо смотрел на конверт. Я уже знал что в нём, но отказывался верить.

После первых же слов надеяться было не на что...

«Здравствуйте, Игорь!»

Пишет Вам мама Димы Андреева. В Диминых бумагах давно нашла Ваши письма, знала, что надо написать, но не могла. И сейчас пишу с большим трудом. Вы догадываетесь, о чём я хочу сообщить. Да! Нет больше моего сынульки. Скоро годовщина его гибели. Двадцать пятого марта.

Простила я с ним одиннадцатого марта и не знала, что вижу его в последний раз. Мне ведь он не сказал, что едет в Чечню.

Я надеюсь, что Вы получите моё письмо и двадцать пятого марта помянете моего сынулю и Вашего друга. Фотографию его я постараюсь поискать: армейская у него была всего одна, с неё мы и сделали портрет. Извините, если она будет плохой, но его добрые глаза будут говорить Вам о его душе, отзывчивой и преданной дружбе. Если летом буду фотографировать его могилу, то вышлю Вам её снимок.

Игорюша, береги себя, не доставляй маме столько хлопот, сколько их у меня. Я знаю, не хотел сыночек видеть моих слёз, не хочет он их и сейчас, а материнское сердце...

Простите, если что-то не так написала. Может, будет желание ответить, я хоть буду знать, что в далёком Воронеже двадцать пятого марта поминают моего роднуньку.

28.02.97.

Андреева Нина Олеговна.

P.S. Погиб он в развед. батальоне. Говорят, что снял снайпер. В свидетельстве о смерти написано: «Пулевое ранение в грудь навывлет, с повреждением правого лёгкого».

Получила его награды за те бои, в которых вы были вместе. «Медаль Суворова» и «За отвагу». Но никто не вернёт мне моего сыночка».

Я пил и не мог опьянеть, постоянно возвращаясь в мыслях к письму. Всё, что я имел, осталось в прошлом...

Остальное уже не имело значения... ■

Родился в Казани в 1970 году. Писатель, переводчик. Автор сборника рассказов «LeVo Project» («Lulu», 2017). Участник театральных проектов (Москва). Ведущий программы «Литературная бессонница» на радио (Казань).

Антон Боровиков

ШКОЛЬНОЕ, ИЛИ LET LOVE IN

Я вижу тебя каждый день, когда прохожу нашу школьную спортплощадку. Тебе лет 13 или 14, ты полноват и сутуловат, не особо модно одет, в общем, не первый парень в классе. Важно встаёшь и принимаешь отрешённую позу, ну ведь взрослый уже. Ты приходишь пораньше, минут за 15–20 до

занятий. Но глядь: уже через 3 минуты твоя невозмутимость начинает сбоить. Ты то копаешься в телефоне, испуганно озираясь по сторонам, не пропустить бы чего, то судорожно поправляешь вихры, которые бастуют, не желая принимать нужную форму. То просто нервно начинаешь переминаясь с ноги на

ногу, вызывая хихиканье пробегающих пер- воклашек.

Но тут я оборачиваюсь и вижу Причину, вернее, Принцессу: весёлое и беззаботное существо твоего возраста, весело, по-птичьи впархивающее в школьные ворота. Она строго-празднично одета, видимо, наряд ещё с первого сентября. И ты преображаешься, где же тот увалень, да нет, перед нами истинный мачо, достойно встречающий свою обожаемую даму. Обожаемая тоже улыбается, но вполне степенно, не пристало обожаемым торопиться. Дама сердца радостно встряхивает длинными косами, то ли говоря «привет», то ли «пойдём». И здесь происходит забавный момент: ты поворачиваешься чуть раньше, и она пару-тройку шагов как бы семенит за тобой, демонстрируя полную покорность и преданность, но к школе вы уже подходите вместе, ещё, конечно, не держась за руки, но ими соприкасаясь, так, иногда. Ты счастлив, да? Или ты ожидаешь ещё большего счастья, парень?

А через 10 лет она долго будет водить тебя за нос. Она сохранит тебя в качестве пажа, ты же ещё тогда обещал быть ей верен, так ты ей верен до конца, ты водишь её по клубам, где она танцует под ненавидимую тобой музыку, но ты же верен и терпелив, не так ли, друг мой? Она безудержно будет раздавать авансы окрестным парням, но ты опять будешь терпелив и верен, принося мартини ей и виски им. Наконец, лет через пятнадцать она устало примет твоё предложение (на девичнике пьяно и цинично хихикнув «да ладно, девки, приличных-то кругом не осталось, а этот хоть преданный, как пёсик, так что на бесптичье даже такая задница – соловей»). Ты возликуешь: вот, он волшебный миг. Теперь моя принцесса должна жить, как и подобает царственным особам. И ты пашешь, добиваешься невиданных высот, практически бросая к её ногам весь мир, но почему-то чем дальше, тем менее её это радует, веселье уходит

вместе с прекрасными русыми косами, которых меняет агрессивный платиновый ёжик. Но ты её любишь безраздельно по-прежнему, ты Паж Её Величества.

А через двадцать лет она наставит тебе рога с одним из твоих лощёных топ-менеджеров, прощельги-адвокаты оттяпают у тебя всё, включая и бизнес, и всё остальное. Останется только хибарка, правда, в хорошем районе, где ты и будешь прозябать, тратя случайные заработки на дешёвую выпивку и на любимую музыку, которую теперь тебе «можно» слушать.

А ещё годика через три тебя принесут на мой стол в прозекторской. Я пойму, что никакая это не острая сердечная, а просто ещё один, как я их называю на латинский манер, *hanurikus vulgaris*, не выдержавший жёсткого отходняка. И я пойму, что передо мной очередной одиночка, из всего имущества будет когда-то хороший, но сейчас изгвазданный костюмчик, в карманах которого, кроме мелочи, табачных крошек да пустого фанфурика, будет фотография, на которой мальчик и девочка стоят у брусьев на спортплощадке...

Но, парень, это будет потом, а сейчас я просто радуюсь твоему и её искреннему счастью, наблюдая, как вы просто поднимаетесь на школьное крыльцо. А может быть, у вас всё будет по-другому? Не знаю, малыш, я ведь тоже не мечтал резать бесхозных жмуров. Но... Короче, разворачиваюсь и иду по своим делам, тихонько напевая про себя? Про тебя? Про него?

So if you're sitting all alone
And hear a knocking at your door
They ask for the promises
Well buddy ye 'be warned
Far worse to be love's lover
Than the lover that love has scorned
I let love in
And you? ■

Родился 1982 году в г. Чебоксары. Образование высшее юридическое. Работает в сфере рекламы и маркетинга, пишет статьи для журналов, фотографирует (редактор в интернет-агентстве). Публиковался в литературных журналах «Буква», «Северо-Муйские огни», «Луч», «Нижний Новгород», «Смена».

Семён Биговский

ПОД ОДЕЯЛОМ

Не смейте! Не смейте меня ему отдавать! Слышите?! Не надо, ну по-жа-а-луйста... Вы видите, я плачу?! Пустите меня! Мне страшно! Я боюсь. Я же умру. Я не хо-чу-у-у!

Маленький пухлый мальчик, красный от натуги, напрасно орал, отбивался и кусался. Его уложили в кровать, укрыли тяжёлым одеялом, и он затих.

* * *

Ну вот. Они снова сделали это — уложили меня в эту гадкую перину, а сверху накрыли одеялом, словно надгробной плитой. Огромное одеяло придавило меня, лишило воздуха, света и надежды.

Они просто избавились от меня! Это ужасное одеяло! Разве обязательно укрывать меня им с головой? Оно душит меня, давит мне на грудь... я плачу, а они не слышат.

Они оставили меня здесь до утра, на целую ночь! А если я задохнусь?

Дожить бы до завтра. Каждое утро я чувствую себя заново рождённым. Поднимается одеяло, и я вижу свет, вдыхаю свежий воздух, боже, как хорошо. Я даже думать не хочу, что придёт вечер, и меня снова похоронят в этой постели. Нет, я лучше буду думать о радостном и счастливом утре новой жизни.

Могильным холодом, поднимающимся от пяток и застрявшим где-то под сердцем, жадным, жарким дыханием и трепыханием испуганного тела прозвучала мысль: «А если они забудут?»
И они забыли.

* * *

Под одеялом. Да, целая вечность прошла под ним.

Я подружился со своей постелью, принял её, она стала моим домом, моим миром. Она отпустила меня: подушка расцепила липкие пальцы, перина разомкнула объятия, а одеяло не раздавило грудь. И я смог ползать, сначала быстро и торопливо, ища выход или хотя бы просвет, а затем медленно и покорно, поскольку ничего не нашёл. Одеяло крепко сжимало края, ведь на него была возложена великая миссия — стеречь пленника.

Со временем мой мир «Пододдеялом» увеличился, я мог потратить целую вечность, путешествуя из одного угла в другой. Я отлично изучил все дороги: знал каждую складочку, каждую ниточку и пёрышко, что торчало из перины.

Мне уже не казалось, что под одеялом непроглядная тьма. Я увидел: подушка стала огромной, как гора, перина — таинственной страной, а над ними — куполом, небесной твердью возвышалось оно — одеяло.

Я, маленький человечек, взбирался на вершину огромной подушки, садился и подолгу смотрел на одеяльный купол. Я верил, что за одеялом живут великие боги, которые придут и навсегда изменят мой мир.

Однажды я увидел сон о жизни. Это было так неожиданно, что я заплакал, осознав себя снова в постели. Прошло время, я успокоился и стал с удовольствием засыпать и просыпаться. Я понял, что это и есть моя настоящая жизнь, а всё остальное — сон...

* * *

Ясное солнечное утро мягким светом разбудило родителей пухлого мальчика.

Они подняли тяжёлое пуховое одеяло, чтоб разбудить своего малыша. На кровати лежал седой старичок со сморщенной кожей и белыми слепыми глазами.

— Наверное, ему приснилось, что он прожил целую жизнь, — почему-то сказал отец и замолчал.

Мать ничего не сказала, она замерла и больше не двигалась.

Тишина. Часы.

Так неумолимо шло время. ■

Родился 16 января 1959 года в Ставропольском крае, на хуторе Графский. Выпускник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, а также Северо-Осетинского государственного университета (г. Владикавказ). Член Союза писателей России, лауреат и дипломант литературных конкурсов. Автор книги прозы «Ветер противоречий». Член Союза журналистов России, лауреат трёх всероссийских и двух региональных журналистских конкурсов. Главный редактор газеты «Моздокский вестник» и еженедельника «Время, события, документы». Публиковался в журналах и газетах «Литературная Россия», «Юность», «Сибирские огни», «Нижний Новгород», «Литературная Пермь», «Южная звезда», «Дарьял», «Русское эхо», «Белый ворон», «Венский литератор».

Сергей Телевной

ЗАЧЕМ ПОЛИВАТЬ СУХИЕ ДЕРЕВЬЯ И СОРНУЮ ТРАВУ

Рассказ (в сокращении)

Саня Гончар — беспробудный выпивоха и местный пятидесятилетний поэт — с громким стуком вошёл в кабинет к Владимиру Доброскокову. Сотоварищ служил среднестатистическим клерком в бумаготворческой конторе, но в компании местных бесчиновных сочинителей воспринимался боссом.

— Прикинь, Вован, приезжает участковый ко мне, вежливо здоровается, — Саня прямо с порога обратился к Владимиру, который методично рвал бумаги и отправлял их в пресытившуюся урну. — Извини, Владимир Павлович, — поправился Саня.

— Александр, мне некогда тебя выслушивать, — Владимир Павлович не скрывал раздражения. — Я здесь работаю последний день, увольняюсь! — В подтверждение этого сердитый ноябрьский ветер захлопнул форточку подслеповатого кабинетного окна.

— Палыч, ты помнишь, что я тебе говорил: не поливай сухие деревья и сорную траву. Вот этот сухостой и чертополох тебя и подвёл под монастырь. Я же знаю, с каким смаком и вдохновением они пасквили на тебя писали по инстанциям!

— Всезнающий ты наш, — горько усмехнулся Доброскоков. — И ты туда же, учить...

Ну, рассказывай про участкового...

— Приезжает мент, такой вежливый. Садись, говорят, поедem в отдел. Я говорю: с какого перепуга? Разберёмся, отвечают. А я трезвяк, как стеклышко. Короче, привезли, распишись, говорят, в протоколе, что ты задержан за распитие пива в общественном месте. Говорю им: я конскую мочу не пью, только водку. Они: распишись, уплати штраф сто рублей и свободен. А то в обезьянник закроем. Дали они мне столик, я оплатил штраф, принёс им квитанцию. Всё чинчарём. Пояснили: им нужно план по административным протоколам выполнить, чтобы премию получить. Короче, говорит мне участковый: ты в горячих точках был? Был, отвечаю. Смерти в глаза смотрел? Ну, смотрел, говорю. А сам и соображаю, киллера ищут, что ли?

— Вообще, ты мне это зачем рассказываешь? — Доброскоков отвлёкся от разбора и ликвидации бумажных завалов. — Саня, у меня самого проблемы...

— Палыч, не волнуйся... Я этих работ, знаешь, столько поменял!.. И ничего, всё ещё живой и всегда нахожу на что выпить. А тебе, трезвеннику, много ли надо? — одухотворённое печёное яблоко Саниной физиономии предвещало чтение скабрёзных стишков. Ну, блин, Барков доморощенный!..

Владимир ожидал, что сокращение коснётся его рано или поздно, но надеялся — предложат что-нибудь подходящее. Однако ничего взамен не предложили...

— Ну, слушай, Владимир Павлович! — бесовестный поэт Саня вернул его в реальность — под портреты государственного тандема, парившие

под потолком. — Мент мне и говорит: на моём участке труп обнаружен, в речке Вонючке...

— Слышал...

— Я сначала перемохал, думал, хотят на меня этот труп повесить. Но нет, слава богу... Короче, говорит, надо вытащить. Магарыч, мол, с меня... Ну, мне пришлось ехать с участковым. Понаехало человек десять-пятнадцать. Прокуратура-макуратура, пожарники, вояки... А труп, вижу, в камуфляже плавает — вниз лицом... Ну, пришлось мне лезть в воду, вытаскивать. Это оказалась девушка — контрактница из местной воинской части. Видно, красивая была, волосы золотистые по воде плавали...

— К чему ты это мне рассказываешь? — пожал плечами Доброскоков. — Думаешь, я такой впечатлительный и добавлю на водку?.. Ну, на тебе ещё тридцатку, только иди с богом.

— А рассказываю вот почему. Вот ты сейчас здоровый, упитанный в каком-никаком кресле сидишь, хоть и последний день. С тобой ещё хотят дружить и общаться, пока не узнают, что ты не у дел. И девушка та была молодой и красивой. Каждый с ней не прочь был задружить... А вот утонула непонятно как, и никто не захотел её вытаскивать. Позвали меня — алкаша. И ты вдруг сорвёшься в речку Вонючку, никто не захочет вытаскивать. Придётся меня звать...

Саня ещё в советские годы закончил филфак в приличном университете. Диплом филолога, правда, долгое время пылился невостребованным среди рукописей и газетных вырезок. А вот стихи — пёрли, правда, если Гончар принимал допинг. И исполнял он их под гитару классно... Даже на Грушинском фестивале случилось выступить. Владимир Павлович признавал, что Гончар был самый способный среди местной литературной братии и относился к нему снисходительно. Когда-то и сам Владимир сочинил одноактную пьесу, поставленную местным народным театром.

— Ну, Палыч, бывай, спасибо за подпитку. Я пошёл, в случае чего обращайся. Метла всегда найдётся и вдохновение вернётся. Сам Андрей Платонов дворником был.

И Астафьев на мясокомбинате работал, и Бродский в морге... — и Саня ушёл, прихватив, исключительно из уважения к Доброскокову, шестьдесят рэ — на две самопальные водки...

Доброскоков прошёлся по кабинету. За окном склотила поздняя осень. Зброшенная стройка, подсвеченная неонем рекламы, ёжилась арматурой полуразрушенных плит перекрытия и рёбрами лестничных пролётов. В блоках серого фундамента покоились замурованные тайны большого кидалова по имени «Жилищный кооператив №15». Может, и вправду податься в дворники и писать драму про обманутых дольщиков?

Владимир Павлович вернулся к лежбищу бумаг: что-то в архив, что-то в урну, что-то передать по инстанции... Витиеватый почерк напомнил ему детективное содержание одного донесения: местный заслуженный работник культуры, для краткости засракульт, исхитрился передать половину здания своего учреждения дальнему родственнику — как бы бартер, в счёт оплаты за ремонт. Из документов следовало, что совершено мошенничество в особо крупном размере. Засракульт изловчился включить свою дочь в список «утопленников». В сознании всплыли золотистые волосы Саниной утопленницы. Но тогда «утопленниками» называли граждан, чьё жильё подверглось затоплению в период весеннего паводка. Дочь засракульта якобы проживала в подтопленном и разрушенном строении на улице Прибрежной, которое действительно в своё время смыло паводком. А ещё в «донесении» развивалась венерическая тема дочери засракульта. Несчастливая яростно боролась за чужого мужа и против супостатов-сослуживцев всякими способами, в том числе прибегая к помощи окрестных колдунов: подкладывала заколдованные сырые (что важно в этом многотрудном деле) яйца на рабочее место сотрудникам, рассыпала соль у порогов ненавистных кабинетов и отколупывала таблички с именами врагинь для колдовских манипуляций. Ну, в общем бесовщиной занималась по полной. «Может, эту житейскую историйку взять да изложить в виде мелодрамы для сцены, а ещё лучше сериал сварганить? — бесшабашно думалось Доброскокову. — Не очень масштабно, зато душещипательно. И поеду покорять столицу».

Владимир Павлович, не завершив расправу над скопищем бумаг, отправился домой. Окружённый вниманием семьи, он ощущал себя почти счастливым. Работа найдётся, успокаи-

вал он себя. Через неделю позвонил Гончар, без «здрасьте-до свидания» выпалил:

— Выручай, Палыч! Какой-то Малкин из Израйля заинтересовался моими песнями, сделал аранжировку, в тамошних ресторанах — это хиты. Зовёт меня в Израиль...

— А ты с какого боку — в Израиль?

— По маме я Гринберг. И вообще, я перестал пить! Загранпаспорт буквально на днях получаю. Так вот, на работе подменить надо на месяц, прошу, выручай. На работе не отпускают, если замену не найду. Вдруг в Израиле не срastётся...

Доброскоков был обескуражен.

— Ехать тебе, конечно, надо... Я перезвоню.

Пойти в дворники... Доброжелатели только порадуются! Договорились с бригадиршей дворников месячишко поработать без оформления — вместо Сани, пока тот по Израйлям будет ездить. Родным Доброскоков решил об этом не сообщать. Рано по утрам он бегал на заброшенный фабричный спортгородок. Разминался не спеша, около часа. Ждал, пока жена на работу уйдёт. Она тоже пораньше стала уходить. Втайне от мужа устроилась подрабатывать уборщицей.

Простая, казалось бы, работа дворника, выматывала Владимира Павловича основательно. Ещё больше Доброскокова удручало, что его, известного в городе человека, могут на улице узнать. К счастью, это случилось только раз: какой-то знатный пенсионер, мигрировавший по почётным президиумам и общественным комиссиям, ходивший с колодкой юбилейных медалей на пиджаке, приостановился, подслеповато всмотрелся:

— Докатился, алкаш...

Владимир Павлович съёжился, ему хотелось провалиться сквозь землю. Однако, изменив голос, он лишь ответил:

— Дед, ты обознался, иди своей дорогой.

Обстоятельства заставили его мобилизовать способности сочинителя. Он математически точно прописал общую конструкцию будущей драмы, документально изложив эпизоды жизни засракульта и дистонически нервной его дочери. Заслуженного работника он принудил пожертвовать несправедно нажитое в пользу церкви. А дочь же отработывала злоупотребления кол-

довством в интернате для психически больных. Жестоко, но справедливо.

— Может, несколько схематично? — осторожно спросила Доброскокова жена, его первая читательница. Она старалась во всём быть максимально деликатной с мужем. Даже делала вид, что не знает о его «дворничестве».

— Нет, нормально. Не надо заставлять зрителя напрягаться, — Доброскоков был категоричен. Однако сожалел, что не удалось вписать в «тело» драмы утопленницу, которую вытаскивал Саня Гончар. А образ остался — золотистые волосы тревожно струились по поверхности души...

Через полмесяца в скайпе обозначился Саша Гринберг, он же Гончар:

— Привет, Вован! Почему не спрашиваешь, как дела?

— Чувствую, всё в шоколаде...

— Ну, да! — с удовольствием сознался Саня. — Не скажу, что весь Израиль поёт мои песни. Но Малкин работает над этим. Я и сам пою в русском ресторане в Хайфе. Ну, а ты как? Опять поливаешь сухие деревья и сорную траву?

Веерная рассылка пьесы по электронной почте в десятки театров страны и зарубежья принесла кое-какие результаты. Приходили ответы: «Мы ознакомились с Вашей пьесой. У Вас добротная драматургия. Но по финансовым причинам в этом году у нас запланирована всего одна постановка...». «Тексты хорошие. Попробуйте отправить в театр «Школа современной пьесы». У нас другой формат...». «Тексты неплохи, но нам не подойдут. Сожалею. Завлит».

— Надя, тебе не кажется, что я поливаю сухие деревья и сорную траву? — спросил Доброскоков у жены, памятуя слова Гончара-Гринберга.

— Найдётся твой режиссёр, надо уметь ждать...

...И вдруг письмо из города Золотых ворот: «Прочла Вашу пьесу залпом. Страшно. Ярко. Спасибо. Показала нашему режиссёру. Он сам и пьесы пишет, и спектакли ставит. Работать с такими текстами, как ваш, любит и умеет. Худсовет театра вынес решение: пьесу принять к постановке. Поздравляю. С уважением, Ла-

рина Татьяна Николаевна, руководитель литературно-драматургической части театра».

Доброскокова колотило от волнения и восторга. А за окном было белым-бело. Предстояла большая работа по очистке тротуаров. Бригадирша дворников сделала контрольный звонок: «Всех бросают на Центральную, вахта вас заберёт». Сказать жене о письме? Нет, пусть новость отстоится. И Доброскоков пошёл убирать снег.

...Уже в первых числах марта нервная пу-стотелая электричка уносила Саню Гончара-Гринберга и Владимира Доброскокова из райцентра за две сотни километров — в международный аэропорт. Гончар должен был лететь обратно в Тель-Авив. Дома он, вырвавшись буквально на пару недель, спешно уладил какие-то имущественные дела. Доброскоков — через Москву в ближайший (в пределах Золотого кольца) областной центр: ему пришло официальное приглашение из областного театра! В электричке каждый думал о своём. Вдруг Доброскоков спросил:

— А ты помнишь ту девушку?

— Какую? — Санина шея, закоксованная отложением солей, не смогла повернуться в сторону Доброскокова.

— Ну, которую ты вытаскивал из речки Воночки?..

Доброскоков уже знал, что вторую драму, а точнее, трагедию он напишет об этой девушке. И погибнет она героически. Неважно, что там по этому уголовному делу нароеет следственный комитет. Не хватает сегодня истинных героев — и в жизни, и на сцене...

— Фамилию тебе надо поменять. В литературе уже был один Добролюбов, Добронравов опять же. Придумай псевдоним.

Доброскоков молчал: фамилию свою менять не собирался — с какой уж родился... И не верилось ему, что в жизни может случиться вот так: раз — и привалила удача! А ведь привалила! Его пьесу будут ставить в академическом театре! А Саня твердит: зачем поливать сухие деревья и сорную траву? А чтоб деревья зазеленели и чтоб трава окультурилась. ■

Моздок.

ХИЖИЦЫ-2018

2-й Всероссийский конкурс имени Гавриила Каменева (1773–1803) «ХИЖИЦЫ», объявленный Казанским литературным кафе «Калитка» Центральной городской библиотеки Казани, завершён. В нём приняли участие 382 автора из 161 населённого пункта страны (58 субъектов Российской Федерации), в том числе и татарстанцы. «Хижичы» – историческое предместье Казани (Кизическая слобода) и стихотворение Гавриила Каменева, поэта, родившегося и творившего в Казани. Каменев – автор первой героико-романтической поэмы «Громвал», написанной по мотивам казанской легенды о крылатом змее Зиланте. Журнал «Идель» – информационный партнёр конкурса – представляет победителей конкурса.

Эдуард Учаров, организатор и куратор конкурса

Александр Крупинин (г. Санкт-Петербург), 1 место

Родился в 1958 году в Ленинграде. Закончил Ленинградский финансово-экономический институт (1981). Работает руководителем информационной службы Санкт-петербургской радиостанции «Град Петров». Автор книг стихов «13 сапфиров и разноцветные черендыбы», «Человек со стулом». Лауреат Кубка мира по русской поэзии, Открытого чемпионата Балтии по русской поэзии, финалист поэтического конкурса им. Н.А. Гумилёва «Заблудившийся трамвай». Стихи опубликованы в журналах «День и ночь», «Ното legends», «Белый ворон», в интернет-изданиях «45-я параллель», «Luterrатура».

ПО РЕКЕ ЗАБВЕНИЯ

Где-то на самом верху фиолетовой ветки
Сидят и грустно смотрят на юг
Бывший премьер Мариинского театра Эткинд
И бледно-розовый кот Нестерюк.
Сидят давно. Над ними тополь безлистый.
Вокруг скамейки – дома-корабли.

Эткинд коту говорит, мы с тобой аутисты,
Мы чужие для жителей этой Земли.
Жаль, продолжает Эткинд, что мы не птицы.
Суждено навсегда нам остаться среди кораблей,
Потому что метро теперь стоит, кажется, тридцать,
А трамвай чуть не двадцать восемь рублей.
Как хотел бы я заглянуть хоть на миг в Мариинку.
Может быть, сегодня дают «Гаянэ».
В третьем акте там парни танцуют лезгинку.
И потом мой коронный проход при луне.
В театре совсем недавно сменился директор.
И фамилия нового вроде Козлов.
Ведь он не узнает меня, думает, Эткинд,
А если узнает, не пропустит назло.
Обнявшись, Эткинд сидит, как с братом,
В классической позе мадам Рекамье
С утратившим волю к жизни котом-кастратом
Посреди кораблей на лодке-скамье.
Кот Нестерюк о юности вспоминает суровой,
Как он в бой вступал, никого не боясь,
В кошачьих бандитских кругах Комарова
Известный по прозвищу Розовый князь.
А потом променял... Променял свободу на жалость,
На тепло обольстительных женских рук.
Но растаял мираж. Ничего от него не осталось.
Только имя дурацкое – Нестерюк.
По реке забвенья плывут на лодке-скамейке.
Бывший первый танцовщик и розовый кот.
Над ними тополь листок выпускает клейкий.
А лодка плывёт.

ЕЖЕВИКА

Коридоры всё длятся и длятся, пустые, унылые –
повороты, развилки, секретные закоулки.
Только гнёзда летучих мышей высоко под стропилами,
только эхо тяжёлых шагов отзывается гулко.

Поэт Водовозов служит в тюрьме надзирателем.
Лицо его грустно всегда, потому что настало
тоскливое время – поэты свободу утратили,
штампуют стихи однотипные, блёклые, вялые.

А в тюрьме где-то варят кукнар, где-то в карты сражаются,
то ли смех за дверями звучит, то ли катятся слёзы.
Не вдаваясь в подробности, с сердцем, исполненным жалости,
ночь за ночью с дубинкой идёт мимо них Водовозов.

Как обычно, из камеры восемь доносятся крики.
Появляются, будто во сне, непонятные, странные образы:
сад запущенный, бабочка, солнце, кусты ежевики –
облаками теснятся они в голове Водовозова.

Вырастают слова из небесного Слова единого,
так бывало всегда и везде у поэтов великих.
Он идёт мимо камер, играя дубинкой резиновой
и бормочет чуть слышно: «бабочка, куст ежевики».

Где-то падают с веток в траву краснобокие яблоки,
равнодушное солнце бросает прохладные блики,
в лёгком танце осеннем кружит одинокая бабочка
над последним, неплодным, засохшим кустом ежевики.

Исчезает тюрьма, еле слышно бормочет свой стих он
в том саду, где так тихо, где так ослепительно тихо:
«Ежевика, сестра, ты ведь слышишь меня, ежевика.
Ежевика, сестра моя, дочка моя ежевика».

СКУЛЬСКАЯ

Ты ходишь по городу с лыжными палками, Скульская.
Безумствует пух тополиный и в нос забивается,
Надежды, зимой заржавевшие, вроде сбываются,
И раннее лето уже наступило и буйствует.

Забудь эти палки. Снега безвозвратно растаяли,
А пух тополиный – не снег, это только пародия,
И птицы щебечут, они возвратились на родину.
Стрижи-интроверты и те собираются стаями.

Здесь туя не спит, замышляя свои шишкоягоды.
Они будут цвета небесного, нежно-пахучие.
А я по бульвару иду и надеюсь на лучшее.
Мне хочется верить, что снова окажемся рядом мы,

Что годы уймутся, что лысина вновь разлохматится,
Ты палки отбросишь, их летом таскать не положено,
И мы рассмеёмся, носы перепачкав мороженым,
И сладкий пломбир потечёт на зелёное платье.

Победную песню пою, и бренчу на гитаре я.
Свой флаг водружаю над миром, подобно Кантарии.
Есть только любовь, а всё прочее лишь комментарии.

НАД ВЫЧЕГДОЙ

Весь день перепела летят на юг,
Слышны над Беломорьем крики птички.
Вдруг захотел полакомиться дичью
Дневной хозяин комиссар Сердюк.

Перепела над Вычегдой летят.
Вдоль берега расставлены тенёта.
На пойменном лугу садится кто-то
И в дудку бьёт четыре дня подряд.

В лесной избе темно горит свеча.
Из пьяных трав зырянин варит зелье.
В деревне, изнывая от безделья,
Сидит Сердюк под бюстом Ильича.

Откуда-то доносятся слова:
«Беги, беги, Меланья». Ночь у входа.
В холодных реках неспокойны воды.
У плёсов зацветает сон-трава.

Звезды не видно в небе ни одной.
«Беги, беги, Меланья», – кто-то шепчет.
Румяна, пудра, кольца, римский жемчуг,
Цветные ленты, гребень костяной.

«Не дёргай клювом, крастель. Не боись», –
В сетях премудрых перепел застрянет,
Напоит сон-травой его зырянин
И выпустит, и взмоет птица ввысь.

Ещё дневной хозяин за столом,
И крастель возвышается на блюде.
По комнатам ещё толпятся люди,
Пришедшие сопеть и бить челом.

Над крастелем Сердюк заносит нож.
Хозяин ночи корчится в камланы.
Его огонь на солнце не похож.
В ночную тьму беги, беги, Меланья.

РЕСПУБЛИКА ВООБРАЖЕНИЯ

В понедельник поэты захватили деревню Бурцево,
прошли по единственной грязной улице строем,
поставили перед сельсоветом монумент д'Аннунцио,
используя кирпичи, лилии, листья лопуха, рубероид.
Согнали на площадь всех местных жителей:
Казакову, старика Сергеича да бабу Женю,
и тогда вождь поэтов весьма решительно
провозгласил Республику Воображения.

Вождём был поэт Алексей Трохманевич-Мищенко.
Он выкрикивал лозунги и махал руками не менее часа,
говорил, миром правят духовно-нищие,
настоящих аристократов задавили массы.
Он пророчил, что против новой элиты
скоро бросят в бой свои танки плебеи,
и бурцевский снег, благородной кровью политый,
станет весенних небес голубее.
Но не шли отбивать деревню войска метрополии.
Кто хотел, целый день кричал стихи возле сельсовета.
Плебейская власть равнодушно взирала на это, тем более
что поэты стали исчезать из Бурцево незаметно.
Только вождь сумел дотерпеть до пятницы,
а герои один за другим растворились в ночи по-английски.
У кого-то была намечена презентация,
кто-то есть хотел, Шерстюку не хватало виски.
Тогда Трохманевич глотнул отнятую у Казаковой настойку,
в печке сжёт неоконченную драму в стихах «Фиуме»,
почувствовал себя неважно, лёг в сапогах на койку
и умер.

Но Республика не исчезла, только изменила обличье,
она по сельским праздникам, по городам рассыпана.
Иногда весной кричит Республика голосами птичьими,
веселит в Александровском парке шуршанием лип она.
Увявшие лилии баба Женя заменила душистым горошком,
постоянно ходит, присматривает за монументом,
оставляет поблизости корм деревенским кошкам,
«потому что нельзя, – говорит, – никому забывать об ентон».

Алексей Ушинский

(г. Щёлково Московской обл.), 2 место

Родился 18 апреля 1984 года в г. Щёлково Московской области, в 2013 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького, семинар прозы С.С. Агаева. Заместитель главного редактора звукового журнала ВОС «Диалог». Публиковался в журналах «Урал», «Кольцо А», газете «Литературная Россия». Член инициативной группы культурно-просветительского проекта «Стихийные вечера» (г. Ногинск).

последний поезд в Царское Село
билеты куплены на два столетия позже
на постаменте не Харон с веслом
но почему-то издали похоже

как патиной Петрова медь цветёт
в подробностях народных библиотек
культуры общепризнанный оплот
не Лира, не Пегас, но что-то вроде

куда их гонят – Машенька, Дантес
краса ногтей и арфа Филарета
что саранчи и мемуаров вес
пред равнодушием того, большого света

и повторяется – Дубровский, сон, дуэль
и парки продолжается плетенье
диктантов осыпающийся мел
цитат маразматические тени

открыто всё, но нет свободных мест
почти смешно, какая мысль простая
что жизнь напоминает палимпсест
и никого искусство не спасает

изменчив мир, изменчив человек
стихи бессмертны. каждый это знает
а Пушкин всё же падает на снег
и снег летит, и падает, и тает

Бродить с собакой по лесам
Греть руки у огня
С холмов глядеть на небеса
Ждать приближенья дня

Когда в низинах ещё мгла
Туман как молоко
И машут мельницы крыла
Неспешно и легко

В кармане спички соль и хлеб
И рядом верный пёс
Земля становится теплой
Понятней шум берёз

И слово русское звучит
В распахнутом окне
В полыни в ветреной ночи
В столетях и во мне

время начинается отсюда
золотой запас в короткий день
словари осенних забывудок
сонник паутины в бороде

каждый силуэт слегка двоится
как листа тетрадного просвет
чья-то старость нехотя садится
на привычный свой велосипед

и скрипит с улыбкой глуповатой
оставляя в лужах по пути
отражений скудные заплатки
мокрых вертолётчиков утиль

отпечаток сохраняя в глине
и благословив осенний труд
строгим двоеперстием старинным
облетают сосны на ветру

ЭВРИДИКА

Колёсами разбрызгивая грязь
В Элизиум угнать велосипеды
А самому остаться здесь, боясь
Что радости не хватит до победы

В летейской дымке стынут паруса
И тонет ласточки полёт в стеклянном хоре
И горько, и смешно стихи бросать
Как сон Сизифа – небо, камень, море

Всё тише голоса, всё реже сны
В листве рябина, сахар под ногою
Письмо из той единственной весны
Тебя уже навряд ли здесь догонит

Твой адрес тот же, но живёт другой
И некогда вникать в прохладу строчек
В осеннем Лимбо видно далеко
И хочется свободы, но не очень

Октябрь уж наступил, письмо сожгли
Идут года, и мельхиор темнеет
В поэмах старых тает птичий клин
А наяву стал чёрный хлеб вкуснее

Смотри на пепел, слушай эту речь
В ней музыка того, что не вернётся
Но только ты одна могла сберечь
Обол, созвучье, ветку – соты солнца

Ты знаешь, в нашей власти позабыть
Но ведь не всё стирается забвеньем
Есть поздний дождь, есть серебро трубы
Есть города, где знают воскресенье

Надеюсь, жду, но стоит ли писать?
Моё письмо тебя здесь не застанет
Монетки копяты на сломанных весах
И корабли идут в чужие страны

Я не поверил тишине теней
Но я не обернулся, Эвридика
И небо ближе, и весна теплей
И громче музыка, звучавшая так тихо

Что ночь истории, что пропасти веков
Когда во всём разлита радость тайны
Смотри, мой ангел, но смотри легко –
Ты видишь свет, который без названья.

Ника Батхен

(г. Феодосия, Республика Крым), 3 место

Родилась 28 сентября 1974 года. Окончила Литературный институт имени Горького. Журналист-фрилансер. Член Южнорусского союза писателей. Лауреат Волошинского конкурса-2014, «Интерпресскон» в номинации «Дебют», «Заблудившийся Трамвай» и др. Автор книг стихов «Снебападение» и «Путями птиц». Публиковалась в журналах «45 параллель», «Северная Аврора», «Берега Тавриды», «Зарубежные записки», «Дети Ра», «Огни Кузбасса», «Иерусалимский журнал», альманахе «День поэзии».

ЕЩЁ ОДНА ПЕСНЯ ДЛЯ КОРОЛЯ ЯЩЕРИЦ

Слышишь?
Лучше молчать о важном.
Притворяться доблестным и отважным.
Танцевать в прибое, тряхи кудрями,
Отмывая память от всякой дряни,
Засыпать снежками твою лачугу:
– Просыпайся, время случиться чуду!
День – бродить по лесу оленьей тропкой,
Пить чаёк, укрываться одной ветровкой,
Толковать следы, тосковать – рябина
Не растёт в предгорьях, а было б мило.
У печи уютиться, сдвигая плечи,
И молчать. Ни слова, чтоб стало легче.
Только шрам от пальца ползёт к запястью

И сова над крышей кричит – к несчастью
Или к счастью.
Хочешь, спрошу у птицы,
Как простить за то, что не смог проститься,
И пришёл к тебе как пустой орешек.
Слышишь, сердце бьётся слабей и реже?
Ты смеёшься. Лепишь кулон из глины.
Чистишь запотелые мандарины,
Стелешь шали, дремлешь на них небрежно,
Говоришь, что небо для нас – безбрежно.
Глянь – сверкает! Синее! Настоящее!
...И душа отрастает, как хвост у ящерицы.

ДЕКАДА ДЕКАБРЯ

Здесь были римляне.
Так говорит дорога.
Обкатанные камни полускрыты
Опавшею листвою, намокшей глиной,
Шершавыми шагами и навозом
Бесчисленных коров. Куда податься?
Конечно, в горы. Замыслы развалин
Читаешь по неровным силуэтам –
Как будто эти выцветшие арки
Построили с учётом разрушений
И, наводя высокие стропила,
Высчитывали солнце сквозь пролом.
Платаны пробиваются сквозь плиты,
Из крипты подымается шиповник,
И алость ягод говорит о крови,
Ушедшей в землю предков. Слышишь: дом!
Звонит церковный колокол. Старухи
Ползут на звук – согреть сухие души
О маленькие свечи. Пламя терпит.
А время спит, свернувшись дикой кошкой
На куче листьев у былой стены.
Купцы глупцы – куда вам, гемузцы,
Селиться там, где мёрзли легионы,
Напрасно строить крепости и башни –
Дороги всё равно вернуться в Рим.
Я потревожу стоптанные плиты,
Пройду путём, ложбиной Чёрной речки.
Там водопад. И холм, где жили скифы.
Для них, бродяг, все эллины равны.

ПАТИНА

Пожилые поэты красивы,
Как античные вазы в музее,
Тень записки манжетным курсивом,
Ретрофото руин Колизея,
Серебро почернелой чеканки,
Трёхкопейный трамвайный билетик,
Хриплозвучная песня шарманки,
След загара на память о лете.
Пожилые поэты читают,
Как монеты бросают в фонтаны,
Белый путь в лебединую стаю
Пролегает сквозь дальние страны.
Их слова – запотелые стёкла,
Что дыханием были разбиты.
Из ветшающей памяти стёрты
Пересуды, суды и обиды.
Вечность плещет в зрачках безмятежно –
Суета, суеты, суетою.
Как они улыбаются нежно,
Над волнами Венеции стоя.
Их не сломишь – другая порода,
Им плевать на чины и медали.
Пусть они далеки от народа,
Только честь никому не отдали.
Боль примучив, смеются: «Пустое,
Время плещется в чаше на донце...»
Так уходят титаны застоя,
Глядя прямо в палящее солнце.

СЧАСТЛИВЧИК

Удачный дачный кот –
Его не позабыли,
Он сам ушёл с крыльца
В рябиновую глушь.
Он был бесстыже рыж –
Вась-Вась, Мурлыка, Билли,
Всем крысам вечный враг,
Всем кошкам верный муж.
Любил дожди, чудак,
И мокрые дорожки,
И мокрых воробьёв
До одури пугать.
В июльскую жару
Пластом лежать в лукошке.
В разливах сентября

Заборы обегать.
Он сбрасывал цветы,
Таскал и рвал газеты,
На крыше восседал
С величием царя.
Его гнусавый вой
Узнали все соседи.
Его победный клич
Узнали все подряд.
Кот был бесстыже рыж,
Давно уже не молод,
Прекрасно одинок,
Свободен как ручей.
Он вовремя решил
Не возвращаться в город.
Вась-Вась, Мурлыка, Билл –
Теперь никто ничей.
Броди себе пешком
Вдоль выцветших обочин,
От запаха листвы
До одури хмелей.
Сегодня будет снег-
Опад к исходу ночи.
Сегодня сон во сне
Окажется теплой.
У каждого кота
Есть право невозврата.
Оставить стол и дом,
Побыть самим собой.
...А девочка ревет:
– Сбежал!
Я виновата!
Зачем вязала бант,
Нашейный,
Голубой?

ПТИЦА - 2018

Поэтический турнир имени Игоря Царёва (а именно так расшифровывается аббревиатура «ПТИЦА») проходит уже в шестой раз. Поэт Игорь Царёв (11.11.1955–04.04.2013) был талантливым журналистом, его сердце остановилось прямо на рабочем месте – в редакционном кабинете «Российской газеты». «Стараюсь писать честно» – слова поэта стали девизом конкурса с самого начала. 94 работы авторов из 14 стран (Россия, Австралия, Белоруссия, Бельгия, Германия, Израиль, Казахстан, Молдова, США, Узбекистан, Украина, ДНР, ЛНР, Финляндия) оценивала судейская коллегия, в составе которой был и литературный редактор «Идели». Представляем читателю победителей конкурса.

Марк Шехтман (Израиль, г. Иерусалим), 1 место

Родился в Таджикистане в 1948 году. По образованию филолог. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Автор книг «Неведомое небо», «Большая Медведица», «Бройтманиана», «Русский Бог», «Евгений Онегин. X глава», «Бродяжий ангел». В 1990 году из-за начавшейся в Таджикистане гражданской войны эмигрировал в Израиль.

ПОСТИЖЕНИЕ

Погашен свет, закрыта книга,
И медленно входили в дом
Звезда, и тихий шум арыка,
И три чинары за окном.

Они меня не замечали,
Но я к их таинству приник...
Я слышал, как они звучали –
Звезда, чинары и арык.

И в их ладу, октавой выше,
Сквозь фонари и провода
Сверкал полёт летучей мыши
Из ниоткуда в никуда.

Так я влюблялся в мирозданье,
В его звезду, в его весну,
И в тени, и в воспоминанья,
И в шепчущую тишину.

Мир был и вечностью, и мигом,
И нераздельны были в нём
Мы со звездой, и шум арыка,
И три чинары за окном...

МАЛЬЧИК НА ХОЛМЕ

Мальчик смотрит с вершины крутого холма
На колеблемый памятью город и век.
Там живут папа с мамой. Там детство, зима,
Развесёлые санки и радостный снег.
Там обломок сосульки прозрачен и чист,
Там Кощера разит удалой молодец,
И везде на портретах, усат и плечист,
В звёздном кителе Сталин – наш вождь и отец...

Мальчик смотрит с вершины крутого холма.
Время юности. Смута желаний и дел.
Что-то буйствует в недрах души и ума,
Не совместное с сереньким словом «предел».
В лексиконе – «галактика» и «звездолёт»,
В моде – джинсы, дерзания и неуют,
И Высоцкий в кассетнике хрипло поёт
Про разорванный парус и горный маршрут.

Мальчик смотрит с вершины крутого холма.
Бомбы, лозунги, съезды, всеобщий молчок.
Встанешь утром – в газете чернеет кайма:
Мол, скончался и этот генсек-старичок.
Ну да нам всё одно. А в империи сплошь
Воровство, пустословье, разор и раздор,
И пытается скрасить партийная ложь
Вечный неурожай и афганский позор.

Мальчик смотрит с вершины крутого холма
На страну трёх морей и десятка пустынь,
Где на склонах, как овцы, толпятся дома
И глядят кипарисы в небесную синь,
Где ведётся летам с Сотворения счёт,
Где беседуют с Господом подле Стены,
Где верблюдица-вечность устало бредёт
По колючим пескам от войны до войны.

Мальчик смотрит с вершины крутого холма.
Годы тают, как звёзды в рассветной реке.
Не сбылись, слава богу, сума и тюрьма,
И два внука растут, только жаль, вдалеке.
А когда приезжают – тогда кутерьма,
От которой теплеет в душе и в груди!
Мальчик смотрит с вершины крутого холма,
И не хочется верить, что жизнь позади.

НА СМЕРТЬ ЕВТУШЕНКО

И он ушёл – несбывшийся мессия,
Вонзивший в нашу память, как стилет,
Что идут снега белые в России
И что поэт в ней – больше, чем поэт.
Честолюбив, хотя собой невзрачен
И несколько, пожалуй, узкогруд,
Он был в писаньях звонко однозначен –
Без многоточий, слабостей и смут.

В ту оттепель в отечестве подталом,
Привычном к диктатуре и войне,
Не тайное читателю шептал он,
Но грохотал народу и стране.
В расчёте на века и легионы
Себя он вышней участи обрёл,
Стихами наполняя стадионы
И рифмы заготавливая впрок.

И мы в преддверье нового морозца,
Сутулясь под болоньевым плащом,
Признали в нём поэта, знаменосца,
Актёра и бог весть кого ещё.
И очень быстро позабыв, что гений
Великой безыскусности сродни,
Он разучился жить в тени сомнений
И просто разучился жить в тени.

Как парус – исключительно по ветру! –
Его тащил к рукам приросший флаг.
И что осталось признанному мэтру,
Помимо наступлений и атак?
А ветер дул в безвременье и горе,
В раздоры наций, в горький эпилог,
И замолчали все фанфары вскоре,
А на свирели он играть не мог...

Потом, когда страна упала в кому
И злые тучи небо замели,
Он тихо удалился в Оклахому
На дальнем полушарии Земли.
Себя читал подолгу – и казалось,
Что он, как прежде, громок и велик,
И больше ничего не оставалось
Ему среди своих умолкших книг...

Недавно прозвенел надмирный зуммер,
И он ушёл в сияющий проём.
Пророк? Паяц? Актёр? – но вот он умер,
И мы с печалью думаем о нём.

Юлия Резина

(США, г. Нью-Йорк), 2 место

Родилась, училась, работала в Москве. Врач, кандидат медицинских наук. В течение многих лет участвовала в арктических научных экспедициях на ледоколах. Автор трёх сборников стихов и книги прозы. Публикуется в различных российских и зарубежных изданиях.

ПРОПИСИ

Осеннего сонного солнца слюда.
Следами разгульных налётов Борей –
Рябиновый град, георгинов беда,
Кленовая алая кровь на аллеях.
На мельницу слова мой Сказочник льёт
Дары откровений, видения сада,
И птиц для меня поднимает в полёт,
И волны возводит в крещендо, глассандо...
В подробностях требует срез тишины
Представить под утро без лишних вопросов
И сотню оттенков ущербной луны
На грани рассвета у плёсов белёсых.
Мой Сказочник добр, и его веселит,
Как я постигаю небес псевдонимы –
И в прописях жизни: не хлебом единым, –
Пишу под диктовку, – жив, дышит пиит...
И думаю: верно, не хлебом единым,
Пока синим пламенем время горит –
Нелепой любовью и синим массивом
Ледовых морей, и осенней осины
Серебряным эхом, и эхом Марины –
Салютом рябиновым, неугасимым...
Земным одиночеством, нерасторжимым...
И росчерком мимо косых – некрасиво,
И дальше, и больше, с нажимом, курсивом...

МОСКОВСКАЯ СНЕГУРОЧКА

Снежная ретушь на ржавую жечь –
С щедростью жеста божественной милости...
Снежное эхо – тишайшая весть
Освобожденья от тяжкой повинности
Стойко сносить оголённость деревьев,
Красок ущербность, дорожное месиво...
В сон опадавая, устав, присмирив
Вьялица снежные нити развесила –
Снежный шифон на берёзе фатой,
Снежный шиньон у летящей снегурочки,
В ночь уносимой московской тщетой,
В прошловековые дворики, улочки.
На фонарях там висит по луне –
Жидкий янтарь на небесное крошево,
И в тишине ты скользишь по волне ...
Имя тревожное сладкой горошиной
На языке. Пелены полотно:
Призрачной тенью прохожий простуженный
И путеводной звездой окно...
Кто он, жемчужина? – Ряженный? Суженый?
Ах, как слепила твоя белизна...
Времени омуты, поздние бдения.
Штофы февральские пили до дна...
Памяти камень – камина гудение...

О, музы времён листопада –
Крылатое слово лови! –
Летит золотая армада
По волнам разлада, распада,
И всё – о любви, о любви,
О лютых лавинах сирени
И лунных истоках родства...
А жизнь – череда поколений,
И сага «О жизни растений»,
И мёртвая эта листва...

Сергей Тагын (Молдова, г. Единцы), 3 место

Родился в 1969 году. Работает редактором регионального издания «Норд-инфо». Автор стихотворных сборников. Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Финалист и дипломант международного конкурса имени Н. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (2010), лауреат премии «Молодой Петербург» (2011), победитель международного конкурса «Эмигрантская лира-2013» (Бельгия) в номинации «Неоставленная страна».

Ничего не меняется в мире Твоём.
Та же осень как вечность назад.
Те же люди у рынка с нехитрым добром,
ожидая автобус, стоят.

И в руках у них мётлы, корзины, тазы,
а в пакетах – конфеты и мёд.
Вон две вазы – две синих огромных слезы –
в сумку девушка нежно кладёт,

и старик молодильное яблоко ест,
черенок от лопаты неся.
Он не станет моложе и радостней здесь,
а туда ещё, видно, нельзя,

где жена режет хлеб, где за белым столом
неподвижна печальница-дочь...
Ничего не меняется в мире Твоём,
только ветер проносится прочь,

только птицы летят в незнакомую даль
в небесах, где ни сада, ни дна.

Сохранить бы мне, Господи, эту печаль,
только так, чтоб светилась она.

Владимиру Мялину

Вот наши вещи:
ржавая юла,
ведро в углу,
истёртая метла,
газеты ком у приоткрытой печки...
Давай о них неспешно говорить,
по пыльной клетки памяти ходить,
с трудом затеплив вековую свечку.
Ведь если есть на свете бог вещей,
источенных простых карандашей
в пеналах детства, сморщенной гнилушки,
отчаянно мерцающей во тьме,
он к нам щедрей и ласковей к зиме,
к зиме – блажной он подобревший Плюшкин.
Всё, что копил,
теперь он дарит впрок,
его мышинный слышишь голосок
среди ночей – приветный ли, прощальный...
И рай, тебе завещанный, с тобой –
соломенный, ветошный, пуховой,
шкатулочный,
стеклянный,
музыкальный.

НЕБЕСНЫЕ ЧАСЫ

Кто часы песочные большие
посреди живой поставил шири,
выдув из поющего стекла?
Человек в них – только горловина,
времени и неба половина
сквозь неё неспешно протекла.
И огонь, и дерево, и птица,
звёздная мгновенная ресница,
дыма неразгаданная вязь
в человеке сходятся покуда,
знобкой дрожью ужаса и чуда,
образом бессмертным становясь.

Будешь ты водою... Из темноты
вдруг тебя поднимут в бадье на свет –
небосклон закатный увидишь ты,
золотой, не виденный столько лет.

И к тебе потянется высота,
и лицо проявится из неё,
и светло коснутся тебя уста,
что не помнят имя уже твоё.

Отразив, с собою не унесёшь
ни лицо склонённое, ни зарю.
Но какая долгая будет дрожь
прошибать глубину твою!

Моя душа пустячное любила:
в продольных трещинках хозяйственное мыло,
оставленное кем-то на полу,
на верстаке светящуюся стружку,
щербатую, надтреснутую кружку
с чайниками, прилипшими ко дну.
Родство ли это, давнее желанье,
чтоб в замкнутой глубинке мироздания,
где снег стоит, как в стылой бане дым,
и день проходит меж ночами боком,
предельно личным, милосердным Богом
я так же был замечен и любим?

Горький дух ночного чернозёма
входит в человеческие сны.
И весна невнятна, невесома,
но уже понятны и родны
вдох воды, что спит в железной бочке,
и озноб берёзовой слезы,
и неспящей виноградной почки
сладкий зуд, бегущий вдоль лозы.
Дрожь ростка и тёмный трепет праха
слиты в ожидание одно.
На верёвке светится рубаха,
словно в невозможное – окно.

И возникает тишина...
Среди разора и разлада
стоит высокая она
перед началом снегопада.

И свод небесный отворён,
как дверь родительского дома.
Там некто, чист и удивлён,
с порога сходит невесома.

И шепчем мы: «Смотри-ка, снег...»,
прервав по улице движенье.
И верит старый человек
в печальный свет преображенья,

что он – ребёнок у окна
с пиалой маминого чая...
Нам всем казалось – тишина,
а это музыка звучала.

Дорогой читатель!
В подборку Светланы Мингазовой («Идель», 2018,
август) ошибочно попало стихотворение Натальи
Кожевниковой («Здесь, за рекой – другое время...»).

Приносим свои извинения.

Наталья Трилева (Россия, г. Тольятти), 3 место

Родилась 7 января 1985 года. Окончила Тольяттинский государственный университет, работает учителем математики. Призёр и лауреат более 40 интернет-конкурсов, в числе которых Кубок мира по русской поэзии, Чемпионат Балтии по русской поэзии, конкурс им. Грушина.

СБЕРЕГИ МЕНЯ

Сбереги меня, милая, сбереги
В заповедном краю, где кипрей зацветает вспяты.
Где гремучая ходит река, искажает гладь,
Чуть дотронувшись холодом до руки.

Стереги меня, милая, стереги.
Сонный воздух размыт и как будто сошёл на нет.
Утонувшее солнце закатно кровит на дне,
Создаёт полукружия и круги.

Разыщи меня, милая, разыщи,
Если снова уйду по вчерашним своим следам.
В обмелевшем колодце седая жила вода,
Стала мёртвой, не движется и молчит.

И дыханьем, горячую, не согреть.
Утекает с ладоней, оставив тягучий ил.
Кто-то медленно шьёт меня в десять беззвучных игл.
С каждым разом мучительней и острей.

Разыщи меня, милая, разыщи.
Состоя из пустот, я совсем лишена примет.
То болотная выпь, то блуждающий топкий свет,
Что от белого дыма не отличим.

Тропы делятся, делятся на шаги.
Сквозь меня прорастает стеблями разрыв-трава.
Остывает живучего солнца сырой овал.
Сбереги меня, милая, сбереги.

НЕБО ДО КРАЯ

Небо до края мутную воду льёт.
С улицы тянет ржавчиной и гнильём.
Руку подставишь – сплошь дождевая сыпь.
Небо темнеет. В стену стучат часы.
Крошится рама, рыхлая от воды.
Отчим с работы снова вернулся – в дым.
Высыпал на пол старый карманный сор
И сигарету выкурил мне в лицо.
Вспомнил по имени. Я его – как огня.
Что-то неловкое выросло из меня.
Думала, вспыхну клевером в полный рост.
Но постепенно что-то не задалось.
Трескались тропы сетью сухих морщин.
Синее платье, жёлтые кирпичи.
Пыльно от бега. Ветер звенел в ушах.
Солнце катило следом белёсый шар.
Рваные ленты, выцветшее лицо.
Склеивал пальцы горький цветочный сок.
Думала, выстрелю в небо хоть вкривь, хоть вкось.
Но постепенно что-то оборвалось.
Кутаться в тёплое, прятаться, где темно.
Отчим неделю будет лежать больной.
Виснет верёвка, на пол течёт бельё.
Мама стирает серый постельный лён.
Деньги – на новое, на себя – рукой,
Солью – на пригоревшее молоко.

Подготовила Галина Булатова,
организатор и куратор конкурса с 2013 года.

Родилась в 1983 году в Казани. Поэт-переводчик. Автор книги «Тебе, оставившему след» (2016). Лауреат фестиваля поэзии и авторской песни «Песни моей души» (2016), победитель конкурсов перевода испанской поэзии (2006, 2009), конкурса поэтов и чтецов «Во весь голос» (2013). Дипломант XVI Открытого творческого фестиваля «Галактика Любви» в номинации «Специальный приз фестиваля» (2014). Публиковалась в журналах «Mundo Eslavo», «Идель», Казанский альманах», «Новая литература», «Бельские просторы». Пишет стихи на русском, английском и испанском языках.

Дина Мухамедзянова

НОВЫЙ ГАМЛЕТ

Всё та же осень за окном
Сменяет призрачное лето,
И новый Гамлет дивным сном
Забуться жаждет до рассвета.
Всё та же полночь во дворе
Голубку с тополем венчает,
И ветер странствий в сентябре
Тебя со мною разлучает...

Я – Чацкий. Гамлет был мне брат
Лишь по несчастью. Павел Первый
Таким товарищам был рад
И нас бы принял здесь, наверно.
Он был чужой, совсем, как я,
Такой измученный печалью,
И эта горечь бытия
Мне не мила. Лицо вуалью
Я скрою. Тайна есть во всём:
В словах и в музыке, и в песнях,
Но крест по-разному несём
Мы все меж ангелом и бесом.

Рубай в переводе (я пока что не знаю фарси).
И Коран в переводе... Мне пока что арабский неведом.
И Псалтырь в переводе. Вот так повелось на Руси,
В современной России: читатель идёт за ответом,
Но ответ не находит, ведь нужен оригинал.
У меня есть минутка, и передо мной Грибоедов,
Что женился на Нине, но в эти мгновенья не знал,
Что кольцо обронил он, а значит последуют беды.

О Лейли и Меджнуне вспомнят. О нас с тобой
Говорить не придётся: вся наша жизнь в тени.
Ангелы нас укроют, если со смертью бой
Вновь предстоит нам, но только повремени!
Без тебя мне остаться – хуже, чем умереть!
Гордиев узел рубят... только зачем с плеча?!
Ну разорвёшь тетради, меня не сможешь стереть...
Милость порой бывает даже у палача!
Я пред тобою с сердцем открытым. Что ж...
Хочешь, побей камнями, только моя вина
В том, что я любила, но отвечать на ложь
Ложью не стала, поэтому я одна...

Елена Бурундуковская

Родилась и живёт в Казани. Член Союза писателей Республики Татарстан. Автор книг стихов «Личные местоимения» (1992), «Учебник жизни собственной пишу...» (2004). Стихи публиковались в журналах «День и ночь», «Студенческий меридиан», «Смена», «Казань», «Идель», «Казанский альманах», «Татарстан».

Окончила Казанскую консерваторию по специальностям «фортепиано» и «орган», аспирантуру Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных. Доктор искусствоведения. Проводила мастер-классы в Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского (клавесин, 1999) и Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки (орган, клавесин, 2001). С 1978 г. ведёт активную концертную деятельность (сначала как пианистка, затем как органистка, клавесинистка и участница ансамбля старинной музыки). Выступала на международных органичных фестивалях в городах Брешия, Кремона (Италия, 1992, 1995). Участвовала в работе Баховской академии в Поррантрюи (Швейцария, 1993, 1994), Австрийской барочной академии в г. Гмунден (2008). Преподаёт в Казанской консерватории им. Н. Жиганова.

ИТАЛЬЯНСКОЕ

В старом городе пахнет мочой.
Зашнуровано крышами небо.
Зимний полдень закрыт на учёт,
В перманентном отсутствии снега.

Римский форум по горло зарос
За века опостылевшим бытом.
Там, где ветер целует взасос,
Провожали когорты на битву.

Камень стоптан и стёрты черты
Приснопамятной титульной расы.
Обращайся с богами на ты,
Пока блещут на солнце кирасы.

Жарить мясо и зёрна молоть
От зари до плебейских окраин,
Охраняя последний оплот,
Где не каждый не каждому равен.

Анфиладой сплошных площадей
Протечёт бесполезное время.
Ничего нет порочней людей
И внезапней припадка мигрени.

Невидимых цикад цыганский хор.
Акации. Засахаренный воздух.
С самой собой немолчный разговор,
Настоянный на звёздах.

Италия, ты мне не по глазам,
Твоё высокородное бесчинство.
Пуская пыль, ударишь по газам,
Земных страстей приумножая числа.

Где выжжено на памяти клеймо,
Где душу обещаниями грели,
Где выжатой луны висит лимон,
Выходит в люди Данте Алигьери.

В мотоциклетном шлеме и очках,
В сандалиях на босу ногу,
Понятья не имеет что и как
Ему придётся вымолить у Бога.

На колокольне отбивают такт.
Уклончивое будущее кличут.
Он в чувствах объясняться не мастак.
Вне зоны доступа вовеки Беатриче.

НЕГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Всяк водящий надежду оставил.
Город наглухо в пробках стоит.
Под сведёнными стужей мостами
Запечатан реки монолит.

Небо вывернуто наизнанку
Словно дедов овчинный тулуп.
Улетай в своё детство на санках.
Там когда-то и ты был неглуп.

Где-то потчуют чаем вприглядку,
Бьют баклуши и верят в себя.
Становись поутру на зарядку,
Целый день за компьютером спя.

Перепутай поэзию с прозой,
Оказавшись за чьим-то плечом.
Не расслышь безответных вопросов,
И не думай уже ни о чём.

Чтобы сидя рядком у окошка,
С кем и горькая правда смешна,
На пергаменте старческой кожи
Узелков разбирать письмена.

► Тимур Каримов

ЕВГЕНИЙ МАРГУЛИС: Песню «Бас, кызым, Эпипэ!» я знаю наизусть!

В октябре в столице Татарстана с аншлагом прошёл концерт легендарного музыканта и композитора Евгения Маргулиса. Певец считает Казань одним из самых любимых своих городов и исполнил еще не изданную новую песню о городе на Волге.

Имя Евгения Маргулиса хорошо известно всем любителям отечественного рок-н-ролла и блюза. Много лет он выделялся своей игрой в составе культовых групп «Машина времени», «Воскресение», «Аракс», а теперь уже более 4 лет находится в «свободном плавании». И при этом его собственные альбомы слушать порой даже интереснее, чем последние творения вышеуказанных групп.

С недавних пор музыкант ведёт ещё и собственную программу «Квартирник с Евгением Маргулисом» на одном из центральных телеканалов, имеющую огромное количество поклонников по всей стране.

– Слышал, что Вы записываете первый за пять лет новый альбом.

– В основном это совсем новые, придуманные этим летом песни. Нашло, знаете ли, муза залезла в уши и пальцы, хотел прогнать, но пожалел. По поводу исполнения новых песен будем думать, когда доберемся до вашего славного города! Альбом планирую выпустить к 25 декабря.

– Как у Вас возникла идея создания «Группы выходного дня» с Алексеем Романовым, лидером группы «Воскресение»?

– Все, как всегда, случайно, я записывал «Квартирник» с Лешей Романовым, и чтобы не быть просто ведущим программы, периодически брал в свои лапки бас-гитару. Нам всем это действие показалось занимательным. Так что мы решили без особого фанатизма иногда поигрывать совместные концерты. На этих

концертах зрители могут услышать великие Лешины песни, композиции, написанные совместно, песни, написанные мной в «Машине времени», просто сольные вещи. То есть в одном флаконе публика получает шампунь, кондиционер и фен! Так как из отцов создателей нас осталось только два человека, то решили не играть под вывеской «Воскресение», и поменяли его на «Группу выходного дня». Так прикольной, да и мы можем делать все, что душа пожелает в данный момент. Такие кайфовые джем-сейшены!

– Чем Вас привлек проект Михаила Башакова «ПатроновДоХрена»?

– На самом деле, я много где принимаю участие, правда, особо не афиширую свои появления. Для этого проекта я много чего напел, как певец и как артист на подпевках, конечного результата еще не слышал, но знаю, что будет круто. Миша Башаков и Боря Плотников, пригласившие нас в свой проект, – настоящие отличники! Привлек многим, все участники – мои близкие друзья, и я знаю, что могу от них ожидать высокого профессионализма.

– Не собираетесь ли написать книгу воспоминаний?

– Поступает много предложений от издательств, но желания у меня пока нет. Думаю и в дальнейшем тоже не будет!

– Не обидно ли Вам, что «Квартирник на НТВ с Евгением Маргулисом» не получил «Тэфи» в этом году?

– Не обидно! То, что нас номинировали на «Тэфи», я воспринял с большим недоумением, да и развлекательной

программой «Квартирник» назвать сложно. В этом смысле мы как Ростропович, которому задали вопрос: какой вы виолончелист в мире, и под каким номером вы себя видите? Ответ был отменный: «Вторым!». На вопрос: «Почему?», он ответил: «Да потому, что первых – до хрена». Мы отсняли уже более ста программ, и все они очень кайфовые. В первую очередь, я этого не скрываю, артисты должны понравиться мне. Ну а если кому-то не нравится, можно не смотреть.

– Какое самое яркое воспоминание у Вас связано с «Машиной времени»?

– Я очень давно вне «Машины». Я через четыре года после возвращения в «орденоносный» коллектив начал опять записывать сольные песенки с другими музыкантами, да и группы, как группы, уже давно нет. Это просто один из множества проектов Макара. В свободном

плавании мне намного комфортнее. Когда играешь в группе, всегда учишься музыкальные возможности коллеги по несчастью. И весьма обламывает, когда понимаешь, что выше определенного потолка прыгнуть нереально. Подобная неудовлетворенность всегда заканчивается либо сайд-проектом, либо уходом из коллектива!

– Кто из коллег Вас до сих пор вдохновляет?

– Все, кого я полюбил еще в детстве! Можно перечислять их до конца интервью. В первую очередь, The Beatles, Рэй Чарльз, Led Zeppelin, Роберт Джонсон, Эрик Клэптон и многие другие.

– Есть ли шанс у казанцев увидеть в «Квартирнике» выступления любимых казанских рок-групп: «Мураками», «Макс и ко», «Листья травы»?

– Конечно, есть. Для этого они должны мне предварительно понравиться. Со временем очередь может дойти и до них. Тем более, если они действительно интересны.

– Какое у Вас отношение к татарской культуре?

– Очень уважительное. Песню «Бас, кызым, Эпипэ» я знаю практически наизусть. Конкретных имён не назову, но в целом отношусь уважительно. Вообще, Казань – один из моих любимейших городов. С ним у меня связано много приятных воспоминаний, как и у всех «воскресенцев» и «машинистов». Я даже новую песню сочинил о городе, которую, возможно, посвящу Казани. Кроме того, у меня здесь много друзей. ▀

Ленар Шаех

КОЛЕСО

*Казанскому государственному
университету*

Промчались рысью времена,
Где был я юным и нелепым
И стойко грыз в твоих стенах
Гранит науки с чёрствым хлебом.

Мне дух студенчества знаком,
Он замечателен без глянца.
Я был доволен кипятком,
Хотя случалось обжигаться.

Среди торжественных колонн,
Где колесом катилась юность,
Сияла жизнь со всех сторон,
Дорога светлая тянулась.

О, колесо счастливых дней –
Оно осталось в прошлом где-то...
Я всё равно не стал умней,
Чем стены университета.

Пусть из богатства твоего
Лишь чемодан достался знаний,
Но драгоценнее всего
Мне целый воз воспоминаний.

Пройду, задумавшись... «Постой!..» –
Окликнут белые колонны...
Здесь были Ленин и Толстой,
И все другие поимённо.

Стоишь, веками убелён,
Мы все – твои единоверцы.
И белоснежный строй колонн
Навек впечатается в сердце.

(перевод Галины Булатовой)

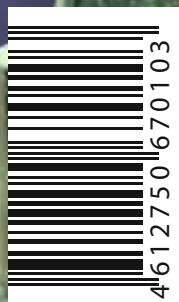
6+

«БОЛГАР РАДИОСЫ»

VI МИЛЛИ МУЗЫКАЛЬ ПРЕМИЯСЕ

КАЗАНЬ. КОНЦЕРТНЫЙ
ЗАЛ «ПИРАМИДА»

18:00, 8 ДЕКАБРЯ
2018 ГОД

ЛАУРЕАТ
Национальной музыкальной
премии "Алтын Боздаш"
— 2018 —
"Алтын Боздаш"
Музыкальная премия
ЛАУРЕАТЫ